

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Проблематика, методология,
исследовательские техники
современного социогуманитарного
знания

Материалы всероссийской
научной конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 14–15 апреля 2023 г.)

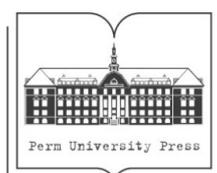
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

**Проблематика, методология, исследовательские техники
современного социогуманитарного знания**

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 14–15 апреля 2023 г.)

Пермь 2024

УДК 94(082)

ББК 63.3(0)

A77

Апрельские тезисы. Проблематика, методология, исследовательские техники современного социогуманитарного знания [Электронный ресурс] : материалы всероссийской научной конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 14–15 апреля 2023 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2024. – 4,01 Мб; 206 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2023.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4123-9

Настоящее издание является сборником материалов всероссийской научной конференции «Апрельские тезисы. Проблематика, методология, исследовательские техники современного социогуманитарного знания», состоявшейся 14–15 апреля 2023 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи из разных городов России.

УДК 94(082)

ББК63.3(0)

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности Пермского государственного института культуры, канд. ист. наук, доцент **А. А. Космовская**;

старший преподаватель кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, канд. ист. наук **Е. В. Матвеев**

ISBN 978-5-7944-4123-9

© ПГНИУ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Российской империи

- Белова А. М.* Пермский научно-промышленный музей: взаимодействие с земством в период 1890–1917 гг. 5
- Булдакова Д. Д.* Разработки и производство боевых отравляющих веществ и средств защиты от них в Германии и России в годы Первой мировой войны..... 13
- Всеволожский Г. К.* Российские дворяне в первой трети XVIII века на регулярной службе 22

Политические науки

- Лычев Г. Д.* Участие неправительственных правозащитных организаций в деятельности конституционного суда Российской Федерации..... 31
- Назарова Н. А.* Евроскептицизм правопопулистских партий Европы: фактор миграционного кризиса 2015 г..... 43
- Смыковский Е. А.* Динамика сотрудничества и соперничества в Арктике (Российская перспектива)..... 58

Археология Урала

- Лимонова М. А.* Фортификационные сооружения русских поселений Верхнего Прикамья (XV–XVII веков) эпохи русской колонизации в отечественной литературе 68
- Можяева А. А.* Каменные наконечники гаринской культуры со стоянки Чашкинское Озеро II (обобщение результатов исследований 2021–2022 гг.).... 76
- Назаров А. А.* Причины смены ориентировки погребений у удмуртов, коми, коми-пермяков, селькупов, манси и хантов 89
- Немцева Д. К.* Сравнительный анализ скребков развитого и позднего мезолита Пермского Предуралья..... 97

Всеобщая история

- Демидова Ю. Н.* Факторы преступного поведения в США последней трети XIX – начала XX вв. 105
- Николенко Д. А.* Общественно-политические настроения граждан Швейцарии периода Второй мировой войны..... 111
- Снигирев С. А.* Военские мемориалы в Великобритании после 1918 г.: увековечивание как бизнес..... 120

Тихомирова А. А. Американская семья в 1920-е годы: эволюция гендерных ролей и общественные дискуссии 129

Теории и практики Digital Humanities

Белова А. М., Конюхова Т. А. Просопографическая база данных земских служащих Пермской губернии: коллективный портрет земских врачей и внешкольных работников..... 138

Оборин Д. И. Взгляд в будущее сквозь иллюзию прошлого. Феномен нейронных сетей в дискурсе визуального поворота в исторических исследованиях..... 143

Овчинникова С. А. Воспоминания о трагедии Хиросимы и проблема их репрезентации в виртуальном пространстве 152

История СССР и постсоветского периода

Винник А. А. «Советская власть трудового народа»: сценарии власти большевиков в Пермской губернии в 1919 году..... 159

Газизуллин Т. А. Герменевтика в интеллектуальной истории: метод и стиль интерпретации идей прошлого 169

Цыганов О. И. Использование электронных архивов в реконструкции боевого пути солдата (на примере военной биографии политработника Красной Армии Николая Михайловича Лекомцева)..... 178

Культурологические аспекты исторических исследований

Бекленищева М. В. Музейное пространство как актор актуализации исторической памяти о побратимских связях на примере городов Свердловской области 189

Коваль Н. И. Культурная интерпретация исторического значения государства через семиотические образы в фильме А. Балабанова «Груз 200» 195

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94(436)+323.1+327.35

ПЕРМСКИЙ НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ МУЗЕЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЗЕМСТВОМ В ПЕРИОД 1890–1917 ГГ.

Белова Александра Максимовна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38

ambelova_2@edu.hse.ru

***Аннотация.** Пермский научно-промышленный музей был основан в 1890 году благодаря местному отделению Уральского общества любителей естествознания. Первоначально организация не имела достаточного количества средств для развития учреждения, поэтому активно искало поддержки извне. Пермское губернское земство и уездные земства были источником для финансовой поддержки и предоставления экспонатов для коллекции музея. Именно поэтому Уральское общество любителей естествознания активно сотрудничало с ними. Так как вся идея для создания такого учреждения связана именно с естественно-научным коллективом, то и его роль более часто и подробно рассмотрена в историографии, а вклад земств Пермской губернии практически не рассмотрен исследователями. В данной статье проанализированы поддержка земских учреждений, которая была оказана научно-промышленному музею в период 1890–1917 гг. Результатам исследования стали основные итоги данной деятельности в области финансирования, пополнения коллекции, предоставления удобств для размещения организации и рабочих кадров для просветительской деятельности Пермского научно-промышленного музея.*

***Ключевые слова:** Пермский научно-промышленный музей; земство; Пермская губерния; коллекция; просветительская деятельность.*

Пермский научно-промышленный музей был основан в 1890 году. Он стал первым краеведческим музеем в городе, который получил самостоятельность и после этого не принадлежал комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) или же губернскому земству. Пережив революцию, учреждение не только не прекратило свое существование, но и создало множество филиалов по городу, распределив коллекции по направлениям. На сегодняшний день Пермский краеведческий музей является потомком научно-промышленного и имеет 11 филиалов по всему региону. В связи с 300-летием города Перми интерес к изучению истории края возрастает, а музей является

уникальным местом для ее репрезентации. Для проведения работы были использованы источники по истории Пермского научно-промышленного музея из одноименного фонда Государственного архива Пермского края, а также задействована историографическая база, ссылки на которую представлены в ходе исследования.

Так как музей был основан комиссией Уральского общества любителей естествознания, то ее роль в создании учреждения рассматривается и изучается в историографии гораздо чаще, нежели земств Пермской губернии, которые активно взаимодействовали с членами совета музея и самим учреждением. Именно поэтому целью данной статьи является изучение и анализ деятельности земств в развитии научно-промышленного музея. Кроме этого, планируется проследить роль земств в пополнении коллекции, финансировании. В данном исследовании были использованы такие методы как историко-хронологический и типологический.

Уральское общество любителей было основано во второй половине 1870 года в Екатеринбурге. Инициатором его создания стал Онисим Егорович Клер, благодаря которому 29 октября был составлен устав общества. Целью общества стало краеведческое изучение истории Урала, распространение знания о нем среди населения. С течением первого десятилетия существования его представительство появилось в нескольких уездах, а также были созданы несколько библиотек и музеев при учебных заведениях. К 1890 году отделение общества любителей естествознания появилось и в Перми. Пермский научно-промышленный музей был основан комиссией благодаря открытию ее отделения в городе. Началом существования как музея, так и пермского отделения УОЛЕ можно считать 15 ноября 1890 года, когда впервые было собрано заседание комиссии [Сушкова, 2014]. Решение открыть в Перми общественный музей было принято на заседании Пермской комиссии УОЛЕ 13 марта 1892 года. Первые несколько встреч в рамках учреждения были направлены на организационные моменты, а именно выбор председателя музея, хранителей фондов книг, предметов и коллекций. А. А. Криль занял должность хранителя, а секретарем стал С. И. Сергеев.

Земства – это выборные органы местного самоуправления, созданные в Российской Империи благодаря реформе 1864 года. Нововведения внедрялись по стране постепенно, поэтому в Пермской губернии уездные земства открылись в период начала-середины 1870 года. Самым последним было учреждено Пермское губернское земство – 21 июня 1870 года. Основной целью земской реформы было создание местного самоуправления в губерниях и уездах. Па-

раллельно с этим учреждения занимались просветительской работой. Так называемые «внешкольники» проводили курсы по переподготовке и переобучению грамоте людей, забывших знания, которым обучались в школе. Помимо этого, служащие проводили общие чтения, на которых как раз и происходило вспоминание утраченных навыков. Деятельность была направлена на все слои населения, поэтому земства проводили просветительскую деятельность по всей губернии. В первые годы существования просветительская деятельность уездных земств была направлена лишь на подготовку и обучение педагогов. Но в последующие годы появились и другие направления, к примеру, в Чердынском уездном земстве появились различные культурные инновации, включавшие в себя и народные чтения, библиотеки, создание театров и курсов при них. Появился даже личный передвижной кинематограф, функционирующий по всему уезду и за его пределами. В целом, Чердынский уезд был самым первым среди других территорий Пермской губернии, который осуществлял нововведения. К примеру, в 1901 году при нем был открыт свой музей, в то время как земские музеи появились лишь в 1910-х годах. В Чердынском уезде существовало (и существует на сегодняшний день) национальное разделение, так как на этой территории проживает большое количество коми-пермяков. Уездное земство впервые в 1880-х годах создало национальную школу, организовало при нем все вышеперечисленные просветительские инновации, такие как библиотеки, экскурсии. Эти действия Чердынского уезда в поселении Коса сформировали школьную сеть учебных заведений и центров, которые функционируют и на сегодняшний день [Протасова и др., 2016].

Известным остается и здание, которое было построено специально для Пермской губернской управы. В 1910-х годах на должность земского архитектора был приглашен В. А. Волошинов, который утвердил проект нового здания для учреждения. До 1915 года губернское земство располагалось в здании бывшего школьного комплекса, который перестал функционировать еще в середине XX века. Новое здание стали строить в 1913 году и планировали достроить к 1914, но из-за начавшейся Первой мировой войны сроки затянулись. В процессе работ в здании располагалась и военная часть, и филиал Пермского университета, а для губернского земства оно так и не было освобождено.

Для пермского отделения Уральского общества любителей естествознания было необходимо также создать устав музея или же краткий очерк с указанием основной деятельности учреждения. Речь об основных задачах музея была представлена Н. Н. Новокрещенных в первые заседания комиссии Уральского общества любителей естествознания. Такие сведения предполагались для каж-

дого музея, в том числе и передвижного, появившегося при пермском научно-промышленном музее уже в 1900-х годах. Пермское отделение комиссии и непосредственно музей создавались в рамках одной цели – изучения истории Урала, истории Перми и сохранении предметов исторической ценности об этом регионе. Именно поэтому членами общества и иными меценатами Пермской губернии при поддержке губернского земства была организована археологическая экспедиция для раскопок Гляденовского костыща. Но подобные выездные мероприятия по сбору предметов исторической ценности были связаны не только с археологией. Экспедиции путешествовали по всей губернии для сбора исторических ценностей, к примеру, икон, минералогических коллекций и так далее. Первоначально инициаторами пополнения коллекции музея становилась непосредственно сама комиссия. Кроме археологических раскопок и сборов предметов по губернии сами члены комиссии нередко дарили либо же покупали предметы для учреждения. Но постепенно предметы стали поступать из частных коллекций, дариться другими музеями, в том числе и земскими, а также закупаться на сборы учреждения. К тому же важной частью финансового функционирования музея стали как общественные сборы с участников комиссии и совета учреждения, так и ежегодные взносы земств Пермской губернии, которые отражались в отчете Пермского научно-промышленного музея и отправлялись в губернское земство.

Отдельной проблемой, которая вызвала трудности в работе научно-промышленного музея, стала сложность с поиском помещения для учреждения. Изначально Пермское губернское земство выделило небольшую комнату в здании собственной управы в конце 1892 года, но спустя пару лет оно было изъято под нужды города. В 1896 году Перми был пожертвован дом А. С. Любимовой, находящийся в городском пользовании несколько лет по причине сильной разрухи его из-за пожара. Здание отдавалось в безвозмездное пользование на все время существования музея, об этом упоминалось в соглашении с А. С. Любимовой Пермским губернским земством, но при этом в строении отсутствовал ремонт. И именно это большое здание было отдано под нужды учреждения. Из-за переезда и размещения музей открылся вновь в новом помещении в 1897 году, в котором было достаточно места для размещения всех имеющихся коллекций. В этом доме музей располагался до начала 20-х годов XX века, но стоял вопрос нехватки места из-за отсутствия ремонта. В новом здании было приспособлено лишь два больших экспозиционных зала, поскольку другие комнаты не позволяли размещать экспозицию из-за размера [Ваганов, 2012]. Но, несмотря на неудобства, после сбора средств здание застроили но-

выми витринами и сделали более удобным для посетителей. К началу революции музей занимал все три этажа здания.

Как уже говорилось, земства в Пермской губернии – уездные и губернское – вели активную просветительскую деятельность среди населения. Но в других губерниях в 1890-1900 годах учреждения спонсировали открытие при своих помещениях музеев. В Пермской губернии музейная сеть стала развиваться лишь в 1910-х годах, так как до этого учреждения активно взаимодействовали с пермским научно-промышленным музеем. Он стал своеобразной «пробой пера» для дальнейшей работы. В 1890 году совместно с местным отделением комиссии Уральского общества любителей естествознания представители губернского земства вошли в состав совета музея. В целом, в первые десять лет существования учреждения губернское земство почти не взаимодействовало с ним. Вопросы сотрудничества были лишь административными, например, о предоставлении здания музея в 1894 и 1897 годах. Также, хотя и редко, земская управа выделяла средства на развитие учреждения. Земства выделяли различные субсидии: в 1897 году – 500 рублей, а в 1899 г. – еще 1000 рублей [Ваганов, 2012]. Общество Пермского музея также составляло ежегодный отчет о финансовой составляющей, посетителях и пополнениях коллекции и отправлял его в губернское земство.

В отчете Пермского научно-промышленного музея за 1908 год [*Краткий отчет*, 1908] указывалось, что только половина уездных земств (Осинское, Кунгурское, Шадринское, Пермское, Оханское и Соликамское) выделили субсидии на развитие научной и просветительской деятельности. Этот факт смутил руководство Пермского музея, так как само учреждение создавалось для популяризации истории и достояния всей Пермской губернии, поэтому музею необходима финансовая поддержка от всех уездных управ.

Из сводной таблицы отчета о финансировании видно, что больше всего уездные земства спонсировали музей в 1903 году, в следующие годы прекратили. Губернское земство сначала не спонсировало музей на постоянной основе, но после 1903 года стало выделять деньги ежегодно, увеличивая свои дотации. К сожалению, причины такого взаимодействия остаются неясными.

В процессе изучения литературы и источников был сделан вывод о том, что в первое десятилетие своего существования пермский научно-промышленный музей развился как благодаря пермской комиссии общества любителей естествознания, так и деятельности губернского земства [Русинова, 2008]. Земские деятели хоть и не предоставляли помощь в организации экспозиции, но выделили помещение для музея. Кроме этого, в отчетах музея второй половины

1890-х годов были предоставлены сведения о выделении средств для развития учреждения уездными земствами.

Несмотря на то, что в 1901 году музей был признан самостоятельным учреждением, он продолжал сотрудничество с земствами губернии. Они существенно упрощали механизм работы музея, предоставляя финансовую помощь и преподнося музею идеи для просветительской деятельности. С этого десятилетия начинается активное взаимодействие пермского научно-промышленного музея с уездными земствами. При учреждении была открыта просветительская площадка, библиотека и передвижной музей. Музей использовал зданием губернской земской управы как местом для проведения общественных мероприятий. Так, в Перми научно-промышленный музей принимал у себя лекторов из земских служащих с различными докладами по темам медицины, образования, истории и краеведения. Здание и забор музея использовались как стенд для размещения материала, предоставленного губернским земством. В основном это были плакаты о профилактике различных заболеваний в период эпидемий. Для передвижного музея существовали отдельные прерогативы. Он обменивался научно-учебной литературой с уездными земствами, при приезде организовывал лектории, проводимые только в Перми, предоставлял материал для наглядного изучения школьных тематик, к примеру, связанных с биологией или естествознанием. Эта деятельность не только повышала авторитет музея, но и приносила прямую пользу уездным земствам.

Пермский научно-промышленный музей финансировался из разных источников. В одном из писем члена комиссии в музей сообщалось о том, что была получена коллекция горных пород, предназначенных для Пермского музея. Помимо спонсорства от государства, музей публиковал в газетах обращения к гражданам с просьбой сообщать о находках ценных предметов [Ваганов, 2015]. Одной из важной частью деятельности музея была организация выставок. Земства выделяли средства, привлекали земских служащих и предоставляли здания по всей территории губернии. Чем активнее музей проводил лекционно-просветительскую работу, тем чаще его посещали, и тем активнее пополнялась его коллекция и финансы. Выставки и лекции, организованные земствами, могли быть как платными, так и бесплатными, полученные средства шли на нужды музея.

В 1910-х годах при развитии музейной сети при уездных земствах учреждение находит новые источники взаимодействия. Музей вел активную переписку с уездами и обменивался коллекций, научной и учебной литературой и содействовал советами с организацией работы на местах. Сохранилась переписка между пермским научно-промышленным музеем и музеем при Осинском

земстве 1911 г. для обмена коллекцией ископаемых, которые Осинский совет признал большой для собственного пространства. Данная коллекция была размещена в музее как подарок земской управы.

Существование Пермского научно-промышленного музея, несомненно, связано с деятельностью пермского отделения Уральского общества любителей естествознания. Но без поддержки Пермского губернского земства не было бы ни здания учреждения, ни средств на развитие в первые годы его существования. Первое десятилетие уездные земства относились к новой идее пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания с недоверием, неохотно выделяя средства и отзываясь негативно о его деятельности. В процессе развития музей приобретал популярность среди посетителей, пополнял коллекции, сотрудничал с губернской земской управой. Кроме того, музей выступил своеобразной «пробой пера» перед созданием земской музейной сети по всей губернии. Стоит отметить, что после открытия земских музеев в различных уездах сотрудничество с научно-промышленным музеем продолжалось, земства заимствовали его идеи и приглашали лекторов. Пермский научно-промышленный музей стал основой для создания нового направления просветительской деятельности в губернии.

Библиографический список

1. Ваганов А. А. Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период // Исторические исследования: материалы I Международной научной конференции. 2012. С. 28–34. URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/54/2407/> (дата обращения: 10.03.2023).

2. Ваганов А. А. Становление и развитие музеев на Урале во второй половине XIX – начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Челябинск, 2015. 246 с.

3. Невоструев Н. А, Лядова В. В. Роль и место общественных организаций в становлении и развитии элементов гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Пермской губернии). 2020. № 8. С. 34–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-obschestvennyh-organizatsiy-v-stanovlenii-i-razvitii-elementov-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-hih> (дата обращения: 06.03.2023).

4. Отчеты Пермской Комиссии Уральского общества любителей естествознания // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 680. Оп. 1 Д. 3. Л. 177.

5. Программа (вопросы) организации народных музеев // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 630. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

6. Проект устава музея // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 680. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

7. Протасова Е. В., Шишигина Е. Г. Культурно-просветительская деятельность чердынского уездного земства Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 27. С. 63–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelskaya-deyatelnost-cherdynskogo-uezdnogo-zemstva-permskoj-gubernii-na-rubezhe-xix-xx-vekov/viewer> (дата обращения: 10.03.2023).

8. Русинова М. П. Уральское общество любителей естествознания в образовательном пространстве Урала // Педагогическое образование в России. 2008. № 1. С. 56–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uralskoe-obschestvo-lyubiteley-estestvoznaniya-v-obrazovatelnom-prostranstve-urala> (дата обращения: 06.03.2023).

9. Сушкова Н. И., Селянинова Г. Д. Деятельность Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания: 1890–1901 гг. // Вестник НАСА. 2014. №1 (10). С. 62–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-permskoj-komissii-uole-1890-1901-gg> (дата обращения: 30.05.2023).

10. Харитонова Е. Д., Серова С. В. Пермский областной краеведческий музей: Исторические очерки. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 135 с.

PERM SCIENTIFIC AND INDUSTRIAL MUSEUM: INTERACTION WITH THE ZEMSTVO IN THE PERIOD 1890–1917

Belova Aleksandra M.
High School of Economics
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia,
ambelova_2@edu.hse.ru

Abstract. *The Perm Scientific and Industrial Museum was founded in 1890 thanks to the local branch of the Ural Society of Lovers of Natural Science. Initially, the organization did not have enough funds for the development of the institution, so it actively sought outside support. The Perm provincial zemstvo and county zemstvos were a source for financial support and the provision of exhibits for the museum's collection. That is why the Ural Society of Natural Science Lovers actively cooperated with them. Since the whole idea for creating such an institution is connected precisely with the natural science team, their role is more often and in detail considered in historiography, omitting the zemstvo of the Perm provinces. This article examines the support of institutions that was provided to the scientific and industrial Museum in the period 1890–1917. The results of the study were the main results of this activity in the field of financing, replenishment of the collection, provision of facilities for the organization and working personnel.*

Key words: *Perm Scientific and Industrial Museum; Zemstvo; Perm province; collection; educational activities.*

РАЗРАБОТКИ И ПРОИЗВОДСТВО БОЕВЫХ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ И СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ОТ НИХ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Булдакова Дарья Дмитриевна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
buld2002@yandex.ru

***Аннотация.** В статье дается характеристика процессу разработок и производства боевых отравляющих веществ в Германии и России. Рассматривается привлечение частных заводов к производству как самих боевых отравляющих веществ, так и их компонентов, а также производство боевых отравляющих веществ государственными предприятиями противоборствующих сторон. Автор рассматривает процесс создания и разработок средств защиты от боевых отравляющих веществ как в Германии, так и в России: от примитивных марлевых повязок до поливалентных противогазов. Дается оценка уровню химической промышленности обеих стран, а также эффективности средств защиты, созданных в ходе войны.*

***Ключевые слова:** боевые отравляющие вещества; химическое оружие; Первая мировая война; противогаз; противохимическая защита; разработки; производство.*

Вторая половина XIX в. ознаменовалась бурным развитием химии и химической промышленности. Стали активно разрабатываться новые методы и технологии получения веществ, в том числе ядовитых и отравляющих. Создаваемые виды оружия заинтересовали руководителей ведущих армий мира, и сподвигли их применять новые средства поражения живой силы противника. Такие вещества довольно быстро оказывают отравляющий эффект и приводят к летальному исходу. Именно поэтому их стали применять как оружие массового поражения на полях сражений. Первое применение боевых отравляющих веществ (БОВ) произошло в годы Первой мировой войны и оказало серьезное влияние на характер ведения войны.

Целью исследования является сравнительный анализ производства и проблем, связанных с производством боевых отравляющих веществ, а также способов защиты от них в армиях Германии и России.

Актуальность данной темы заключается в выявлении этапов формирования различных институтов, связанных с химическим оружием, в том числе институтов, призванных обеспечить весь личный состав средствами защиты, сохраняющими жизнь и здоровье военнослужащих. Также актуальность работы заключается в комплексном и всестороннем исследовании: от разработки и производства, до использования в военных целях, как самих БОВ, так и средств защиты от них.

Методологическую основу исследования составляет теория модернизации, позволяющая раскрыть этап перехода социума в России и Европе от традиционного к индустриальному типу, вводящего в повседневность такие новинки науки и техники, как химическое оружие.

В работе также используется историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить армии противоборствующих сторон.

Источники по теме можно разделить на несколько типов. К первому типу источников будут относиться воспоминания, например воспоминания академика В. Н. Ипатьева, позволяющие проследить процесс создания институтов производства БОВ и противогазов. Второй тип источников составляют нормативно-правовые документы, например, приказы начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, позволяющие проследить этапы внедрения средств защиты и применения БОВ в армии России.

Производство боевых отравляющих веществ (БОВ) накануне Первой мировой войны в обеих странах велось достаточно активно: строились новые заводы для их выпуска и выпуска их компонентов, совершенствовались технологии производства. Стоит отметить, что налаживание производства, следовательно, и выпуска отравляющих веществ в странах Европы, началось раньше, чем в России.

Использовать химию в военном деле первыми начали не в Германии. Еще с начала войны французская армия стала применять гранаты, заполненные этилбромацетатом, который в два с половиной раза токсичнее хлора. Примерно в это же время, британские войска применяли различные газы, в том числе, сернистый. Но, стоит отметить, что такое применение химии не принесло особых успехов, в отличие от газовых атак, которые стали регулярно проводиться на различных фронтах войны с января 1915 г.; и которые были впервые проведены немецкими войсками.

Германия

Химическая промышленность в Германии еще до начала Первой мировой войны успела многого достичь, что дало этой стране преимущество в ведении химической войны.

Разработками химического оружия в Германии стали заниматься с 1914 г. в физико-химическом институте, которым руководил Вальтер Нернст, и институте имени «кайзера Вильгельма», которым руководил Фриц Габер: здесь стали проводить опыты с оксидом диметиларсина и дихлорид карбониллом. Опыты были прекращены из-за взрыва, который произошел в лаборатории института физической химии. Также стоит отметить, что в Германии была создана Военная химическая школа, в которой насчитывалось порядка полутора тысяч человек технического и командного персонала, несколько тысяч рабочих; а в ее лаборатории в Гюште работало три сотни химиков. Данная школа была переведена в 1915 г. из Берлина в Леверкузен – центр производства БОВ [Де-Лазари, 2008, с. 16]. В 1916 г. Фриц Габер был назначен начальником химической службы, которая занималась исследованиями в области БОВ, а также производством химического оружия и средств защиты от них. Помимо этого, химическая служба подготавливала военных химиков.

Первым использованием химии в военном деле немцами, стала массированная артиллерийская химическая стрельба (артхимстрельба) в битве при Нев-Шапель. Здесь немцы использовали шрапнельные гаубичные снаряды – шрапнель «Ni», разработанные Вальтером Нернстом. Это были обычные гаубичные снаряды, начиненные шрапнелью, за одним исключением: помимо основного элемента снаряда – сферических пуль – в него добавляли сульфат гидрозиния. Однако такие снаряды не применяли в последующих битвах из-за кратковременности действия дианидизина [Супотницкий и др., 2020, с. 99–100].

В первой немецкой газовой атаке, проведенной под Болимовым, в качестве снарядов использовали гаубичный снаряд «черная грана Т», разработанный доктором Гансом фон Таппеном. Также эти снаряды использовали и в битве под Ньюпортом, в марте 1915 г. [Де-Лазари, 2008, с. 188]. Однако эти атаки показали неэффективность снарядов. Метилбензилбромид в несколько раз плотнее воздуха, что должно было обеспечить длительную стойкость его паров на местности, но этого не произошло вследствие низкой температуры окружающей среды.

В апреле того же года, немецкие химики разработали «зеленую гранату Т» [Супотницкий и др., 2020, с. 101], которую заполняли 1-бром-2-пропаном, более устойчивым к низким температурам, но и у него были недостатки.

На момент первой половины 1915 г. немецкая химическая промышленность еще не могла производить отравляющие вещества достаточной концентрации и в достаточных объемах специально для военных нужд. Однако такими артохиматаками уже можно было наносить урон противнику, хоть и незначительный.

После ряда неудач, немецкие войска стали использовать другие ОВ и продолжили ведение химической войны. Одним из таких «новых» веществ стал хлор – едкий, удушливый газ желто-зеленого цвета со специфическим запахом. Идея использования этого вещества в военных целях принадлежит Фрицу Габеру, которого называют «отцом химического оружия». Это утверждение справедливо. Находясь на посту консультанта военного министерства Германии, Габер предложил использовать в качестве отравляющего вещества газообразный хлор, выпускаемый из баллонов. Хлор не сложен в получении, тем более что в начале XX в. химическая промышленность бурно развивалась и хлор содержался в отходах производства. Имея обширные связи, Габер наладил массовое производство этого вещества. Такие немецкие компании как «BASF», «Hoechst» и «Bayer» получали хлор в виде побочного продукта при изготовлении красителей [Хавкин, 2014, с. 48].

К началу 1915 г. германская армия имела весьма примитивную защиту от газов в виде подушечек из очесов, пропитанных гипосульфитным раствором, или мешочков из прорезиненной ткани, внутри которого находился влажный тампон размером с ладонь, который германские солдаты использовали в битве при Ипре и при атаке крепости Осовец. После того как немецкие войска понесли потери во время наступления за газовой волной при атаке Осовца, в сентябре 1915 г. был разработан и поступил на вооружение в германскую армию сухой противогаз с однослойным патроном образца 28/8, состоящий из маски и фильтрующего патрона, наполненного кизельгуром или пемзой и пропитанного раствором карбоната калия, но он защищал только от хлора. Такой противогаз просуществовал в армии Германии вплоть до конца войны. Однако стоит отметить, что в начале 1916 г. в фильтрующей коробке немецкого противогаза помимо пемзы и кизельгура появляется слой активированного угля и диатомит, пропитанный гексамином. Это произошло вследствие попадания в руки к немцам противогаза Зелинского-Кумманта, еще не принятого в русской армии. Как он к ним попал – неизвестно. Но уже в феврале на основе этого противогаза, немцы создали собственный с фильтрующим патроном образца 11/11, другое название которого – трехслойный патрон 1916 г. [Супотницкий и др., 2020, с. 186].

Стоит отметить, что за годы войны в Германии было произведено около 87 тыс. т хлора, 264 т смеси хлора и дихлорид карбонила, 7,5 тыс. т 2,2-дихлордиэтилсульфида (включая хлорбензол как растворитель). Ежемесячное производство фосгена и дифосгена составляло 630 т, иприта – 300 т, трихлорнитрометана – 200 т, а в целом за время военных действий – 75 тыс. т ОВ [Федоров, 2019, с. 13].

Всего за годы войны воюющими сторонами было произведено 180 тыс. т различных ОВ, из которых применено 125 тыс. т. [Супотницкий и др., 2020, с. 5].

Россия

К началу мировой войны многие химикаты ввозились в Россию из-за границы, хотя их можно было добывать и получать внутри страны, например, нитраты натрия и калия, которые использовались не только в военных целях, но и в качестве удобрений. Это обуславливалось технологической отсталостью страны. С началом войны поставки таких веществ прекратились.

В 1915 г. Россия стала ощущать «снарядный голод», который возник из-за отсутствия компонентов для производства взрывчатых веществ. Для решения этой проблемы 6 февраля 1915 г. была учреждена «Комиссия по заготовке взрывчатых веществ», которую возглавил академик В. Н. Ипатьев [Ипатьев, 1945, с. 440]. В задачи комиссии входило сначала инспектирование, а затем налаживание производства бензола и толуола пиролизом нефтепродуктов, получения пикриновой кислоты и аренов, а также увеличение производства серной и азотной кислот, необходимых для изготовления взрывчатых веществ. Специально для этого членами комиссии проводились инспекции государственных и частных заводов Донбасса. В результате уже через полгода было налажено производство бензола [Ипатьев, 1945, с. 454].

После первой газобаллонной атаки немцев на русско-германском (Восточно-европейском) фронте на р. Равке в районе Болимова у Воли Шидловской, в результате которой русская армия понесла большие потери, В. Н. Ипатьев был откомандирован в распоряжение принца А. П. Ольденбургского, который был начальником Санитарной и эвакуационной части русской армии, а также занимался противогазовой защитой, в том числе снабжением войск противогазами [Приказ Начальника Штаба..., 1916]. После осмотра поля битвы, а также раненных солдат, был сделан вывод о том, что немцы применили сжиженный хлор, находящийся в баллонах. Об этом, а также о возможности производства жидкого хлора на заводах «Любимов, Сольвэ и К^о» около ст. Переездной в районе Лисичанска и «Электрон» в Славянске, академик доложил Верховному Главнокомандующему Вел. кн. Николаю Николаевичу.

В результате был отдан приказ о создании Комиссии по удушающим средствам (УС), которой было поручено их производство [Ипатьев, 1945, с. 487, 489–490].

Позже выяснилось, что Комиссия по заготовке взрывчатых веществ и Комиссия по удушающим средствам имеют сходное назначение и было принято решение об их объединении и подчинении одному органу – Химическому комитету при Главном Артиллерийском Управлении (ГАУ), председателем которого стал В. Н. Ипатьев.

Производство отравляющих веществ преследовало две цели: первая – выпуск их из баллонов во время газовых атак, а вторая – наполнение ими снарядов с целью обстрела противника в окопах. Для реализации первой задачи в основном использовали сжиженный хлор, который закачивали в баллоны под давлением 30–35 атм., к нему добавляли трихлорнитрометан для уменьшения его летучести и повышения молярной массы, благодаря чему эта смесь дольше задерживалась в углублениях ландшафта и делала их непроходимыми для пехоты, в особенности, если войска не имели фильтрующих противогазов. На начальном этапе применения ОВ были особо эффективны, так как влажные марлевые повязки были бесполезны для защиты от хлорпикрина. Для реализации второй задачи использовались различные вещества, но главным образом трихлорнитрометан, дихлорид карбонила, циановодород, хлорид мышьяка, которыми заполнялись артиллерийские снаряды, аэробомбы, ручные гранаты, мины [Ипатьев, 1920, с. 39].

Основными поставщиками хлора стали завод «Любимов, Сольвэ и К^о» около ст. Переездной в районе Лисичанска и завод «Электрон» в Славянске [Ипатьев, 1920, с. 39]. На этих заводах хлор получали путем электролиза хлорида натрия, и, используя баденский компрессор, сжиживали его. Помимо этих предприятий, хлор выпускали также: Технологический институт в Петрограде, заводы Саратовской городской управы, Симбирского губернского земства и др. [Ипатьев, 1920, с. 40].

До войны в России не производили дихлорид карбонила. Его выпуск был налажен только к осени 1915 г. С октября 1915 г. производить фосген начал завод Иваново-Вознесенского Товарищества механических изделий, а с января 1916 г. – завод Товарищества Шустова в Москве [Ипатьев, 1920, с. 40].

Средства защиты, изделия, подобные противогазу, люди стали использовать еще в средние века во время пандемии чумы. Всем известная чумная маска врача, представлявшая так называемый «клюв», стала прототипом противогаза Прокофьева, который использовался на Восточном фронте с сентября 1915 г.; а плащ средневекового врача стал прототипом плаща, используемого личным составом армий для защиты от капель 2,2-дихлордиэтилсульфида.

На начальном этапе войны армии противоборствующих сторон использовали маски, пропитанные тиосульфатом натрия. Однако они имели огромный недостаток. Дело в том, что гипосульфит вступает в реакцию с хлором, а образовавшиеся серная и соляная кислоты, в свою очередь, сами реагируют с тиосульфатом натрия. Таким образом, маска, пропитанная гипосульфитом, могла защитить от хлора, но оставался риск отравления сернистым ангидридом. Эту проблему решили к лету 1915 г., включив в состав пропитывающего вещества карбонат натрия в достаточном количестве, а также пропантриол-1,2,3; который предотвращал быстрое испарение пропитки [Фугуровский, 1942, с. 19].

Одной из первых масок, используемых на фронте русской армией, была «повязка Красного Креста». Эти маски появились благодаря принцу А. П. Ольденбургскому, который воззвал к женским организациям с призывом начать массовое изготовление марлевых масок [Де-Лазари, 2008, с. 197]. Однако такие маски были слишком тонкими и не защищали от газов. Помимо масок Красного Креста существовали также и другие примитивные средства защиты.

К началу 1916 г. русская армия по большей части была снабжена «влажными масками», которые не гарантировали защиты от фосгена, уже применяемого немцами. В связи с этим были начаты исследования, целью которых было найти вещество, способное защитить дыхательные органы от применяемых ОВ. Такое вещество было найдено: им оказался уротропин, полученный А. М. Бутлеровым еще в 1860 г.

Для приготовления уротропина, которым стали пропитывать защитные маски, был необходим метанол высокой чистоты. Сырой метанол производили в Костромской, Вологодской, Пермской и Вятской губерниях, однако такой спирт нуждался в очистке. Для этого был построен завод в селе Вознесенском. Именно он являлся главным поставщиком химически чистого метанола. Также была достигнута договоренность с Костромским управлением Государственных имуществ о постройке завода [Ипатьев, 1920, с. 43].

К последнему типу «влажных масок», которые использовали в русской армии, относится маска Химического комитета ГАУ, сконструированная Н. Т. Прокофьевым. Это защитное средство уже было похоже не столько на маску, сколько на противогаз. Однако она им все же не являлась в силу отсутствия фильтрующего элемента.

Применение германскими войсками БОВ, от которых не спасали «влажные маски», привели к необходимости создания «сухих противогазов». Активные немецкие разработки в области химического оружия привели к тому, что русские химики не успевали придумывать новые пропитывающие вещества.

Именно поэтому они пришли к мысли о создании «поливалентного противогаза». Стоит отметить, что в этом же направлении действовали и немецкие ученые.

В России наиболее удачными считаются противогазы Горного института и Зелинского-Кумманта. Первый был разработан в 1915 г. на базе Горного института в Санкт-Петербурге А. А. Тресевичем. Такой противогаз состоял из фильтра, соединенного с дыхательными путями загубником. Фильтрующий элемент содержал смесь гидроксидов натрия и кальция, а также древесный уголь. Однако такое средство защиты все же оказалось непригодным, из-за чего в битве под Сморгонью русские войска понесли большие потери.

Совершенно иным был противогаз Зелинского-Кумманта. В отличие от описанного выше, в этом противогазе использовался активированный уголь. У такого поглотителя выше пористость, а значит выше адсорбирующие свойства. В июне 1915 г. поглотитель Н. А. Зелинского был объединен с маской М. И. Кумманта в результате чего противогаз приобрел законченный вид. Это защитное средство было принято на вооружение русской армией к концу 1916 г. [*Де-Лазари*, 2008, с. 225] и использовалось вплоть до окончания войны.

Таким образом, мы видим, что химическая промышленность в обеих странах стремительно развивалась. Хотя немецкая промышленность в довоенные годы смогла достичь многого, по мере развития событий на различных театрах боевых действий, этого оказалось недостаточно. Не было разработок и хорошо налаженного механизма производства противогазов, что, разумеется, сыграло роль в ходе войны. Технически отстававшая же от своих союзников и противников Россия в довольно короткие сроки смогла наладить производство боевых отравляющих веществ и их компонентов. А в области создания средств защиты от ОВ, русские разработки вышли вперед, впоследствии противогазы поставлялись союзникам. Стоит также отметить, что в области разработок и производства средств защиты российские и немецкие ученые шли вровень и по одной схеме. Однако, использование технологии активации угля и его добавление в фильтрующий элемент противогаза Зелинского-Кумманта, а также наиболее удобная в сравнении с маской и фильтрующей коробкой немецкого противогаза [*Фрайс, Вест*, 1924, с. 464] конструкция шлема [*Супотницкий*, 2020, с. 148], делали ведение боя для частей русской армии более комфортным и эффективным.

Библиографический список

1. *Де-Лазари А. Н.* Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк / рауч. ред. и коммент. М. В. Супотницкого. М.: Вузовская книга, 2008. 268 с.
2. *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. 560 с.
3. *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. 48 с.
4. Приказ начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 1567 от 14 ноября 1916 г.
5. *Супотницкий М. В., Петров С. В., Ковтун В. А.* Химическое оружие в Первой мировой войне. М.: Русская панорама, 2020. 446 с.
6. *Федоров Л. А.* От хлора и фосгена до «Новичка»: история создания советского химического оружия. М.: Родина, 2019. 640 с.
7. *Фигуровский Н. А.* Очерк развития русского противогаса во время империалистической войны 1914–1918 гг. М-Л.: Издательство Академии наук Союза ССР, 1942. 99 с.
8. *Фрайс А., Вест К.* Химическая война. М.: Государственное военное издательство, 1924. 506 с.
9. *Хавкин Б. Л.* Он удушил газом тысячи и спас от голода миллионы // Родина. 2014. № 11. С. 46–50.

DEVELOPMENT AND PRODUCTION OF CHEMICAL WARFARE AGENTS AND MEANS OF PROTECTION AGAINST THEM IN GERMANY AND RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Buldakova Darya D.
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia
buld2002@yandex.ru

Abstract. *The article describes the process of development and production of chemical warfare agents in Germany and Russia. The involvement of private factories in the production of both the chemical warfare agents themselves and their components, as well as the production of chemical warfare agents by state-owned enterprises of the warring parties, is considered. The author examines the process of production and development of means of protection against chemical warfare agents both in Germany and in Russia: from primitive gauze bandages to polyvalent respirators. The assessment of the level of the chemical industry in both countries, as well as the effectiveness of protective equipment created during the war, is given.*

Key words: *chemical warfare agents; chemical weapon; World War I; respirator; chemical protection; development; production.*

РОССИЙСКИЕ ДВОРЯНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА НА РЕГУЛЯРНОЙ СЛУЖБЕ

Всеволожский Георгий Константинович
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
goshavs@mail.ru

***Аннотация.** Петровские реформы вызывают большой интерес в современном обществе. Вместе с тем, несмотря на достаточно долгую историю изучения периода петровского царствования, существуют темы, изученные не полностью. В данной статье автор анализирует влияние на жизнь широких слоёв общества, в частности, на российское дворянство, последствий военной реформы. До сих пор исследования создания регулярной армии проходили или в русле военной истории, которую интересовали битвы и вооружение армий, или ограничивались констатацией факта консолидации российского дворянства благодаря регулярной службе. Такие исследования несли умозрительный характер и не опирались на статистические данные. Данное исследование основано на материалах «сказок» Герольдмейтсерской конторы и позволяет рассмотреть влияние службы на широкие слои провинциального дворянства. В результате делаются выводы о долгой службе, которая имела негативные последствия для психологического и физиологического состояния дворян-офицеров.*

***Ключевые слова:** российское дворянство, Северная война, офицерский корпус Петровской армии, «офицерские сказки», социальная история*

Первая четверть XVIII в. – время значительных перемен в российской армии, ставшей регулярной, то есть постоянно функционирующей, основанной на рекрутских наборах. Необходимость вооружить и одеть солдат активизировала тяжёлую и лёгкую промышленность, стимулировала развитие транспортных магистралей. Кроме того, были достигнуты успехи в организации воинского дела, в подготовке командного состава, что привело к победе над тогдашним гегемоном Северной Европы Швецией. Пётр I действительно мог гордиться своей армией. Именно в ней, во многом из-за самой специфики армии как института со строгой иерархией, субординацией и беспрекословным подчинением, реформатору удалось внедрить нововведения и добиться их исполнения. Организовывая управление внутри России, Пётр говорил, что собирается при-

вести дела в порядок, подобно тому, как он привёл в порядок дела в армии [*Воскресенский*].

Помимо всего прочего, создание регулярной армии оказало значительное влияние на служилое сословие. Теперь служилые люди несли службу не часть года, а постоянно, получая жалованье, а не поместья. Наконец, служба открыла доступ в служилое сословие для потомков других социальных групп, пусть их представительство и было ограниченным.

В данной статье мы рассмотрим различные аспекты регулярной службы дворян в первой трети XVIII в. Остановимся на демографических и статистических показателях, таких как, например, возраст выхода в отставку, а также на их качественном наполнении (в примере с выходом в отставку таким наполнением будет рассказ о процедуре отставки).

Исследование служебной стороны жизни дворян важно в том числе потому, что дворяне проводили в армии по 20–30 лет, а стало быть, принципы и характер регулярной службы не могли не оказать влияние на дворянское сознание и мировоззрение. Кроме того, наличие большого объёма статистических данных делает возможным проведение корреляционного анализа, нахождение скрытых тенденций и взаимосвязей в функционировании регулярной армии в самом начале её существования. Наконец, если рассматривать создание регулярной армии как проект, и проект безусловно успешный, то очень полезным выглядит рассмотрение его «человеческих ресурсов». Иначе говоря, изучение людей, пронёсших на себе тяжесть войн первой трети XVIII века.

Основными источниками информации о службе дворян в нашем исследовании являются офицерские сказки. К ним относятся 265 сказок Герольдмейстерской конторы Сената за 1726–1729 гг. [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–303], используемые для статистического анализа, а также сказки 43 офицеров Белгородского пехотного полка, поданных в Военную коллегию в 1720 г. [Офицерские сказки первой четверти XVIII века..., 2015, с. 1281–1322], используемые в дополнение к вышеуказанным сказкам.

Перед началом повествования необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, в большом количестве случаев звание подателя даровалось ему при отставке «за многолетнюю службу» [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 1 об.]. Это означает, что получивший при отставке звание майора заканчивал действительную службу капитаном, капитан – поручиком, поручик – прапорщиком, а звание, указанное в сказке, давалось офицеру непосредственно в Военной коллегии. Другой особенностью нашего исследования является то, что среди сказок Герольдии фигурируют не только офицеры, то есть люди, получившие дворянское звание за службу, но и унтер-офицеры – люди, имевшие дворянство не по

выслуге, а по праву рождения, или не имевшие его вовсе, но служившие вместе с дворянами, занимавшие те же должности, что занимали когда-то дворяне, наконец, имевшие схожую послеслужебную карьерную траекторию.

Итак, кто же входит в состав исследуемой нами группы? Это 6 полковников, 5 подполковников, 53 майора, 62 капитана, 46 поручиков, 18 подпоручиков, 25 прапорщиков, а также 50 человек более низкого звания – всего 265 человек. Данная выборка покрывает 6% офицерского корпуса русской армии в первой трети XVIII в. и, на наш взгляд, позволяет делать определённые выводы о среднем и младшем кадровом составе русской регулярной армии.

Начнём наше повествование с возраста начала службы наших героев. Отметим общеизвестный факт, заключающийся в том, что совершеннолетие в начале XVIII в., а тем более в XVII в., наступало в возрасте 15 лет. Вместе с этим, заметим, что далеко не все служилые люди начинали служить именно в этом возрасте. Наличие офицеров, начинавших службу «из недорослей», будучи старше 20 и 30 лет, не являлось чем-то необычным. Встречались, хотя уже в порядке исключения, «недоросли» старше 40 лет. Такие возрастные «недоросли» пишут, что начинали служить «за смерть отца», что может означать, что дети служилых людей в XVII в., возможно, могли не призываться на службу, пока нёс свою службу отец семейства. Впрочем, однозначно утверждать нельзя.

Средний возраст начала службы составляет 26 лет. Однако сам по себе этот показатель, как любое среднее значение, не может описать всю совокупность. Поэтому для большей точности мы поделим совокупность на временные промежутки в 5 лет. В ходе статистического анализа были получены следующие данные: в 15 лет и младше службу начали 9 человек (3,5%), в 16–20 лет – 35 человек (13%), в 21–25 лет – 87 человек (33%), в 26–30 лет – 82 человека (31%), в 31–36 лет – 24 человека (9%), в 36–40 лет – 19 человек (7%), в 41 год и старше – 9 человек (3,5%).

Далеко не все наши герои направлялись в регулярную службу сразу из недорослей. Некоторые попадали туда из старых служб, имея определённый опыт, который, несомненно, мог использоваться и «в регулярстве», оказывая влияние на уставные и неуставные отношения. Среди 265 человек в старых службах служило 49 человек (18%). Соответственно, для 216 человек (82%) регулярная служба была началом службы вообще. Таким образом, в большинстве своём регулярную армию пополняли недоросли, разумеется, знакомые с традициями своих служилых групп, но и открытые к принятию нового.

Служба большинства дворян, и служивших ранее, и только вышедших из недорослей, начиналась с солдатства. Связано это и с дефицитом кадров, так как многие из рассматриваемых офицеров начали службу до введения рекрут-

ских наборов из крестьян, и с желанием Петра I, чтобы будущие офицеры понимали специфику солдатской службы. Тем не менее, и здесь существовали исключения. Среди 265 человек 29 (11%) начали службу сразу с офицерских чинов, не проведя ни дня в солдатах. В их числе мы в основном видим прапорщиков – 17 человек, но встречались также поручики – 5 человек, капитаны – 6 человек, и даже 1 подполковник. Обращает внимание и то, что из вышеназванных 29 человек 22 происходило из людей московских чинов.

На наш взгляд, такая возможность возникала в связи с упомянутым выше дефицитом кадров, который, разумеется, касался не только строевых солдат, но и офицеров. В результате, царедворцы, показав хороший уровень знаний на смотре, могли начать службу с офицерского звания.

После начала службы солдаты могли быть отправленными на обучение. О своём учении в 1700 г. сразу после начала службы упоминают в сказке сыновья жильцов майор Данила Никифоров сын Сытин [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 147] и майор Иван Григорьев сын Свечин [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 145]. Сын спальника майор князь Иван Яковлевич Лобанов-Ростовский получил возможность с 1704 по 1708 гг. изучать навигацию, после чего был отправлен в Голландию, где совершенствовал знания, а затем начал служить в Адмиралтействе [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 156]. Сын московского дворянина поручик Иван Степанов сын Кипчагов начал службу в 1701 г., а в 1704 г. был послан, по его словам, «в академию для науки» [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 193]. Как и князь Лобанов-Ростовский, Кипчагов учился 4 года, после чего служил в инженерных войсках [Там же]. К сожалению, это все упоминания об обучении в сказках. Если считать, что другие офицеры не просто не упоминали о своём обучении, а действительно не имели его, то можно отметить, что возможность попасть в навигационную школу, академию, а тем более отправиться в Голландию была только у верхушки служилых по отечеству, связанной с Государевым двором. Обучение же основам военного дела, стрельбе, маршам, артикулу, скорее всего, было повсеместным, так как это знание было необходимым для непосредственного несения службы.

Интересной видится история повышения в звании, которая позволяет сделать вывод о мобильности в армии, связи скорости повышения с социальным происхождением. Сперва, однако, следует сказать, как могли происходить изменения в звании в первой четверти XVIII в.

Повышения могли происходить в результате баллотирования, то есть по выбору среди несколько кандидатов. Через баллотирования, к примеру, был произведён из капитан-поручиков в капитаны в 1719 г. Дмитрий Яковлев сын Щербаков [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 1]. Другим вариантом было повы-

шению «по рассмотрению» какого-либо генерал-фельдмаршала петровской армии. Наконец, большую роль играли смотры, где офицеры, показав себя, могли претендовать на получение повышения. Были, однако, и обратные примеры.

Возможность повышения наступала лишь в случае освобождения вышестоящих должностей, вследствие ухода занимавших их офицеров в отставку или в результате их смерти. Поэтому волны повышений чаще всего происходили после кровопролитных сражений. По штату 1711 г. в полку количество прапорщиков, поручиков и капитаном было равным 8, а вот майор был всего лишь один. Исходя из этих данных можно сделать предположение о том, что стать капитаном было значительно проще, чем майором, попросту из-за большего количества мест.

Любопытным является стремление потомков родовитых дворян служить в драгунских полках, а не в пехотных. Об этом мы можем прочесть в сказке сына стольника подполковника Кирилла Кириллова сына Пущина. По его словам, он «в 1700 году был написан в полк в капитаны, но не пожелал [служить], и пошёл в драгуны в Московский драгунский полк в прапорщики, так как капитанских и поручических мест не было» [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 114]. Мы видим, что Пущин готов был променять место капитана в пехотном полку на драгунскую службу в прапорщиках. Похожий случай произошёл в карьере подпоручика князя Семёна Ивановича Вяземского, который «после Полтавской битвы в Киеве просил Царское Величество служить в драгунах вместо гренадерской службы» [Офицерские сказки первой четверти XVIII века..., 2015, с. 1307].

Посмотрим теперь, какой была скорость повышения в звании у рассматриваемых нами офицеров. На наш взгляд, сравнение будет иметь смысл, если будет возможным проследить длительную динамику, не ограниченную 1 или 2 назначениями. Таким образом, рассматриваться будет скорость повышения в звании для капитанов и более старших званий. Также важно рассмотреть отличия в скорости произведения штаб-офицеров (майоров, подполковников и полковников) и капитанов.

Данные по штаб-офицерам показывают, что повышение от солдата до прапорщика в среднем занимало 5,5 лет, от прапорщика до поручика – 3,5 лет, от поручика до капитана – 7,9 лет, от капитана до майора – 8,7 лет. В среднем для повышения на одно звание штаб-офицеры тратили 6,5 лет. Данные по капитанам показывают несколько иную картину. Повышение от солдата до прапорщика в среднем занимало 6,5 лет, от прапорщика до поручика – 7 лет, от поручика до капитана – 8,3 лет. В среднем для повышения на одно звание капитаны тратили 7,3 лет. Средняя скорость повышения штаб-офицеров до звания капитана, то есть на том же отрезке, что и у капитанов, составляла 5,6 лет.

Сравнивая полученные результаты, мы видим, что кардинальным образом отличалась скорость произведения в звание поручика, в то время как другие показатели варьировались намного меньше. В целом, можно отметить, что достаточно талантливый солдат, везучий и желательного происхождения из служилых людей, мог стать майором за 26 лет службы в условиях войны.

Разумеется, эти цифры неправомерно применять ко всему офицерскому корпусу. Многие из рассматриваемых лиц служили в прапорщиках более 25 лет и в прапорщиках же вышли в отставку. Приведённые данные скорее показывают, каким долгим было повышение даже для относительно успешных представителей изучаемых нами офицеров. Таким образом, отдельные примеры стремительных карьерных взлётов, нужно рассматривать скорее как исключение, нежели как тенденцию, характерную для Петровского времени.

Поговорим теперь о характере службы в первой четверти XVIII в. В данном разделе мы не будем углубляться в дебри военной истории, заострив внимание на том, какое влияние оказывал характер службы на комбатантов, то есть, прибегнем к методам активно развивающейся сейчас военной антропологии.

Северную войну справедливо относят к войнам нового времени, отличительной особенностью которых является активное использование линейной тактики. Эта тактика провозглашала главенство и незыблемость боевого построения – линии, разрушение которой вело к поражению [*Картавцев*]. Для солдата, как и для стоявшего рядом офицера, это значило необходимость выдерживать боевой порядок, буквально стоя на линии огня. Каждый залп противника мог стать для комбатанта последним, однако он должен был принимать судьбу, не имея возможности укрыться.

Вместе с тем регулярная служба приводила к развитию товарищества, проявлению стойкости и героизма, о которых мы можем прочесть в сказках Военной коллегии. В сказках мы можем увидеть описания героических поступков, которые появлялись во многом из-за стремления офицеров показать себя государству с лучшей стороны.

Одним из самых часто встречаемых в сказках героическим действием являлось руководство подразделением, возможность возглавить который офицер получал не по званию, а в случае неординарных обстоятельств, например, из-за смерти командира или его отсутствия по другим причинам. Такие действия должны были показать, что офицер не теряется в экстренной ситуации и может быть полезен при возможном повышении.

К примеру, подполковник Петр Роберт писал, что «на Полтавской батальи командовал 2 батальонами» [*Офицерские сказки первой четверти XVIII века...*, 2015, с. 1283], то есть выполнял задачу, которую выполняли полковники.

Поручик Иван Домогацкий сообщал, что, будучи в 1709 г. подпоручиком, «в Полтавской битве был за капитана, так как того убили, а поручика ранили» [Там же. С. 1300]. Адъютант Осип Кудаев писал, что под Теннингом в 1712 г. командовал ротой, будучи прапорщиком [Там же. С. 1317].

Важным на войне было взятие в плен врага. Офицеры также старались указать на такую доблесть. Так, подпоручик князь Семён Иванович Вяземский упоминал, что в сражении у Соколки взял в плен шведского барабанщика [Там же. С. 1307]. Это имело значение, так как именно по сигналам барабанщика осуществлялись все действия войск. Поручик Иван Домогацкий рассказывал, что «при Опошне взял в плен шведского майора, а затем капрала». Домогацкий находился в специальной партии, которая состояла из 26 рядовых, одного капрала и его – в то время подпоручика. Эта партия была послана в лес, и помимо капрала взяла в плен 6 рядовых шведов [Там же. С. 1300.].

Большой интерес представляют для нас данные сказок о болезнях и ранениях, которыми обладали офицеры. Эта информация позволяет лучше понять условия службы. Вместе с тем, стоит помнить, что в сказках описаны ранения и болезни, с которыми офицеры могли продолжать службу, то есть, в нашем анализе не учитываются ранения и болезни, приведшие к смерти, рассказать о которых их обладатели не могли по понятным причинам.

Среди 265 офицеров о болезнях или ранениях заявили 76 человек. Всего установлено 48 ранений: 9 из них пришлись на правую ногу, 8 – на левую, по 7 – в каждую руку, 5 – в грудь и живот, и 11 в голову. Среди ран в голову мы встречаем упоминания о ранениях в глаза, ноздри, губы, зубы и щёки. Ранения могли быть нанесены или холодным оружием, например шпагой, палашом, или оружием огнестрельным. Офицеры пишут о ранениях дробью, пульей и картечью.

Исходя из приведённых выше данных о ранениях можно сделать вывод о том, что наиболее частыми ранениями, с которыми комбатанты могли продолжать службу, были ранения в руки и ноги – в конечности, где не располагаются жизненно важные органы. Поэтому 5 человек, переживших ранения в грудь и живот, должны были быть благодарны судьбе. То же относится и к раненым в голову.

Болезни, которые указали в сказках офицеры, можно распределить по нескольким группам. К первой группе можно отнести болезни со зрением («глаз худо видит») с 9 упоминаниями. Ко второй группе мы отнесём болезни головы, головные боли («ломота головная») с 7 упоминаниями. К третьей группе мы отнесём болезни живота («животная болезнь») с 6 упоминаниями. К четвёртой – туберкулёз («чахотная болезнь») с теми же 6 упоминаниями.

Отметим неврологические болезни, в числе которых «падучая болезнь», «помрачение ума», «беспамятство», «болезнь духа». К другим болезням, встре-

тившимся нам реже, относятся бубон, геморрой, лихорадка, болезни ног, а также кила (опухоль, которую, как считалось, накладывал колдун).

Исходя из анализа основных групп болезней офицеров можно отметить большое количество приобретённых болезней непосредственно в ходе службы. Это и неврологические болезни, связанные с характером боя, и болезни головы, связанные с постоянным шумом во время боя, из-за артиллерии и другого огнестрельного оружия. Болезни живота и туберкулёз вполне могли быть вызваны плохой санитарной обстановкой, частыми переходами, неполноценным питанием с длительными периодами голодания.

Рассмотрим теперь статистические данные о сроке службы офицеров в регулярной армии. Средний возраст службы в армии составлял 25 лет, что удивительным образом соотносится со сроком последующего ограничения службы при Анне Иоанновне. Разделяя дворян по диапазонам в 5 лет, мы получаем следующие результаты. 15 лет и меньше служили 10 человек (4%), 16–20 лет – 34 человека (13%), 21–25 лет – 101 человек (38%), 26–30 лет – 80 человек (30%), больше 30 лет – 40 человек (15%). Как мы видим, почти половина офицеров (45%) служило в регулярной армии больше 25 лет, 83% служило больше 20 лет.

Корреляция между сроком службы и званием находится на границе слабой и средней и составляет 0,5, что означает, что зависимость между сроком службы и более высоким званием существует, однако влияние срока службы на получение более высокого звания не носит решающего значения.

Интересным показателем видится возраст отставки офицеров от регулярной службы. Опираясь на известные нам данные (средний возраст начала службы – 26 лет, средняя продолжительность службы – 25 лет) мы можем вычислить средний возраст отставки, составляющий 51 год. Статистические данные показывают приблизительно такой же результат – 53 года. Однако, как и в прошлых случаях, мы полагаем среднее значение недостаточным, и разбиваем возраст отставки на промежутки по 5 лет.

В отставку в возрасте 40 лет и ранее уходили 20 человек (8%), в возрасте от 41–45 лет – 27 человек (10%), в возрасте 46–50 лет – 61 человек (23%), в возрасте 51–55 лет – 56 человек (21%), в возрасте 56–60 лет – 58 человек (22%), в 61 и позднее – 43 человека (16%). Как мы видим, 41% офицеров выходило в отставку до 50 лет включительно. В то же время 59% выходило в отставку после 50 лет. То есть, мы наблюдаем людей, которые отдали самые активные в физическом плане годы жизни государству.

Итак, какие можно сделать выводы. Служебная жизнь дворян начиналась в возрасте 15–30 лет. Для большей части из них служба в регулярной армии была исходной точкой службы вообще. Большая часть дворян начинала службу

в солдатах. Продвижение по службе занимало достаточно длительное время. Средний срок службы составлял 25 лет. В отставку большая часть дворян выходило уже после 50 лет. Годы службы не проходили даром, оказывая негативное влияние на физическое и моральное здоровье комбатантов.

Библиографический список

1. *Картавцев И. И.* Линейная тактика // Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/070/418.htm> (дата обращения: 28.05.2023).
2. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 тт. Т. 1 / сост., вступит. статья, оформ. К. В. Татарникова.* М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.
3. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286: Герольдмейстерская контора при Сенате, г. Петербург. Оп. 1. Д. 84. Л 1–303.*

RUSSIAN NOBLEMEN OF THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY IN REGULAR SERVICE

Vsevolozhskii Georgii K.
Ural Federal University
19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia
goshavs@mail.ru

***Abstract.** Peter The Great's reforms are of serious interest in modern Russian society. At the same time, despite the rather long history of studying the period of Peter the Great's reign, there are topics that have not been fully studied. One of these topics is the impact of reforms on ordinary people. In this article, the author examines how the military reform affected the Russian nobility. Until now, research on the creation of a regular army has been conducted either in line with military history, which was interested in battles and weapons, or limited to stating the fact of the consolidation of the Russian nobility, thanks to regular service. Such studies were speculative in nature and were not based on statistical data. The current study is based on the materials of the "fairy tales" of the Heraldmaster's Office and allows us to consider the impact of the service on the broad layers of the provincial nobility. As a result of the study, conclusions are drawn about the long service, which had negative consequences for the psychological and physiological state of the noble officers.*

***Key words:** Russian nobility; Northern War; officer corps of the Petrine army; "skazki"; social history.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 061.2+342

УЧАСТИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Лычев Глеб Дмитриевич

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

190068, Россия, Санкт-Петербург,

наб. Канала Грибоедова, 123, лит. А

gdlychev@edu.hse.ru

***Аннотация.** Феномен конституционализма является весьма дискуссионным в рамках политико-правовых исследований. Находясь на границе двух смежных дисциплин, он представляет собой спектр включённых элементов, требующих отдельного внимания. Одним из направлений конституционных исследований становится изучение процессов взаимодействия Конституционного Суда с различными акторами. Однако вопрос взаимодействия с неправительственными правозащитными организациями остается неосвещённым, так как большинство исследований, посвящённых функционированию Конституционного Суда, обращено к действиям институтов «сверху». Неправительственные правозащитные организации также изучаются изолированно как разновидность негосударственных организаций и часть гражданского общества. Таким образом, из исследовательского поля выпадает данный аспект взаимодействия. В данной статье представлены результаты исследования, направленного на выявление роли неправительственных правозащитных организаций в работе Конституционного Суда путём изучения процесса взаимодействия с НПО. На основании структурирования и анализа данных из открытых официальных источников сформулированы выводы о результативности участия НПО в деятельности главного органа конституционного контроля, а также предложена типология возможных форм взаимодействия.*

***Ключевые слова:** конституционный суд; неправительственные правозащитные организации; конституционализм; взаимодействие институтов; гражданское общество.*

© Лычев Г. Д., 2024

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 23-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2023 гг.

Введение

Конституционная реформа 2020 года и судебная реформа 2021 года помимо институциональных изменений повлекли за собой волну исследовательского интереса к трансформации конституционного строя и функционированию отдельно взятых институтов. Одним из главных объектов в данном исследовательском пространстве стал Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), который ранее чаще всего изучался с позиции юридической науки как обособленный институт и высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации. В центре внимания исследователей оказывалась деятельность Конституционного Суда, затрагивающая конституционное судопроизводство и его организацию в рамках конституционного права. Здесь важно отметить низкий уровень интереса к Конституционному Суду со стороны российской политической науки на протяжении долгого времени, что, вероятно, можно объяснить тем, что работу Конституционного Суда не относили к очевидным необходимым для изучения политическим процессам. После серьёзных преобразований в судебной системе и реформ последних лет осознание возможности и необходимости изучения Конституционного Суда не только с юридической точки зрения приводит к появлению знаковых работ в рамках сравнительного анализа и появлению исследований институционального характера.

Одним из направлений становится изучение процессов взаимодействия Конституционного Суда с различными акторами. Согласно новому определению, которое Конституционный Суд получил после внесения изменений в Федеральный конституционный закон № 1 – ФКЗ в 2021 году и поправок в Конституцию РФ в 2020 году, помимо защиты основ конституционного строя, Конституционный Суд осуществляет свою деятельность в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина, что теперь делает очевидным его правозащитный характер и подкрепляет необходимость выхода за рамки юридической науки. В таком случае, целесообразным выглядит уделение внимание изучению взаимодействия Конституционного Суда и иных правозащитных организаций в России, что мы могли наблюдать и ранее в случае с государственным правозащитным институтом Уполномоченного по правам человека [Нездюров, Сунгуров, 2018]. Однако правозащитная деятельность в России не ограничивается институтом омбудсмана, существуют также неправительственные правозащитные организации, взаимодействующие с Конституционным Судом, которые, к сожалению, ускользают из внимания исследователей. Формы взаимодействия с Конституционным Судом, цели и результативность данных процессов остаются не раскрытыми, что затрудняет восприятие полной картины. Таким

образом, мы получаем систему взаимоотношений между акторами, которая остается за рамками исследования, по причине того, что большинство исследований Конституционного Суда направлено на действия институтов «сверху» – Конституционного суда как самостоятельного института, институт омбудсмена, в ретроспективе – региональных (уставных) конституционных судов, а после реформы 2021 г. – конституционных советов [Медушевский, 2020]. Широкое внимание до 2022 г. уделялось взаимодействию Конституционного Суда с международными правозащитными организациями, включая Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) [Бондарь, 2006]. Сами же неправительственные правозащитные организации чаще всего изучаются изолированно как разновидность феномена негосударственных институтов и часть гражданского общества [Henderson, 2003].

Из этого пробела возникает исследовательский вопрос: каким образом неправительственные правозащитные организации взаимодействуют с Конституционным Судом Российской Федерации, и какова их реальная роль в работе Конституционного Суда РФ?

Цель исследования заключается в следующем: выявить роль неправительственных правозащитных организаций в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Научная актуальность данного исследовательского вопроса подтверждается возрастающим интересом как к самому Конституционному Суду, так и к практикам «строительства конституционализма» в России [Кутафин, 2014]. На сегодняшний день российская модель конституционализма активно обсуждается в научной среде в рамках возродившейся после последних крупных реформ дискуссии. Вопрос правозащиты со стороны КС РФ поднимается и коллективом авторов книги «Конституционный Суд России: осмысление опыта», вышедшей в 2022 году в издательстве Центра конституционных исследований [Медушевский и др., 2022]. Также Центр конституционных исследований осуществляет издание «Сравнительного конституционного обозрения» – научного журнала, посвященного конституционным исследованиям, который является одним из самых цитируемых изданий, помимо исключительно юридических изданий. Внимание к неправительственным правозащитным организациям в данном случае возросло после череды присвоения статуса иностранного агента некоторым из них.

Методология и источники

Эмпирическая часть данного исследования состоит из нескольких частей, связанных преимущественно со сбором и анализом информации, находящейся в открытом доступе в сети Интернет.

Говоря о концепциях, которые могут быть применены для проведения теоретического и практического анализа в данной работе для ответа на исследовательский вопрос, следует отметить, что помимо обобщающей концепции неоинституционализма, изучающего взаимодействие институтов внутри государства, конкретные теории необходимы для более точного понимания проблемы. Главным концептом, который в последнее время набирает популярность в научном сообществе как экспертов юридической, так и экспертов политической науки является конституционализм. В это широкое понятие входят элементы, сопровождающие построение конституционного строя не только в рамках закона, но и в сфере имплементации. Вокруг данного концепта существует дискуссия, касающаяся необходимых элементов для «построения конституционализма» и его глобальной сути [Троицкая, Храмова, 2022]. В российской науке конституционализм часто исследуют с позиции ретроспективного анализа событий начала XX века, что больше уводит в историю феномена, нежели в его современное состояние. Однако основные выводы непосредственно подталкивают к определению сущности феномена конституционализма как «особой системы властвования от имени народа» [Боброва, 2017, с. 2]. Данный вывод подтверждается в ряде исследований и подразумевает под собой реально функционирующее ограничение власти верховенством закона, а именно конституции. Однако обратившись к сравнительному анализу конституционализма, его природы и текущего состояния, мы увидим немного иные формулировки. Одним из актуальных аргументов можно считать обоснование профессора Андраша Шайо, который в своей книге «Конституция свободы: введение в юридический конституционализм» определяет конституционализм как набор ожиданий относительно поведения правительства, в то время как Конституция – это политико-правовая конструкция [Sajó, Uitz, 2017, p 13]. Впоследствии, развивая концепцию, он пишет о недостаточности формального закрепления прав и свобод человека на законодательном уровне и определения полномочий институтов [Ibid., p 17]. Эффективный конституционализм (реальный, а не формальный) требует участия институтов как государственных, так и негосударственных, деятельность которых может быть проанализирована с точки зрения политической науки [Ibid., p 18]. Данные тезисы в отношении определения конституционализма будут использованы в работе для выявления роли неправительствен-

ных правозащитных организаций в работе КС РФ и, следовательно, обеспечения конституционализма «снизу», с уровня негосударственных институтов.

Перед описанием метода сбора и структурирования данных необходимо обозначить трудности, с которыми пришлось столкнуться при подборе необходимых направлений и источников. Во-первых, основным источником стал сайт Конституционного Суда Российской Федерации и иные медиа ресурсы, связанные с ним, включая страницу в социальной сети ВКонтакте. Во-вторых, ввиду отсутствия официальной статистики по формам и прецедентам взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного Суда необходимо обратиться к фильтру решений Конституционного Суда, которым можно воспользоваться на официальном сайте¹. Однако таким образом получится найти лишь те решения по обращениям, в которых правозащитные организации принимали участия как заявители? с включённым в название словосочетанием «правозащитная организация». Это значительно усложняет процесс поиска всех возможных релевантных данных. Поэтому было принято решение составить две отдельные базы данных с кодировкой случаев обращений, принципы формирования и анализ которой будет представлен подробнее в следующем разделе. Вторую базу данных, полученных из открытых источников, было принято сформировать вокруг правозащитных организаций, открыто заявляющих о своём взаимодействии с Конституционным Судом РФ. Здесь снова возникли трудности с поиском информации, поскольку часто адвокатские бюро брали на себя большую часть результатов поиска, хотя они не являются той группой, которая необходима для нашего исследования. После этого было принято решение выбрать одну правозащитную организацию – Институт права и публичной политики, который открыто публикует всю информацию на своём сайте, что существенно облегчает доступ к информации². Таким образом, работая с полным перечнем данных по одной организации, мы получим возможность выработать кодировку прецедентов для последующего анализа, что позволит в дальнейшем проводить подобную работу по отношению к другим правозащитным организациям, получая информацию непосредственно от них для поддержания уровня достоверности и во избежание потери данных.

Основным методом анализа данных будет контент анализ большого объёма текста с применением специфической кодировки, которая требует разъяснений и описания причин подбора тех или иных критериев. Будут взяты во внимание решения Конституционного Суда, отвечающие требованиям исследо-

¹ Конституционный Суд Российской Федерации URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 31.05.2023).

² Институт права и публичной политики включён в реестр иностранных агентов.

вания, а также разделы «судебная практика» и «аналитика» на сайте Института права и публичной политики¹. Так как собранные данные не отражают достаточную для объективного количественного анализа выборку, было принято решение провести контент анализ с репрезентацией результатов и видимых закономерностей в графическом формате.

Результаты и обсуждение

Анализ полученных данных необходимо начать с репрезентации общей статистики. Всего было проанализировано 36 решений Конституционного Суда Российской Федерации по обращениям так или иначе соприкасающихся с правозащитными организациями, из них 27 – результативные обращения сопровождаемые Институтом Права и Публичной Политики; 9 – обращения поданные правозащитными организациями в качестве юридических лиц – заявителей.

Рис. 1. Общее количество решений КС РФ отобранные по определенным критериям за период с 1994 по 2023 г.

Теперь необходимо перейти к разбору результатов по отдельным базам данных. Сначала будет логичным проанализировать те девять обращений, которые были поданы неправительственными правозащитными организациями в качестве заявителей. 8 из 9 обращений были отклонены, и только по одному коллективному обращению было принято постановление, признающее неконституционность законодательного акта. Таким образом, результативным можно считать только 1 обращение – постановление от 2015 года под номером 2-П/2015. Это было коллективное обращение группы правозащитных организаций. Важно отметить, что обращение о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О про-

¹ Институт Права и Публичной Политики URL: <https://ilpp.ru/> (дата обращения: 11.05.2023).

кураторе Российской Федерации» содержало в себе 3 элемента и только по одному было принято решение о неконституционности.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что в период с 1994 по 2023 год в Конституционный Суд РФ было подано всего 9 обращений от неправительственных правозащитных организаций, которые можно обнаружить на сайте КС РФ в поиске по наличию корня «правозащит» в полном названии организации-заявителя. Данное количество не отражает всех поданных обращений неправительственных правозащитных организаций, однако показательна для подтверждения отсутствия официальной статистики, что также подтверждается в статистике по решениям Конституционного Суда, где не выявляется отдельная группа для обращений со стороны правозащитных организаций.

Таким образом, основываясь лишь на официальной статистике, трудно сделать объективный вывод относительно роли правозащитных организаций непосредственно в качестве заявителя, кроме двух основных:

- 1) Неправительственные правозащитные организации могут и выступают в качестве заявителей при подаче обращений в КС РФ;
- 2) Неправительственные правозащитные организации, выступая в качестве заявителей, имеют ненулевую результативность, т.к. есть 1 объективный прецедент вынесения постановления Конституционным Судом о признании заявленной нормы неконституционной.

С обращениями, сопровождаемыми Институтом права и публичной политики, дела обстоят лучше: что мы имеем 27 результативных обращений, о которых есть как информация на сайте Института, так и на сайте КС РФ. Также мы имеем статистику, предложенную самим институтом, используя которую можно определить результативность конкретной организации¹.

131 жалоба	681 консультация	29 заключений	18 Постановлениями КС и ЕСПЧ
подали наши юристы в Конституционный Суд РФ (73), Европейский Суд по правам человека (51) и Комитет ООН по правам человека (7) с 2013 года	оказано нашими юристами по вопросам обращения в Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека	Независимых экспертных заключений подготовили наши эксперты. Из них 18 – <i>Amicus curiae</i> для Конституционного Суда.	завершено рассмотрение жалоб наших юристов

Рис. 2. Статистика деятельности Института права и публичной политики

¹ Под результативными имеются в виду обращения, принятые к рассмотрению и по которым вынесены постановления, либо определения, содержащие правовой смысл нормы, определенный Конституционным Судом.

Как можно видеть на рис. 2, Институт сопроводил 73 жалобы в Конституционный Суд РФ, из которых 27 являются результативными (исходя из информации из картотеки дел с сайта Института и подтвержденных на сайте КС РФ). По результативным обращениям вынесено 5 постановлений и 22 определения. На рис. 3 представлена графическая репрезентация данных.

Рис. 3. Статистика по обращениям в Конституционный Суд РФ, сопровождаемых юристами Института права и публичной политики

Согласно результатам, можно сказать, что общая результативность обращений, сопровождавшихся неправительственной правозащитной организацией, а именно Институтом Права и Публичной Политики, составляет 36% от общего числа поданных обращений, что является вполне хорошим показателем того, что экспертное сопровождение приводит к положительным результатам. Число консультаций, обозначенных самой организацией на сайте в 681 единицу (рис. 2), показывает, что далеко не все жалобы после консультации были поданы в Конституционный Суд, ЕСПЧ и иные инстанции. Число поданных жалоб в соотношении с проведенными консультациями составляет 25%, что говорит о том, что экспертная оценка, осуществляемая организацией, позволяет подавать только объективные, по мнению экспертов, жалобы. В представленной статистике (рис. 2) также указаны 18 экспертных заключений для Конституционного Суда России, что отражает еще одну возможную форму взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного Суда РФ. Из исследования О.Н. Кряжковой можно выделить вывод о том, что *amicus curiae* оказывают влияние либо же имеют отражение в результатах рассмотрения об-

ращений Конституционным Судом в большом количестве случаев [Кряжкова, 2018].

Таким образом, деятельность Института права и публичной политики как неправительственной правозащитной организации во взаимодействии с Конституционным Судом РФ раскрывает дополнительные формы возможного взаимодействия с КС РФ со стороны правозащитников, что позволяет более полноценно оценить роль неправительственных правозащитных организаций. Из проведённого анализа решений Конституционного Суда РФ и материалов, размещённых в открытом доступе на сайте Института, можно сделать следующие выводы:

Институт права и публичной политики взаимодействует с КС РФ по следующим основным направлениям:

- сопровождение обращений в КС РФ и представление интересов заявителей;
- проведение консультаций, снижающих поток необъективных обращений в КС РФ и нагрузку на институт судебной системы;
- направление меморандумов *amicus curiae* в Конституционный Суд.

Взаимодействие Института права и публичной политики с Конституционным Судом РФ имеет ненулевую результативность, более того, способствует вовлечению экспертов не только в работу Конституционного Суда, но и в оценку осуществления конституционного судопроизводства в России.

На основании полученных данных было принято решения разработать собственную структуру форм взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного Суда России. Взаимодействие может происходить в следующих формах:

1) Прямое взаимодействие через обращения. Данный тип взаимодействия подразумевает участие неправительственных правозащитных организаций в качестве заявителя при подаче обращений в КС РФ в случае применения нормы, в отношении организаций, которые они как заявители вправе посчитать неконституционной, нарушающей их права и свободы и обратиться в КС РФ.

2) Прямое взаимодействие через направление экспертных заключений. Данный тип взаимодействия подразумевает экспертное участие неправительственных правозащитных организаций или их представителей в качестве не процессуальной стороны, предоставляющей экспертное мнение по поводу того или иного дела/обращения.

3) Косвенное взаимодействие через сопровождение обращений заявителей. Данный тип взаимодействия подразумевает участие неправительственной

правозащитной организации в качестве консультанта, представителя интересов, юридического наставника заявителя в процессе литигации.

4) Косвенное взаимодействие через проведение консультаций, снижающих поток необоснованных обращений в Конституционный Суд. Осуществление неправительственными правозащитными организациями отчасти просветительской и консультативной функций позволяет избежать увеличения необоснованной нагрузки на судопроизводство, что позволит более тщательно рассматривать дела действительно претендующих на решение в пользу заявителя.

Таким образом, составленная типология взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного Суда РФ позволяет ответить на вопрос о роли правозащитных организаций и в дальнейшем позволит вести более структурированный и качественный мониторинг взаимодействия между институтами. Типология безусловно может дополняться и корректироваться с течением времени и подбором новых аргументов.

Заключение

Основные выводы по данной работе в соотношении с целью и теоретической рамкой в целом можно описать следующим образом:

Правозащитные организации выполняют расширенный спектр функций: просветительскую, коммуникативную, правозащитную, исследовательскую, что даёт возможность выделять их в отдельную категорию при изучении и как минимум отделять адвокатские конторы от реально работающих по вышеизложенным функциям организациям.

Наличие правозащитных организаций и их безбарьерное функционирование безусловно является фактором развития конституционализма, по определению Андраша Шайо, включающее в себя необходимость взаимодействия различных институтов правозащиты, которым они и являются, тем более взаимодействуя с Конституционным Судом – правозащитным институтом по определению [Sajó, Uitz, 2017, p. 332].

Подводя итог проделанной работы, стоит сказать, что изучение процесса взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного Суда России, являясь междисциплинарным, имеет широкий потенциал к развитию. Во-первых, возможно использование качественных методов сбора данных посредством проведения глубинных интервью с представителями правозащитных организаций. Во-вторых, возможно углубление в изучение причинно-следственных связей в процессе взаимодействия, отслеживания пути соприкосновения граждан-заявителей или юридических лиц-заявителей с пра-

возащитными организациями. В-третьих, возможно расширение спектра изучения правозащитных организаций путём составления глобальной базы данных с привлечением работы группы исследователей.

Библиографический список

1. *Боброва Н. А.* Конституционный строй и конституционализм в России: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2017. 264 с.
2. *Бондарь Н. С.* Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6(114). С. 113–127.
3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 31.05.2023)
4. *Кряжкова О.* Право быть услышанным: меморандумы amici curiae в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5(126). С. 87–105.
5. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М.: Изд-во «Проспект», 2014. 483 с.
6. *Медушевский А. Н.* Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.
7. *Нездюров А. Л., Сунгуров А. Ю.* Права человека в России: общественные дискуссии и институт государственного правозащитника // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 3. С. 65–67.
8. *Троицкая А. А., Храмова Т. М.* Конституционный суд в системе многоуровневого конституционализма // Конституционный Суд России: осмысление опыта. М.: Центр конституционных исследований, 2022. С. 480–508.
9. *Henderson S.* Building democracy in contemporary Russia: Western support for grassroots organizations. New York: Cornell University Press, 2003. 229 p.
10. *Sajó A., Uitz R.* The constitution of freedom: An introduction to legal constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2017. 483 p.
11. Институт права и публичной политики. URL: <https://ilpp.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
12. Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 31.05.2023).

PARTICIPATION OF NON-GOVERNMENTAL HUMAN RIGHTS ORGANIZATIONS IN THE WORK OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

Lychev Gleb D.

National Research University
“Higher School of Economics”
emb. Kanala Griboyedova, 123, lit. A,
190068, Russia, St. Petersburg
gdlychev@edu.hse.ru

***Abstract.** The phenomenon of constitutionalism is highly controversial within the framework of political and legal studies. Situated on the border of two related disciplines, it represents a spectrum of included elements that require special attention. One of the areas of constitutional research is the study of the processes of interaction of the Constitutional Court with various actors. However, the issue of interaction with non-governmental human rights organizations remains unexamined, since most studies devoted to the functioning of the Constitutional Court address the actions of institutions “from above”. Non-governmental human rights organizations are also studied in isolation as a type of non-governmental organizations and part of civil society. Thus, this aspect of interaction falls out of the research field. This article presents the results of a study aimed at identifying the role of non-governmental human rights organizations in the work of the Constitutional Court by studying the process of interaction between non-governmental human rights organizations and the Constitutional Court. Based on the structuring and analysis of data from open official sources, conclusions are formulated about the effectiveness of non-governmental human rights organizations participation in the activities of the main body of constitutional control, and a typology of possible forms of interaction is proposed.*

***Key words:** constitutional court; non-governmental human rights organizations; constitutionalism; interaction of institutions; civil society.*

¹ The publication was prepared during the research (project No. 23-00-032) within the framework of the “Research Foundation of the National Research University Higher School of Economics” (NRU HSE) Program in 2023.

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ ЕВРОПЫ: ФАКТОР МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015 Г.

Назарова Надежда Антоновна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

Аннотация. В данной работе был проведён сравнительный анализ программ трёх правых популистских евроскептических партий («Национальный фронт», «Лига Севера» и «Альтернатива для Германии») при помощи классификации популизма Таггарта и Щербяка. Делается вывод о том, что после миграционного кризиса 2015 г. все партии стали более жёсткими в своём евроскептицизме; «Лига Севера» оказалась наименее «жёстким» евроскептиком и наиболее сосредоточенной на экономических вопросах; «Альтернатива для Германии», создававшаяся как партия критиков еврозоны, после 2015 г. и значительных кадровых перестановок в руководстве сменила риторику на преимущественно антимигрантскую; «Национальный фронт» после миграционного кризиса усилил критику Европейского союза и почти полностью отказался от мягкого евроскептицизма, заменив его жёстким и требуя выхода страны и Евросоюза.

Ключевые слова: миграционный кризис, Таггарт и Щербяк, Альтернатива для Германии, Национальный фронт, Лига Севера.

Введение (Introduction)

Миграционный кризис 2015 г. был почти 10 лет назад, но продолжает оказывать влияние на европейскую политику; тогда появились или набрали популярность многие правые евроскептические партии, которые сейчас входят в весьма успешную и довольно сильную фракцию Европарламента «Идентичность и демократия» (например, чешская «Свобода и прямая демократия» или «Консервативная народная партия Эстонии»). В 2015 г. приём беженцев осуществлялся под контролем Европейского союза (ЕС) и по пропорциональной системе: каждая страна должна была принять определённое количество беженцев, что привело к обострениям противоречий внутри Союза, выразившимся в том числе в росте поддержки разного рода популистов [Vimont, 2017]. В рамках данной работы мы рассмотрим повестку, с которой французский «Национальный фронт», немецкая «Альтернатива для Германии» и итальянская «Лига Се-

вера» шли на национальные выборы до и после 2015 г. Цель работы – выявить и объяснить векторы изменения евроскептического дискурса право-популистских партий. Мы предполагаем, что после миграционного кризиса 2015 г. евроскептицизм стал более радикальным (более «жестким» по классификации Таггарта и Щербяка) и вобрал в себя антиэмигрантскую риторику.

Методология и источники (Methodology and sources)

Евроскептицизм – это критическое отношение к идее проекта общеевропейской интеграции; он существует столько же, сколько сама идея объединённой Европы. Как любое другое широкое понятие, евроскептицизм имеет несколько подробных вариантов классификации по типам критического отношения к ЕС, по отношению к нынешней степени евроинтеграции и т.д. Самая популярная концепция – типология Таггарта и Щербяка, предполагающая деление на «мягкий» (soft) и «жесткий» (hard) евроскептицизм (авторы разрабатывали её для анализа евроскептицизма в странах Центральной и Восточной Европы). Достоинство этой классификации в её гибкости: авторы стремились лишь «структурировать европейский партийно-политический ландшафт в вопросе евроинтеграции» [Вайнштейн, 2015], а не выделить жесткие категории с конкретными наборами критериев для каждого.

Жесткий евроскептицизм – это прямое неприятие всего проекта европейской экономической и политической интеграции, в том числе противодействие вступлению своей страны в ЕС. Согласно теории, к этому направлению принадлежат все акторы, которые возражают против любой политической или экономической интеграции в ЕС; на практике жесткий евроскептицизм может быть идентифицирован через возражения против нынешней формы европейской интеграции в ЕС. Одна из главных претензий «жестких» евроскептиков основана на том, что ЕС «противоречит глубоко укоренившимся ценностям» (или воплощает негативные ценности). Таким образом, любая партия, которая строит своё противодействие с ЕС на неприятии конкретного аспекта интеграции (например, миграции или зоны евро) и только на нём, является партией такого типа.

Мягкий евроскептицизм не подразумевает противостояние идее объединённой Европы по основным пунктам, а, скорее, настаивает на том, что европейская интеграция в её нынешнем виде была бы приемлема, если бы в политику Союза были внесены некие изменения или если бы изменились националь-

ные интересы государства¹ [Taggart, Szczerbiak, 2001]. В отличие от жёсткого евроскептицизма, мягкий совместим с фактической поддержкой европейского проекта; партии, представляющие этот вид евроскептицизма, не делают критику ЕС не основой своей программы. Если жёсткий евроскептицизм – это скептицизм в отношении самой идеи евроинтеграции (для них она в принципе невозможна и вредоносна), то мягкий – это скептицизм в отношении того, как в настоящее время эта интеграция развивается [Taggart, Szczerbiak, 2002].

Мягкий евроскептицизм условно подразделяется на скептицизм в отношении политики (Policy Euroscepticism) и скептицизм в отношении национальных интересов (National-interest Euroscepticism). Скептицизм в отношении политики основан на «противодействии мерам, направленным на значительное углубление европейской политической и экономической интеграции (например, ЕВС)», или на «противодействие существующей конкретной политике» и «выражается в противодействии конкретному расширению компетенции ЕС» [Taggart, Szczerbiak, 2001, p. 10]. Эта позиция не означает однозначного противодействия проекту евроинтеграции как таковому. Она может выражаться в виде критики положений Маастрихтского договора или проекта еврозоны, при этом в остальном политика партии будет нейтрально или даже положительно относиться к остальным компонентам евроинтеграции. В этой разновидности мягкого евроскептицизма «скептическое отношение к политике в значительной степени зависит от времени и страны и зависит от конкретных вопросов, рассматриваемых в тот или иной момент времени, и от конкретного этапа интеграционного процесса, который достигнут или является предметом обсуждения в любой конкретной стране» [Ibid.].

Скептицизм в отношении национальных интересов «связан с использованием риторики защиты национальных интересов в контексте дебатов о ЕС» [Ibid.]. Такая разновидность мягкого евроскептицизма – это отсутствие возражений против европейской интеграции или членства государства в ЕС, но при этом обеспокоенность по поводу одной (или нескольких) областей политики и появление оппозиции ЕС, если появляется «ощущение, что национальные интересы в настоящее время не совпадают с траекторией ЕС» [Ibid.].

Евроскептицизмы в отношении политики и национальных интересов не являются взаимоисключающими и часто могут дублировать друг друга. Например, в некоторых странах мягкие евроскептики могут изображать себя (или фак-

¹ «...if there were alterations to either a policy area or a shift in national interest, European integration in its current form could be supported or even encouraged...» [Taggart, Szczerbiak, 2001, p. 10].

тически считать себя таковыми), защищая национальные интересы, выступая против конкретных предложений о расширении компетенции ЕС [Ibid.].

Источниками для нашего исследования выступили тексты предвыборных программ и заметки в СМИ с высказываниями лидеров партий по поводу миграционного кризиса. В качестве литературы мы использовали труды исследователей популизма, рассматривающих его как фрагментарную идеологию (Миллера и Мюдде), и специалистов по евроскептицизму (Таггарта и Щербяка).

Таггарт и Щербяк не прописывают точные критерии, по которым та или иная партия может быть отнесена к «жестким» либо «мягким» евроскептикам, а только называют сами признаки программ, поэтому мы выделили собственные критерии, по которым будем отслеживать динамику евроскептицизма в рассматриваемых кейсах. Для жёсткого евроскептицизма мы сформулировали три критерия: призывы выйти из ЕС (прекратить и политическую, и экономическую интеграции, выйти из Шенгенского соглашения); призывы вернуться к ЕЭС (выйти из Шенгена и прекратить политическую интеграцию), призывы выйти из Еврозоны (вернуться к национальной валюте, вернуть свои полномочия с уровня Европейского Центрального Банка на национальный уровень).

Мягкий евроскептицизм делится на два вида, которые не исключают друг друга, но могут использоваться поодиночке либо в тандеме. Для мягкого евроскептицизма в отношении политики мы выделили следующее: призывы выйти из Шенгенского соглашения, требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении (вернуть некоторые полномочия на национальный уровень). Для мягкого евроскептицизма в отношении национальных интересов мы выделили данные критерии: заявления, что политика ЕС мешает развитию страны (в культурной, экономической или ещё какой-либо сфере, при этом все требования и предложения должны быть исполнены в рамках существующего ЕС, выход из союза не рассматривается); требования большей роли для своей страны, призывы вернуться к «величию» (представление своего государства как «истинного дипломата», предложения по «защите» языка и культуры внутри и за пределами страны или требования увеличения их роли на общеевропейском уровне).

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

Ниже в таблицах будут представлены примеры цитат из текстов программ рассматриваемых партий. Данные цитаты можно отнести к проявлению того или иного евроскептицизма.

Таблица 1

Мягкий евроскептицизм в отношении национальных интересов
в программе «Национального фронта» 2012 г.

Заявления, что политика ЕС мешает развитию страны	Требования большей роли для своей страны, призывы вернуться к «величию»
«Для обеспечения продовольственной безопасности в отношении импорта в Европу будут применяться те же фитосанитарные ограничения, что и в отношении наших фермеров-производителей» [Front National, 2012]. «Общая рыбопромысловая политика, которая в настоящее время обсуждается с Европейским союзом, наносит ущерб рыболовству во Франции. Нынешняя система квот, основанная на либеральной концепции распределения ресурсов, не позволяет осуществлять надлежащий контроль за имеющимися запасами, поскольку она применяется к районам, которые являются слишком крупными и не обладают полной гибкостью» [Ibid.]	Отсутствуют

Таблица 2

Мягкий евроскептицизм в отношении политики
в программе «Национального фронта» 2012 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением политической и экономической интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
Шенгенские соглашения не упоминаются, однако говорится, что «Франции придется восстановить контроль над своими границами, предпочтительно в рамках свободной ассоциации европейских государств» [Front National, 2012]. Однако при настаивается на политическом суверенитете государств этого союза, поэтому мы не можем засчитать этот критерий	Отсутствуют

Таблица 3

Жёсткий евроскептицизм в программе «Национального фронта» 2012 г.

Призывы выйти из ЕС	Призывы вернуться к ЕЭС (сохранить экон. интеграцию, выйти из Шенгенской зоны и прекратить полит. интеграцию)	Призывы выйти из еврозоны
Предлагается создать «новый союз суверенных государств»: «В рамках статьи 50 Договора о Европейском союзе будут начаты переговоры о пересмотре договоров, с тем чтобы разорвать догматическое европейское строительство, которое полностью провалилось. Необходимо заложить основы такой Европы, которая уважает народный суверенитет, национальную самобытность, языки и культуру и которая действительно служит народам на основе конкретных действий» [Front National, 2012]	Отсутствуют; предложенный «союз суверенных государств» удовлетворяет этому критерию, но в программе предполагается изначально разорвать существующие соглашения, а не реформировать их; не упоминаются предыдущие договоры, на которые следует ориентироваться при создании нового союза. Мы не можем засчитать этот критерий	Отсутствуют; предлагается провести «эволюцию» евро и использовать его наряду с франком: «В течение 10 лет евро, единая валюта, не выполнял ни одного из своих обещаний. Его балансый отчет не имеет привлекательности: взрыв цен, безработица, перемещение, задолженность. Франция должна подготовить, вместе со своими европейскими партнерами, эволюцию евро, который станет единой валютой, сосуществующей с франком, который будет восстановлен. Эта мера, предложенная французам в контексте референдума, поможет обогатить нашу экономику кислородом и вернуться на путь процветания» [Front National, 2012]

Анализ позволяет охарактеризовать «Национальный фронт» в 2012 г. [Front National, 2012] как партию жёсткого евроскептицизма. При этом миграция критикуется отдельно, вне связки с ЕС; Евросоюз же критикуется за неудачную экономическую политику и «отъём суверенитета» у национальных государств.

Таблица 4

Мягкий евроскептицизм в отношении политики в программе «Национального фронта» 2017 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением политической и экономической интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
«Восстановление национальных границ и выход из Шенгенской зоны (для облечения пересечения границы трансграничными рабочими будет создан особый механизм)» [Front National, 2017]	Отсутствуют

Проявления мягкого евроскептицизма в отношении национальных интересов в программе «Национального фронта» в 2017 г. отсутствуют.

Таблица 5

Жёсткий евроскептицизм в программе «Национального фронта» 2017 г.

Призывы выйти из ЕС	Призывы вернуться к ЕЭС (сохранить экон. интеграцию, выйти из Шенгенской зоны и прекратить полит. интеграцию)	Призывы выйти из еврозоны
Предлагается провести референдум о членстве Франции в ЕС: «Обрести свободу и контроль над своей судьбой, восстановив для французского народа его суверенитет (денежный, законодательный, территориальный, экономический). С этой целью будут начаты переговоры с нашими европейскими партнерами, за которыми последует референдум о нашем членстве в Европейском союзе. Цель заключается в реализации европейского проекта, который уважает независимость и национальный суверенитет Франции и служит интересам народа» [Front National, 2017]	Отсутствуют	Отсутствуют упоминания евро (только в контексте выплат), нет предложений отказа от него

Анализ программы 2017 г. [Front National, 2017] показывает рост радикализма партии по отношению к Европейскому союзу; уменьшение проявлений мягкого евроскептицизма говорит о том, что проблемы, которые раньше предлагалось решать на «мелком уровне», теперь приводят к более жёстким и радикальным требованиям: почти все предложения программы 2017 г. должны быть реализованы тогда, когда ЕС прекратит существование или Франция его покинет.

Таблица 6

Мягкий евроскептицизм в отношении национальных интересов в программе «Альтернативы для Германии» 2013 г.

Заявления, что политика ЕС мешает развитию страны	Требования большей роли для своей страны, призывы вернуться к «величию»
Выражается в критике Европейского центрального банка «Мы призываем к немедленному запрету на покупку лома бумаги Европейским центральным банком. Инфляция не должна поглощать сбережения граждан» [Alternative für Deutschland, 2013]	Отсутствуют

Таблица 7

Мягкий евроскептицизм в отношении политики
в программе «Альтернативы для Германии» 2013 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением политической и экономической интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
Отсутствует даже упоминание Шенгенского соглашения	«Мы настаиваем на полном бюджетном праве национальных парламентов. Мы решительно отвергаем трансфертный союз или даже централизованное европейское государство. Мы обеспечим, чтобы законодательные полномочия были вновь переданы национальным парламентам» [Alternative für Deutschland, 2013].

Таблица 8

Жёсткий евроскептицизм в программе «Альтернативы для Германии» 2013 г.

Призывы выйти из ЕС	Призывы вернуться к ЕЭС (сохранить экономическую интеграцию, выйти из Шенгенской зоны и прекратить политическую интеграцию)	Призывы выйти из еврозоны
«Мы утверждаем Европу суверенных государств с общим внутренним рынком; мы хотим жить вместе в дружбе и добрососедстве. Мы настаиваем на полном бюджетном праве национальных парламентов. Мы решительно отвергаем трансфертный союз или даже централизованное европейское государство. Мы обеспечим, чтобы законодательные полномочия были вновь переданы национальным парламентам. Мы будем выступать за реформу ЕС, чтобы уменьшить бюрократию Брюсселя и содействовать прозрачности и близости к гражданам. Европейский парламент не смог контролировать Брюссель» [Alternative für Deutschland, 2013]	Отсутствуют	«Мы требуем упорядоченного распада еврозоны, Германия не нуждается в евро, а другие страны страдают от евро» [Alternative für Deutschland, 2013]

Можно сделать вывод, что «Альтернатива для Германии» [Alternative für Deutschland, 2013] изначально была жёстким евроскептиком, при этом в центре критики находилась валютная, а не миграционная политика Союза.

Таблица 9

Мягкий евроскептицизм в отношении национальных интересов
в программе «Альтернативы для Германии» 2018 г.

Заявления, что политика ЕС мешает развитию страны	Требования большей роли для своей страны, призывы вернуться к «величию»
<p>«АД выступает за более широкий подход к политике в области развития, который также учитывает интересы безопасности и экономические интересы Германии. Страны-партнеры и проекты должны отбираться с учетом потенциала успеха, устойчивости и возможного равенства. Помощь должна прежде всего быть помощью для самопомощи» [Alternative für Deutschland, 2013]</p>	<p>«АДГ привержена ведущей немецкой культуре, которая основана на ценностях христианства, древности, гуманизма и просвещения. Помимо немецкого языка, он также включает в себя наши обычаи и традиции, интеллектуальную и культурную историю. С этим тесно связаны наше либеральное конституционное государство, наше понимание ценности образования, искусства и науки и социальной рыночной экономики как выражения человеческого творчества. Идеология многокультурности ставит под угрозу все эти достижения в области культуры» [Alternative für Deutschland, 2013].</p> <p>«На уровне ЕС мы хотим, чтобы немецкий язык был приравнен к английскому и французскому языкам в повседневной практике до тех пор, пока существует ЕС» [Ibid.]</p>

Таблица 10

Мягкий евроскептицизм в отношении политики
в программе «Альтернативы для Германии» 2018 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением полит. и экон. интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
<p>«Мы рассматриваем Шенгенское соглашение как провал, поскольку не существует эффективного контроля за внешними границами. Поэтому необходимо вновь создать немецкую пограничную охрану, способную защитить государственные границы, гарантируя свободное передвижение людей и товаров» [Alternative für Deutschland, 2013]</p>	<p>«Необходимо восстановить верховенство права, а государство должно вновь выполнить свои основные задачи, в частности обеспечить внутреннюю безопасность. Шенгенские, Маастрихтские и Лиссабонские договоры незаконно посягают на нерушимый суверенитет народа. Государство, которое отказывается от пограничного режима и, таким образом, суверенитета над своей территорией, распадается и теряет свою государственность. В Германии мы также выступаем против централизма, выравнивания и единообразия, потому что мы твердо выступаем за субсидиарность и федерализм» [Alternative für Deutschland, 2013]</p>

Жёсткий евроскептицизм в программе «Альтернативы для Германии» 2018 г.

Призывы выйти из ЕС	Призывы вернуться к ЕЭС (сохранить экономическую интеграцию, выйти из Шенгенской зоны и прекратить политическую интеграцию)	Призывы выйти из еврозоны
«Необходимо восстановить верховенство права, а государство должно вновь выполнить свои основные задачи, в частности обеспечить внутреннюю безопасность. Шенгенские, Маастрихтские и Лиссабонские договоры незаконно посягают на нерушимый суверенитет народа. Государство, которое отказывается от пограничного режима и, таким образом, суверенитета над своей территорией, распадается и теряет свою государственность» [Alternative für Deutschland, 2013]	«Мы хотим сохранить суверенное, демократическое национальное государство! АдГ выступает за свободу и самоопределение европейских наций. Это означает, что все страны имеют право объединяться в суверенные государства. Как таковые, они могут вступать в международные отношения и иметь общие интересы как сообщество государств. В Европе это было успешно достигнуто через Европейское экономическое сообщество. Попытка создать "конфедерацию государств" на основе Маастрихтского (1992 год) и Лиссабонского (2008 год), как это называет Федеральный конституционный суд, должна рассматриваться как неудачная» [Alternative für Deutschland, 2013]	«Нет ответственности за долги других стран и нет государственного долга более 60 процентов от соответствующего валового внутреннего продукта. Эти правила были уничтожены, поэтому Германия должна отказаться от трансфертного союза и покинуть еврозону» [Alternative für Deutschland, 2013]

«Альтернатива для Германии» в 2018 г. [Alternative für Deutschland, 2017] стала намного жёстче в своём евроскептицизме; мы связываем это с двумя факторами: сменой руководства партии («экономисты» проиграли «консерваторам») и огромным притоком беженцев в Германию, что вызвало недовольство граждан Германии и рост неприязни к канцлеру Ангеле Меркель (с именем которой и связывают политику «гостеприимства» Германии); молодая партия воспользовалась этими настроениями, привлекая новых сторонников резкими лозунгами.

Таблица 12

Мягкий евроскептицизм в отношении национальных интересов
в программе «Лиги Севера» 2013 г.

Заявления, что политика ЕС мешает развитию страны	Требования большей роли для своей страны, призывы вернуться к «величию»
Отсутствуют	«Центральное место Италии в европейской политике, в Атлантическом альянсе, в евро-средиземноморском диалоге, в отношениях с Востоком» » [Lega Nord, 2013].

Таблица 13

Мягкий евроскептицизм в отношении политики в программе
«Лиги Севера» 2013 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением политической и экономической интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
Отсутствуют	«Прямые выборы президента Европейской комиссии и расширение законодательной власти Европейского парламента», «Создание европейского рейтингового агентства» [Lega Nord, 2013]

Жёсткий евроскептицизм в программе «Лиги Севера» 2013 г. [Lega Nord, 2013] отсутствует. После анализа программы «Лиги Севера» 2013 г. можно заключить, что она больше еврореформистская, чем евроскептическая: регионалистская «Лига» никогда не была настроена однозначно негативно к ЕС, т.к. она видела большую угрозу в Риме, чем в Брюсселе. В 2013 г. большая часть предложений была о том, как преодолеть последствия экономического кризиса 2008 г., и политическая стабильность нахождения в Евросоюзе должны была служить этому же.

Мягкий евроскептицизм в отношении национальных интересов в программе «Лиги Севера» 2018 г. отсутствует.

Мягкий евроскептицизм в отношении политики
в программе «Лиги Севера» 2018 г.

Призывы выйти из Шенгенского соглашения (с сохранением полит. и экон. интеграции)	Требования возвращения к принципам субсидиарности в общеевропейском правлении
«Восстановление полного контроля каждого государства над его границами, то есть отмена Шенгенского и Дублинского правил» [Lega Nord, 2013].	«Восстановление следующего суверенитета: а) валютный и экономический суверенитет. Исключительная компетенция в отношении торговой политики. б) территориальный суверенитет Принцип свободного передвижения лиц, услуг и капитала. Общая внешняя политика – ЕСВС. Восстановление полного контроля каждого государства над его границами, то есть отмена Шенгенского и Дублинского соглашений. в) законодательный суверенитет Верховенство права государств-членов над законодательством Союза. Суд ЕС. Правосубъектность ЕС, то есть право заключать международные соглашения от имени государств-членов. г) Восстановление субсидиарности Возвращение к исключительной компетенции государств-членов большинства совпадающих компетенций и всех вспомогательных компетенций. Расширить полномочия по контролю за применением принципа субсидиарности и пропорциональности в национальных парламентах и регионах» [Lega Nord, 2013]

Жёсткий евроскептицизм в программе «Лиги Севера» 2018 г.

Призывы выйти из ЕС	Призывы вернуться к ЭЭС (сохранить экон. интеграцию, выйти из Шенгенской зоны и прекратить полит. интеграцию)	Призывы выйти из еврозоны
Отсутствуют	«Мы хотим оставаться в составе Европейского союза только при условии, что мы пересмотрим все договоры, которые ограничивают осуществление нашего полного и законного суверенитета, и фактически вернемся в Европейское экономическое сообщество до Маастрихтского договора» [Lega Nord, 2013]	«Евро является главной причиной нашего экономического спада, валютой, адаптированной к Германии и транснациональным корпорациям и противоречащей потребностям Италии и малого бизнеса. Мы всегда искали партнеров в Европе, чтобы начать согласованный общий путь ухода» [Lega Nord, 2013]

В 2018 г. [Lega Nord, 2018] в программе произошло заметное ужесточение риторики; логично предположить, что оно было спровоцировано миграционным кризисом, однако при взгляде на программу мы понимаем, что итальянцев беспокоят главным образом расходы, которые приходится выделять на содержание беженцев: Италия, находившаяся «в авангарде» приёма мигрантов из-за своего географического положения, почти весь 2015 г. спасала сотни тонущих беженцев, при этом расходы на спасательные операции Евросоюз полностью не покрывал [Hampshire, 2015].

Заключение (Conclusion)

На основании проведённого исследования мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, наша гипотеза о влиянии миграционного кризиса 2015 г. на евроскептицизм подтверждена: после кризиса 2015 г. евроскептицизм действительно стал жёстче во всех рассмотренных партиях и приобрёл большую анти-мигрантскую окраску. Кроме самого миграционного кризиса, на ужесточение дискурса влияла также внутрипартийная борьба (в случае «Альтернативы для Германии»).

Во-вторых, до миграционного кризиса партии главным образом сосредотачивались на проблемах еврозоны и евро; единственная партия, до 2015 г. уделявшая внимание миграции – «Национальный фронт», что неудивительно, т.к. она была построена на антиэмигрантском дискурсе; «Лига» и «Альтернатива» строились на позициях регионализма и критики единой валюты, поэтому принятие ими антиэмигрантского дискурса произошло только после масштабного миграционного кризиса. «Национальный фронт» после миграционного кризиса усилил критику ЕС и почти полностью отказался от мягкого евроскептицизма, заменив его жёстким; выход из ЕС в программе 2017 г. ставится как жизненно важный вопрос для Франции.

В-третьих, «Лига Севера» оказалась наименее жёстким евроскептиком и наиболее сосредоточенной на экономических вопросах; даже после 2015 г. данная партия продолжила уделять большее внимание экономическим проблемам, чем проницаемости границ. Эта «мягкость» может быть объяснена происхождением «Лиги»: оказавшаяся у власти в прошлом регионалистская партия, сейчас стремящаяся набрать избирателей по всей стране, больше сосредоточена на демонстрации избирателям готовности заботиться об экономическом благополучии всего государства, для чего больше подходит экономическая повестка.

Наконец, «Альтернатива для Германии», создававшаяся как партия критиков еврозоны, после 2015 г. и значительных кадровых перестановок в руководстве сменила риторику на более радикальную по отношению к мигрантам,

в которых партия видит угрозу внутренней безопасности Германии и демократическому суверенитету страны. Такой резкий скачок можно объяснить желанием получить как можно больше поддержки от избирателей, сыграв на актуальной проблеме. Вернётся ли «Альтернатива» к своим «корням» – фокусу на экономике с достаточно терпимым отношением к миграции и мультикультурализму, – зависит от ответа Евросоюза на следующий кризис.

Результаты данной работы могут быть использованы при попытках спрогнозировать поведение правых евроскептиков-популистов в ситуации миграционного всплеска. Также они могут послужить для анализа эволюции конкретных партий за один электоральный цикл.

Библиографический список

1. *Вайнштейн Г. И.* Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // *Мировая экономика и международные отношения*, 2015. № 8. С. 40–48.
2. *Шибкова М. О.* Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий // *Современная Европа*. 2019. С. 119–128.
3. Alternative für Deutschland. Wahlprogramm Parteitagsbeschluss vom 14.04.2013. URL: https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/default/files/election-program-files/afd_1.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
4. Alternative für Deutschland. Programm für Deutschland. 2017. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 06.06.2023).
5. Front National. Mon Projet pour la France et les Français. 2012. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/31720_2012.pdf (дата обращения: 05.05.2023).
6. Front National. 144 Engagements Présidentiels. 2017. URL: <https://www.politique-animaux.fr/sites/www.politique-animaux.fr/fichiers/prises-depositions/pieces-jointes/projet-presidentiel-marine-le-pen-2017.pdf> (дата обращения: 06.06.2023).
7. Hampshire J. Europe's Migration Crisis // *Political Insight*. 2015. Vol. 6, issue 3 (6(3)). P. 8–11.
8. Lega Nord. Lega Nord Programma Elezioni Politiche 2013. URL: <https://www.leganord.org/phocadownload/elezioni/politiche/Programma%20Politiche%202013.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Lega Nord. Elezioni 2018. Programma di governo. 2018. URL: <https://www.leganord.org/component/phocadownload/category/5-elezioni?download=1514:programma-lega-salvini-premier-2018> (дата обращения: 05.05.2023).

10. Taggart P., Szczerbiak A. Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe. Brighton: Sussex European Institute, 2001. 40 p.

11. Taggart P., Szczerbiak A. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States. 2002. 34 p. *Вимон П.* Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности // Московский центр Карнеги. 2017.

EUROSCEPTICISM OF RIGHT-WING POPULIST PARTIES IN EUROPE: THE INFLUENCE OF THE 2015 MIGRATION CRISIS

Nazarova Nadezhda A.

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia

nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

***Abstract.** In this paper, the programmes of three right-wing populist Eurosceptic parties (“National Front”, “Lega Nord” and “Alternative for Germany”) have been compared using Taggart and Szczerbiak’s classification of populism. The conclusion is that all parties started using more “hard” Euroscepticism after the 2015 migration crisis; Lega Nord was the least “hard” Eurosceptic and the most focused on economic issues; “Alternative for Germany”, which was created as a party critical of the eurozone, became more hardline after 2015. “National Front” increased its criticism of the European Union after the migration crisis and almost completely abandoned soft Euroscepticism, replacing it with hard criticism and demanding an exit from the European Union.*

***Key words:** Migration Crisis, Taggart and Szczerbiak, Alternative for Germany, National Front, Lega Nord.*

ДИНАМИКА СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА В АРКТИКЕ (РОССИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА)

Смыковский Егор Алексеевич

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова

163002, Россия, Архангельск, ул. набережная Северной Двины, 17
Smykovskij.e@edu.narfu.ru

***Аннотация.** Арктика как регион с течением времени становится всё более важной во внешней политике любого арктического государства. В данном исследовании поднимается проблема взаимоотношений государств арктического региона: анализ истории установления сотрудничества Российской Федерации с остальными государствами Арктики с 90-х годов XX века, а также рассмотрение возникших конфликтов в динамике с сотрудничеством. Результаты исследования показали, что в происходящих событиях главную роль играют изменения курса внешней политики России и уже соответствующие реакции Запада на них, и, в дальнейшем, возможно, России и другим государствам придется искать новые точки соприкосновения.*

***Ключевые слова:** Арктика; Россия; международное сотрудничество; соперничество; Арктический Совет.*

Вместе с ростом геополитического потенциала Арктики растёт и степень полярности в международных отношениях, строящихся вокруг данного региона. Данный факт является закономерным, так как с таянием вековых льдов Северного Ледовитого океана ценность региона повышается – с одной стороны, с точки зрения огромного количества полезных ископаемых, начиная мировыми запасами нефти и природного газа (значительная часть которых находится в России [Еремин и др., 2010]) и заканчивая залежами редкоземельных металлов. С другой – более явным становится потенциал Арктики как транспортной артерии, важной не только для России, но и для мира в целом.

На данный момент, международные отношения в Арктике переживают своеобразный кризис: кроме поддержки антироссийских санкций со стороны западных государств, во время председательства России в Арктическом Совете остальные участники организации заявили об отказе вести деятельность совместно с Россией, намереваясь «возобновить свою деятельность без России», таким образом исключая из деятельности почти 60% арктического побережья,

что вызывает некоторые сомнения в эффективности их грядущей деятельности [Арктический совет возобновил..., 2022].

Кроме того, 5 июля 2022 года ещё 2 арктических государства – Финляндия и Швеция – утвердили протоколы, согласно которым они станут новыми членами Североатлантического Альянса на востоке [Финляндия и Швеция подписали..., 2022]. Естественно, данные протоколы должны утвердить и другие члены НАТО (что может являться рычагом влияния на двух потенциальных участников), но сам факт подписания подобных документов сигнализирует о том, в чьей сфере влияния находятся Швеция и Финляндия. Таким образом, из 8 арктических государств, имеющих членство в Арктическом Совете, 7 являются членами НАТО. В XXI веке международные отношения в Арктике еще никогда не были настолько поляризованными, из-за чего могут появляться определенные вопросы о новом характере взаимодействия России с представителями военного альянса НАТО.

Для полного понимания ситуации, в которой сейчас находится Россия, а также последующего прогнозирования событий в Арктике необходимо проследить динамику взаимодействия России в арктическом пространстве, чтобы понять, как арктические государства пришли от сотрудничества к соперничеству, и какие шаги могут быть приняты в дальнейшем для нормализации отношений в регионе.

В ходе исследования были изучены международные документы и договоры, проведен ивент-анализ важных и поворотных событий для рассматриваемого периода времени, а также контент-анализ публицистических источников и новостей, соответствующих рассматриваемым событиям. Так, в процессе исследования была сформирована источниковая база, состоящая из международных договоров и других подобных документов, а также публицистических материалов. Кроме того, в исследовании был использован ряд новостных источников и научных работ по тематике исследования и посвященных анализируемым событиям.

Первым этапом в разборе динамики данной темы можно выделить 90-е годы XX в. С распадом Советского Союза и приходом «демократической природы новой российской государственности» [Концепция внешней..., 1993, с. 20] действия России, настроившейся на демократический, прозападный путь, находились в одной канве с остальными странами Запада (в некоторых случаях либеральные власти даже получали «консультации» напрямую от Государственного департамента США). Арктическая ситуация не является исключением. Период конца XX в. стал одним из наиболее плодотворных в отношении

построения связей: новоиспеченная Российская Федерация устанавливала контакты со всеми странами демократического мира, во многих отношениях действительно пользуясь «демократической солидарностью» стран Арктики. Это можно проследить на примере Норвегии, с которой были заключены соглашения в сферах рыболовства, защиты окружающей среды, экономического, торгового, гуманитарного, культурного и научного сотрудничества. Действительно, с падением железного занавеса России открылось огромное количество новых, ранее недоступных возможностей, одной из которых стало создание Арктического Совета в 1996 году, в котором председательство России продолжается и по сей день. В данный период Россия наиболее сильно приобщилась к западному миру, начав принимать реальное участие в решении проблем региона, получив ценные связи и очевидную выгоду от них.

С другой стороны, встаёт вопрос, чем Россия пожертвовала, ведя подобное сотрудничество. Кроме снижения активности в освоении Северного Морского Пути (по сравнению с 80-ми годами в СССР) [Чижков, 2017] и упадка состояния Вооруженных Сил РФ (что шло в ногу с общегосударственными тенденциями сокращения ВС РФ и включает снижение количества военных баз, сеть которых теперь постепенно восстанавливается) [Трунов, 2018], одним из самых кардинальных изменений в арктической политике РФ стала ратификация Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (ЮНКЛОС) в 1997 году. Данным шагом руководство Российской Федерации утвердило переход от секторального подхода к делению Арктики, существовавшего при СССР, таким образом сократив границы своих претензий от Северного полюса к исключительной экономической зоне в 200 миль от берега (ЮНКЛОС предполагает возможность расширения данной зоны при наличии доказательств о продолжении шельфа дальше 200 миль [Конвенция ООН, 1982], но с 2001 года ни одна из российских заявок не была удовлетворена ООН). Стоит отметить, что США, единственная в мире сверхдержава и лидер демократического мира, в ЮНКЛОС не входила и намерений на данный шаг не выражала. Таким образом, рассуждения о том, что в данный период международные интересы преследовались в ущерб национальным, в таком свете становятся ещё более актуальными.

С приходом нового руководства в 2000-х в России и принятия новой концепции внешней политики, обозначившей «переосмысление ситуации вокруг Российской Федерации» и «приоритетов российской внешней политики» [Концепция внешней политики..., 2000], Россия, столкнувшись с тем, что данные ранее обещания оказались невыполненными [Der Spiegel:..., 2022], а нацио-

нальные интересы всё ещё ущемлены, стала всё больше опираться на пример и действия сильных мировых держав, а не на либеральную идеологию и «демократическую солидарность» Запада [Концепция внешней..., 1993, с. 21]. В то время как в целом Россия начала делать поворот в мировой политике, Арктика всё ещё не рассматривалась как возможная горячая точка во многом из-за климатических условий. Так, мы можем наблюдать продолжение и укрепление связей между Россией и граничащими с ней арктическими государствами, приводя в качестве примера Норвегию: принятие соглашения об упрощении выдачи виз и проезда через границу [Правительство РФ и Правительство КН, 2011], договора о разграничении морских границ [Договор между РФ и КН..., 2010], и продление старых договоров. Сотрудничество не ограничилось двусторонним взаимодействием: в 2007 и 2011 году были созданы новые организации, углубившие связи арктических государств: Международный Баренцев Секретариат и «Северное измерение», направленные на развитие сотрудничества, общественного здравоохранения и социального развития стран-участниц.

Но общий упор на национальные интересы не мог не отразиться на политике в регионе. Одной из отправных точек поворота в арктической политике можно выделить экспедицию «Арктика-2007», в ходе которой российская подводная лодка погрузилась на глубину ~4000 метров и установила флаг России на морском дне. Показательной является цитата Артура Чилингарова, заслуженного полярника (а также члена партии «Единая Россия»), участвовавшего в экспедиции: «Крайний Север является русским. Мы не отдадим его никому!» [Джанджгава, 2012, с. 111]. Несмотря на научный характер экспедиции, установление флага вызвало общественный диссонанс в странах Арктического Совета. Смену курса на собственное усиление можно проследить не только в заявлениях полярников, достаточно вспомнить Мюнхенскую речь В. В. Путина в 2007 году [Выступление Владимира Путина..., 2007] и новую внешнеполитическую концепцию, где вместо демократических условий высшим принципом действия России объявляется национальная безопасность [Концепция внешней политики..., 2008].

Постепенное обострение отношений продолжается и после украинского кризиса в 2014 году: арктические государства не стали ожидать превращения региона в горячую точку, но всё чаще на международной арене стали проходить дискуссии о милитаризации региона, и в это время в стратегиях всех остальных арктических государств отражалось «пагубное влияние действий России на международную обстановку» [Finland's strategy..., 2021], кроме Канады и Дании: канадская арктическая стратегия уделяет больше внимания дей-

ствиям самой Канады, включая как вопросы климата и положения коренных народов, так и собственного военного присутствия, а датская стратегия ставила задачи в 2011 г. до 2020 г., в то время как вопросы международного напряжения и путей кооперации не были так же актуальны, как сегодня, а новая стратегия ещё либо не подготовлена, либо не находится в общем доступе. Усилили военное присутствие и другие страны: в основном США, перебрасывая войска в другие страны НАТО в Арктике [White House Arctic..., 2022]. Возможность возникновения конфликта интересов с Россией и Китаем (в том числе из-за Северного Морского Пути) в Арктике они предполагали уже продолжительное время, и готовы бороться за доминирование в регионе, о чем заявили в 2021 г. в своей арктической стратегии, которая недвусмысленно называется «Возвращение господства в Арктике» [Regaining Arctic..., 2021]. Другие страны НАТО не противились данной политике: Норвегия с 2018 года кроме прочего поддерживала постройку новой радиолокационной станции в городе Вардё (находящемся в 50 километрах от Мурманска и работающей в интересах Противоракетной обороны США) и допуск американских атомных подводных лодок в свои порты [Журавель, 2021, с. 27]. Россия проводила симметричные меры, направленные на возвращение своего военного присутствия в Арктике до показателей СССР, при этом развивая сеть военных объектов и обороны [Загорский, 2017].

Переломным для сотрудничества в Арктике стал 2022 год: после событий 2014 года всё ещё сохранялись контакты между руководствами государств, работал Арктический Совет, подписывались и продлевались соглашения. Даже другие страны Арктики (а именно Исландия [Iceland's policy on..., 2021] и нейтральные на тот момент Швеция [Sweden's strategy..., 2020] и Финляндия [Finland's strategy..., 2021]) признавали, что, хотя темпы расширения военного присутствия России в Арктике вызывают тревогу, оно может быть оправдано как тем, что НАТО ведёт похожую политику, так и тем, что Россия имеет право действовать в своих границах Арктики так, как она считает нужным. В этот раз ответ реакция стран НАТО, Швеции и Финляндии оказалась намного более решительным, как уже описывалось ранее – арктические государства приостанавливали любые виды сотрудничества и не оставляли места для диалога.

В связи с этим встаёт вопрос: как можно сохранить оставшиеся связи и, возможно, даже их восстановить? Во-первых, стоит учесть, что для остальных стран, включая арктические государства, почти невозможно разорвать абсолютно все связи с Россией. Даже если государства занимают определенную позицию, остаются соглашения регионального характера, к примеру, побратимские связи, что можно увидеть на примере Архангельска и его связей с города-

ми-побратимами в Швеции [Договор о сотрудничестве..., 1999], Норвегии [Договор о дружественных..., 1989] и Финляндии [Основной договор..., 1993] – в то время, как некоторые города за рубежом разорвали побратимские связи [Тромсё решил..., 2022], остальные не спешат разрывать отношения с Архангельском и другими городами, что показывает определенную неоднородность настроений в странах Арктики пограничных с Россией, что естественно, так как несмотря на политику центральной власти, региональным властям намного труднее устанавливать контакты и сотрудничать на своём уровне, из-за чего в большинстве случаев для руководств регионов и городов разрывать их просто не выгодно – даже в одном из немногих случаев «разрыва» отношений с Архангельском властями города Тромсё, их руководство допускает, что «связи между городами когда-нибудь в будущем могут быть возобновлены» [Тромсё решил..., 2022]. Кроме того, некоторые работники администрации Архангельска высказывают небезосновательные предположения о том, что это разрыв побратимских связей был инициирован предпринято новым мэром Тромсё, Гуннаром Вильгельмсенем и лояльным ему руководством для поддержки собственных рейтингов, так как ранее стороны даже не упоминали возможность разрыва побратимских связей.

Также при готовности стран НАТО (и его кандидатов) к диалогу, можно обратиться к другой стороне данной проблемы. На протяжении всего рассматриваемого промежутка времени соглашения и обоюдные действия, призванные реально решить проблемы милитаризации Арктики, стремятся к нулю. При этом Россия в данном вопросе находится в особом положении, так как на Крайнем Севере России военные формирования также выполняют функции спасателей и МЧС. Одним из выходов к снижению международной напряженности может стать диалог представителей вооруженных сил разных стран через структуры Арктического Совета или создание абсолютно новых площадок. И хотя на данный момент вероятность возобновления отношений крайне мала, представители стран Запада не отрицают возможности диалога, и упоминают возможные точки соприкосновения в 2023 году [Lessons from the..., 2023], а риторика о необходимости изоляции России сменилась заявлениями о том, что «Россию не пытались изолировать на международном уровне» [The U.S. Arctic Vision..., 2022]. Поэтому можно предположить, что самой низкой точкой в отношениях между Российской Федерацией и остальными арктическими государствами был именно 2022 год, и в дальнейшем есть вероятность увидеть бóльшую готовность к сотрудничеству двух сторон.

Библиографический список

1. Арктический совет возобновил работу без России // Новостной портал News.ru. URL: <https://news.ru/world/arkticheskij-sovet-vozobnovil-rabotu-bez-rossii/> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Выступление Владимира Путина на Мюнхенской Конференции по вопросам политики и безопасности от 10 февраля 2007 г. // Информационный портал «Викитека». URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_\(2007\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_(2007)) (дата обращения: 10.05.2023).
3. Джанджгава Н. Споры в Арктике: угрозы и возможности // Connections: The Quarterly Journal. 2012. Vol. 11, no. 3. URL: https://connections-qj.org/ru/system/files/11.3.08_rus_janjgava.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
4. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (Президентом Дмитрием Медведевым и Премьер-министром Норвегии Йенсом Столтенбергом от 15 сентября 2010 года) // Официальный сайт Президента России. URL: <https://news.ru/world/arkticheskij-sovet-vozobnovil-rabotu-bez-rossii/> (дата обращения: 10.05.2023).
5. Договор о дружественных связях между городами Архангельском (СССР) и Вардё (Норвегия) (мэром города Вардё Тур А. Куфюдом и председателем исполкома городского Совета С. В. Потемкиным от 23.02.1989) // Информационный портал города Архангельска. URL: <https://www.arhcity.ru/data/232/Vardo.pdf>, (дата обращения: 10.05.2023).
6. Договор о сотрудничестве между городом Архангельском, Россией и городом Кируна, Швеция (Председателем городского Совета Кируны Торе Клиппмарком и заместителем мэра города Архангельска Владимиром Котловым от 09.08.1999) // Информационный портал города Архангельска. URL: <https://www.arhcity.ru/data/232/Kiruna.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).
7. Еремин Н. А., Кондратюк А. Т., Еремин Ал. Н. Ресурсная база нефти и газа арктического шельфа России // Георесурсы, геоэнергетика, геополитика. 2010. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnaya-baza-nefti-i-gaza-arkticheskogo-shelfa-rossii> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Загорский А. В. Безопасность в Арктике // Современная Европа. 2017. №4 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-v-arktike> (дата обращения: 10.05.2023).
9. Журавель В. П. Арктическая стратегия норвегии и вопросы безопасности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. №5.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskaya-strategiya-norvegii-i-voprosy-bezopasnosti> (дата обращения: 10.05.2023).

10. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (странами-участниками третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС III) 10 декабря 1982 года, вступила в силу для России 11 апреля 1997 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 10.05.2023).

11. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28.06.2000 г. (Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 10.05.2023).

12. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.07.2008 г. (Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 года) // Компьютерная справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/ (дата обращения: 10.05.2023).

13. Основной договор о сотрудничестве между городами Архангельском и Оулу (мэром города Оулу и мэром города Архангельска от 03.06.1993) // Информационный портал города Архангельска. URL: <https://www.arhcity.ru/data/232/Oulu.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия (Правительством Российской Федерации и правительством Королевства Норвегия от 19.10.2011) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902254024> (дата обращения: 10.05.2023).

15. Тромсе решил разорвать побратимские отношения с Мурманском, Архангельском и Надымом // Новостное издание «Мурманский вестник». 2022. URL: <https://www.mvestnik.ru/news/ent/tromse-reshil-razorvat-pobratimskie-otnosheniya-s-murmanskom-arhangelskom-i-nadymom/> (дата обращения: 10.05.2023).

16. Трунов Ф. Военно-политическое противостояние Запада и РФ: арктическое измерение // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2018. № 49(65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskoe-protivostoyanie-zapada-i-rf-arkticheskoe-izmerenie> (дата обращения: 10.05.2023).

17. Финляндия и Швеция подписали протоколы о вступлении в НАТО // Новостной портал Известия. URL: <https://iz.ru/1359858/2022-07-05/finliandiia-i-shvetsiia-podpisali-protokoly-o-vstuplenii-v-nato> (дата обращения: 10.05.2023).
18. Чижков Ю. В. Северный морской путь в структуре арктической транспортной системы // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2017. № 1(68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnyu-morskoj-put-v-strukture-arkticheskoy-transportnoy-sistemy> (дата обращения: 10.05.2023).
19. Der Spiegel: Обнаружен документ 1991 года с обещаниями Запада о нерасширении НАТО на восток // Новостной портал RGRU. URL: <https://rg.ru/2022/02/18/der-spiegel-obnaruzhen-dokument-1991-goda-o-nepriemle-mosti-rasshireniia-nato-na-vostok.html> (дата обращения: 10.05.2023).
20. Finland's Strategy for Arctic Policy // European Polar Board [Electronic resource]. URL: https://www.europeanpolarboard.org/fileadmin/user_upload/Finland_Arctic_Strategy_2021.pdf (accessed: 10.05.2023).
21. Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region // Government of Iceland. URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (accessed: 10.05.2023).
22. Lessons from the Arctic Council Q&A: Arctic Circle // YouTube online video platform. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OilKHDX-aV0> (accessed: 25.05.2023).
23. Regaining arctic dominance // Department of the Army of United States. URL: https://verumreactor.ru/wp-content/uploads/2021/03/regaining_arctic_dominance_us_army_in_the_arctic_19_january_2021.pdf (accessed: 10.05.2023).
24. Sweden's strategy for the Arctic region // Government of Sweden [Electronic resource]. URL: <https://www.government.se/4aaec5/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (accessed: 10.05.2023).
25. The U.S. Arctic Vision: Arctic Circle // YouTube online video platform. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dhRg89E_K8s (accessed: 25.05.2023).
26. White House Arctic strategy calls for enhanced military presence // DefenceNews official website. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2022/10/07/white-house-arctic-strategy-calls-for-enhanced-military-presence/> (accessed: 10.05.2023).

DYNAMICS OF COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE ARCTIC (RUSSIAN PERSPECTIVE)

Smykovskiy Egor A.

Northern (Arctic) Federal University

named after M.V. Lomonosov

Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

Smykovskij.e@edu.narfu.ru

Abstract. *The Arctic as a region is becoming increasingly important in the foreign policy of all Arctic states. This study raises the problem of relations between the states of the Arctic region through analysis of the history of the establishment of cooperation between the Russian Federation and the rest of the Arctic states since the 90s of the XX century, as well as a review of the conflicts that have arisen in dynamics with cooperation efforts. The results of the study showed that in current events a major role is played by changes in the course of Russian foreign policy and by corresponding reactions to them by the West, and it is possible that in the future Russia and other Arctic states may have to look for new points of contact.*

Key words: *Arctic; Russia; international cooperation; confrontation; Arctic Council.*

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ (XV–XVII ВЕКОВ) ЭПОХИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лимонова Мария Айдаровна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
MALimonova59@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ работ по изучению фортификационных сооружений Верхнего Прикамья XV–XVII вв. Актуальность данного исследования заключается в том, что к настоящему моменту накопилось значительное количество публикаций и исследований, требующих анализа и систематизации. Со второй половины XIX в. к теме изучения фортификационных сооружений на территории Верхнего Прикамья обращались историки. Археологи в своих исследованиях они опирались на письменные источники и археологические данные. Таким образом, мы делим источники на две категории: исследования, в которых объектом истории являются оборонительные сооружения, и посвященные другим объектам, но в контексте которых так или иначе затрагиваются и оборонительные сооружения. По результатам проведенного историографического обзора выявлены пробелы в изучении фортификационных сооружений Верхнего Прикамья.

Ключевые слова: фортификационные сооружения; Верхнее Прикамье; русская колонизация; русские поселения; история; археология.

Актуальность данного исследования заключается в том, что к настоящему моменту появилось значительное количество публикаций и исследований, требующих анализа и систематизации накопленного материала.

Цель данного исследования: выявить закономерности в изучении историками и археологами оборонительных сооружений Верхнего Прикамья. Для достижения цели необходимо проанализировать и систематизировать публикации и исследования авторов работ, посвященных изучению фортификационных сооружений русских поселений Верхнего Прикамья эпохи русской колонизации: в отечественной научной литературе.

Объектом данного исследования являются научные статьи, обобщающие труды, монографии и археологические отчеты.

Предметом исследования являются тенденции в отечественной историографии.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что труды, посвященные оборонительным сооружениям Верхнего Прикамья, плохо изучены, не систематизированы и недостаточно освещены.

Применение таких подходов, как историко-типологический и сравнительно-исторический дало возможность сопоставить и сравнить труды историков и археологов с целью выявить закономерность в изучении трудов исследователей фортификационных сооружений русских поселений Верхнего Прикамья XV–XVII в.

Мы выделяем отдельную категорию работ, где оборонительные сооружения не являются напрямую объектом исследования, но в контексте исследования описываются как элемент укреплений русского центра в процессе колонизации, описании конфликтов, либо при описании экономического развития того или иного населенного пункта. Таким образом, мы делим источники данного исследования на две категории: работы, в которых объектом изучения являются оборонительные сооружения; работы, в которых объектом изучения являются другие вещи, но в контексте исследования так или иначе затрагиваются и оборонительные сооружения.

Первые географические исследования территории Верхней Камы пришлось на XVIII в., когда с целью сбора материала были созданы экспедиции. Наиболее ранней публикацией археологических материалов Прикамья была книга Шведского путешественника Ф. И. Стралнберга [*Стралнберг*, 1730]. Ряд средневековых Камских городищ описал в своих дневниках, опубликованных в 1770-х гг., русский путешественник капитан Н. П. Рычков [*Рычков*, 1770].

Русские города эпохи Средневековья – начала нового времени привлекли внимание историков в середине XIX в. Прежде всего исследователей интересовали политические, административные и военные функции городов, к концу века исследователи обратили внимание на экономические факторы в их развитии и функционировании [*Савельев*, 1883].

Дореволюционные исторические исследования связаны со сбором публикаций источников и их оценкой, а так же представлены обобщающими трудами А. А. Дмитриева, В. Н. Шишонко, В. Н. Берха [*Дмитриев*, 1889–1902, *Шишонко*, 1881–1889, *Берх*, 1821]. В данный период применялся позитивистский под-

ход к методологии исторического исследования. В основе его – поиск и верификация надежных исторических фактов. Между тем, в последней четверти XIX в. отечественная археология окончательно складывается как самостоятельная наука с определенными целями и задачами, ярко выраженной исторической направленностью и предметом исследования. Особенность этого периода заключается в том, что в центре внимания исследователей в основном были внешне заметные археологические памятники, в частности курганы, поселения на холмах.

В работе В. Н. Берха [*Берх*, 1821, с. 5] возникает научная дискуссия с мнением сообщества именитых ученых – М. В. Ломоносова [*Ломоносов*, 1952, с. 196], В. Н. Татищева [*Татищев*, 1926, с. 283], М. Д. Чулкова [*Чулков*, 1781, с. 95], Н. П. Рычкова [*Рычков*, 1772, с. 105–106] о том, являлась ли Пермь Великая «Биармией». Для того что бы доказать свою правоту, в 1895 г. В. Н. Берхом была применена передовая на тот момент методология исследования комплексного источниковедения, в частности были проведены первые археологические раскопки в Прикамье. Результатом данного исследования стал вывод о том, что отождествление Биармии и реальной Перми Великой заблуждение.

Попытка описательной реконструкции оборонительных укреплений г. Чердынь на основании письменных источников была предпринята А. А. Дмитриевым [*Дмитриев*, 1891, с. 28], в ее основе использованы довольно ограниченное количество источников, сведениями из некоторых реконструкция даже противоречит.

Обратим внимание на изучение наследия Строгановых: классификацией источников и их изучением занимались Г. Ф. Миллер [*Миллер*, 1880], А. А. Дмитриев [*Дмитриев*, 1891], Г. В. Устрялов [*Устрялов*, 1842], В. К. Коровин [*Коровин*, 1862], В. Ф. Мичурин [*Мичурин*, 1888].

В XVIII в. – первой трети XX в. историческая наука находилась в фазе накопления письменных источников и их анализа, часто исследователи сталкивались с недостатком материалов. Стоит отметить, в данный период исследовательский интерес археологов Прикамья был сосредоточен на изучении не автохтонных культур в районе территории Верхнего Прикамья. Военно-археологические исследования на территории Верхнего Прикамья не проводились.

Обратимся к советскому периоду: историческая наука, в том числе и археологическая, унифицировалась и приобрела официальное направление, в связи с чем более не имела возможности свободного развития.

Фортификационные сооружения не могут рассматриваться отдельно от города. Таким образом стоит уточнить, что город интересовал историков как самостоятельный многофункциональный организм в системе общественных отношений.

Военную функцию города исследователи рассматривали как в комплексе с остальными, так и отдельно. Советские ученые отдельно рассматривали военную функцию города как надстройку над экономическим базисом. Первые попытки освещения истории городов проходили с позиции исторического материализма Н. А. Рожковым [*Рожков*, 1913] и М. Вебером [*Вебер*, 1923], в связи с чем исследователи обращались к изучению социальной среды, анализу деятельности людей и административному устройству городов. Вместе с этим нельзя не отметить краеведческого интереса к памятникам археологии, активизацию, созданию научных обществ которые активно изучали прошлое отдельных территорий.

С первой четверти XIX в. до 80–90 гг. XX в. начался период организации специальных экспедиции по изучению археологических памятников Верхнего Прикамья, начало которому положили работы И. А. Талицкой [*Талицкая*, 1947], В. Ф. Генинга [*Генинг*, 1949]. Основной целью экспедиций были сбор материального материала, а также выяснения степени сохранности памятников.

На территории Чердынского кремля проводились археологические изыскания [*Шмыров*, 1972; *Оборин*, 1984]. На основании данных, полученных в ходе этих исследований, а также на основании письменных источников начались попытки реконструкции крепостных сооружений. Исследователи, обратили внимание на то, что согласно Вычегодско-Вымской летописи, строительство крепости Чердыни датируется 1535 г., там же упоминается, что «Старый [кремль] сгорел» [*Там же*]. Описания раннего укрепления в письменных источниках не сохранилось.

По упоминанию В. А. Шмырова, на территории кремля Соли Камской проводились археологические изыскания, однако в каком году и кем не уточнялось, автор говорил о том, что поиски были безрезультатными в связи с тем, что оборонительные конструкции не сохранились [*Шмыров*, 1982, с 12].

Уже в 70-х годах XX в. В. А. Шмыров опубликовал монографию на основе археологических отчетов, в которой пришел к выводу о том, что памятники русского военного зодчества Прикамья практически не исследованы [*Шмыров*, 1974, с 155]. Автор объяснял это тем, что, в отличие от западных и

центральных частей государства, оборонительные сооружения за исключением нескольких валов не сохранились.

В отличие от дореволюционного периода, в советское время изучение наследия Строгановских территории проводилось при помощи археологических изысканий. В 1992–1994 гг. на территории крепости Орла городка проводил В. А. Оборин [Оборин, 1994, с. 11–12]. Основным вопросом оставался прежним: планомерных изучений оборонительных систем вотчин и острожков не производилось в связи с тем, что особый интерес вызывала социально-экономическая деятельность Строгановых.

Итак, характерной чертой исторических исследований данного периода остается преобладание марксистко–ленинской парадигмы, основным направлением исследовательских вопросов было установление социально-экономического развития города. Исследования, опиравшиеся на письменные источники, не могли быть полноценными ввиду недостаточной точности содержащейся информации, что было проверено археологическими изысканиями.

Рассмотрим период с последней четверти XX в. по настоящее время. В отечественной археологии возникли новые методические приемы, широко стали применяться методы естественных наук, например, геофизические исследования, позволяющие более точно определить, где можно проводить раскопки, а также метод аэрофосъемки, с помощью которого можно получить данные о ландшафтных рубежах, определяющих границы поселения и др. В исторической науке стала преобладать модернизационная теория, суть которой в многосторонности способов изучения истории государства и общества с учетом разнообразных внутренних и внешних факторов. Теория модернизации позволяет более широко раскрыть общие закономерности и конкретно-исторические сюжеты в отечественной истории с древнейших времен по настоящее время.

В последней трети XX в изучение памятников эпохи русской колонизации и исторически русских населенных пунктов стало одной из основных научных тем Камской археологической экспедиции. В. А. Обриным, А. Ф. Мельничуком, Г. П. Головчанским, Н. А. Соколовой были воспроизведены археологические изыскания Нижнего Чусовского городка, Соликамской, Чердыни и др.

Работы Г.Н Чагина посвящена изучению возникновению и роли городов Перми Великой [Чагин, 2003]. Также в 2003 г., исследователь занимался изучением планировочных композиции и оборонительных сооружений г. Чердынь на основе письменных источников с целью их реконструкции. Мы располагаем данными о Чердынском кремле из письменных источников за 1614 г., в то вре-

мя как самый важный его период остался уже позади. И мы приходим к выводу о том, что имеющихся письменных источников недостаточно.

Уже в 2017 г. П. А. Корчагин предпринял попытку воссоздания Чердынского кремля с помощью виртуального 3D-моделирования [Корчагин, 2017]. Анализируя письменные источники, пришел к выводу о том, что тексты известных описаний не полны, к тому же публиковались с ошибками. Дальнейшая реконструкция укреплений не могла быть произведена без использования данных археологических исследований. Была проведена первичная графическая реконструкция периметра чердынских укреплений.

Подводя итог, мы можем выделить историческое и археологическое изучение памятников Верхнего Прикамья периода позднего Средневековья к началу Нового времени.

В дореволюционный период, начиная с XVIII в. по первую треть XIX в. исторические исследования связаны со сбором публикаций источников и их оценкой, а также представлены обобщающими трудами. Между тем, в последней четверти XIX в. отечественная археология окончательно складывается как самостоятельная наука. В данный период изучение фортификационных сооружений вотчин и острожков Верхнего Прикамья содержало в себе поиск, выявление и описание памятников укрепленных поселений и их оборонительных линий.

С последней четверти XIX в. до 80–90 гг. XX в. характерной чертой периода развития отечественной исторической науки оставалось преобладание марксистско–ленинской парадигмы, основным направлением исследовательских вопросов было установление социально-экономического развития городов. Исследования, опиравшиеся на письменные источники, не могли быть полноценными ввиду недостаточной точности содержащейся информации, а также их малой сохранности. Тогда историки стали привлекать археологические накопленные материалы, которые позволили сделать вывод о том, что памятники русского военного-зодчества Прикамья практически не сохранились.

С последней четверти XX в. по настоящее время в исторической науке стала преобладать модернизационная теория, в связи с чем появилась возможность более широко раскрыть общие закономерности и конкретно-исторические сюжеты, в том числе и проанализировать военное дело в отечественной истории с древнейших времен по настоящее время.

К настоящему времени исследования фортификационных сооружений русских поселений в Верхнем Прикамье, в том числе топография и планигра-

фия, строительные материалы, технологии и другие архитектурно-археологические элементы привлекают внимание исследователей, работающих над более глубокой реконструкцией истории территории Пермского Приуралья.

Библиографический список

1. *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821. 314 с.
2. *Вебер М.* Город / пер. Б. Н. Попова; под ред. Н. И. Кареева. П., 1923. 252 с.
3. *Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф.* Строгановский городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 230 с.
4. *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Выпуск 1–8. Пермь, 1889–1902.
5. *Корчагин П. А.* Виртуальная 3D-реконструкция и натурное воссоздание чердынского кремля XVII в.: рабочая модель, Пермь, 2018.
6. *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л.: 1966. 95 с.
7. *Оборин В. А.* Итоги и перспективы археологического изучения Усольского историко-архитектурного комплекса // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья: Материалы всерос. науч. практ. конф. Березники, 1994. С. 11–12.
8. *Рычков Н. П.* Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. 189 с.
9. *Савельев А. И.* Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1883. 201 с.
10. *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. 283 с.
11. *Чагин Г. Н.* Города Перми Великой Чердынь и Соликамс. Пермь, 2003. 256 с.
12. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пермь, 1881–1889. 659 с.
13. *Шмыров В. А.* Города Верхнего Прикамья XV–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1982. 212 с.
14. *Шмыров В. А.* Оборонительные сооружения г. Чердыни XVI–XVII вв. Пермь, 1974.

DEFENSIVE CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE UPPER KAMA REGION (XV–XVII CC.) IN THE EPOCH OF RUSSIAN COLONIZATION: IN THE HISTORICAL LITERATURE

Limonova Maria A.

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia

MALimonova59@yandex.ru

***Abstract.** The article analyzes the works on the study of fortification structures of the Upper Kama region of the XV-XVII centuries. The relevance of this study lies in the fact that by now there is a significant number of publications and studies that require analysis and systematization.*

Since the second half of the XIX century to the theme of studying fortification structures on the territory of the Upper Kama region historians and archaeologists in their research they relied on written sources and archaeological data. Thus we divide the sources into two categories, where the object of history is directly the defensive constructions and where the object is other things, but in the context of the study, one way or another, the defensive constructions are also touched upon. The results of the historiographical review revealed problems in the study of fortifications of the Upper Kama region.

***Key words:** fortifications; Upper Kama region; Russian colonization; Russian settlements; history; archeology.*

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II (ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021–2022 ГГ.)

Можаева Александра Александровна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
aleksakokr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу наконечников гаринской энеолитической культуры. В ходе обобщения результатов анализа коллекций стоянки Чашкинское Озеро II 2021–2022 гг. было выяснено, что для памятника характерно распространение широких, бифасиально обработанных листовидных и пятиугольных форм наконечников с вогнутым либо усеченным основанием. Абсолютное большинство наконечников изготавливалось из кремня с использованием техники бифасиального утончения заготовок. Среди всех экземпляров преобладают изделия с длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см. Изученные формы наконечников находят близкие аналогии в гаринских комплексах как Верхнего, так и Чусовского и Осинского Прикамья. Самой распространенной формой наконечников является листовидная в различных вариациях по оформлению основания. Помимо этого, многочисленны пятиугольные и ромбические изделия. Редко встречаются треугольные, иволистные и черешковые наконечники. Наконечники как одна из ведущих и культурно-определяющих категорий каменных орудий требуют дальнейшего подробного анализа и осмысления.

Ключевые слова: энеолит; гаринская культура; стоянка Чашкинское Озеро II; наконечники; Верхнее Прикамье; Чусовское Прикамье; Осинское Прикамье.

Введение

В энеолитических комплексах Среднего Предуралья особое место занимают памятники гаринской культуры. Она датируется концом IV – началом II тыс. до н. э. [Выборнов и др., 2019, с. 34]. Для гаринской культуры характерны жилища подпрямоугольной формы, соединенные кородирообразными переходами. Посуда представлена полуяйцевидными сосудами, украшенными гребенчатым штампом. Среди каменных орудий распространены наконечники стрел, овальные скребки, ножи саблевидных форм и ножи «с пуговкой», проколки, сверла, резак, оселки, рыболовные грузила, молоты с перехватом, ко-

роткие шлифованные тесла, желобчатые долота, топоры симметричной формы [Бадер, 1961, с. 179–191; Лычагина, 2022б, с. 83–90].

Благодаря исследованиям последних нескольких лет, проведенных под руководством Е.Л. Лычагиной, на территории Верхнего Прикамья были изучены памятники гаринской энеолитической культуры. Стационарными раскопками изучались стоянки Чашкинское Озеро IX [Лычагина, 2020] и Чашкинское Озеро II [Лычагина, 2022а, 2023]. В ходе работ были собраны многочисленные предметы материальной культуры, которые пополнили базу археологических источников по энеолиту Среднего Предуралья, в частности, одной из самых крупных коллекций в Верхнем Прикамье представлены материалы стоянки Чашкинское Озеро II.

При рассмотрении ведущих категорий изделий исследователи обращают свое внимание на каменные наконечники [Можяева, 2023, с. 62–63], которые играли важную роль в жизни древнего населения. В каменной индустрии гаринских комплексов представлены различные наконечники, среди которых выделяются следующие устойчивые типы: листовидные, иволистные, треугольные, ромбические и пятиугольные наконечники.

Не исключением стала и коллекция наконечников, собранная в результате исследований стоянки Чашкинское Озеро II в Верхнем Прикамье. Памятник находится на невысокой (1-2 м) пойменной террасе в 10 км к северо-западу от центра города Березники, в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожного разъезда «9-й км» и в 0,8 км к северу от Бабушкиного хутора на восточном берегу Чашкинского озера [Крыласова и др., 2014, с. 73].

Стационарные раскопки стоянки были проведены в 2021–2022 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством Е. Л. Лычагиной [Лычагина, 2022а, 2023]. В ходе исследований изучалось 2 жилища гаринской энеолитической культуры, соединенные переходом. Раскопками были охвачены очертания жилищ №1-2 и межжилищное пространство (204 м²). В результате была собрана коллекция каменных наконечников, насчитывающая 102 экз.

Данная работа направлена на введение в научный оборот наконечников стоянки Чашкинское Озеро II раскопок 2022 г. и обобщение результатов исследований 2021–2022 гг.

Описание материалов

Источниковой базой исследования послужили наконечники со стоянки Чашкинское Озеро II из раскопок 2021–2022 гг.

В составе наконечников представлено 58 целых форм и 44 фрагмента изделий. Абсолютное большинство наконечников изготавливалось из кремня, но также имеются орудия из окремнелого известняка и халцедона. В качестве заготовок могли применяться отщепы, случайные сколы, отдельные сырьевые плитки, уплощенные гальки. Для изготовления наконечников использовалась техника бифасиального утончения заготовок, при которой снятие сколов и отжим чешуек осуществляется с обеих поверхностей расщепления в направлении от краёв к центру [Тарасов, 2022, с. 227]. Поэтому трудно судить о первоначальной форме заготовки, т.к. при расщеплении она подвергалась значительной переработке. Все изделия оформлялись плоской, сплошной, отжимной бифасиальной ретушью. Размеры целых орудий: 1,8-6,1 x 0,8-1,9 x 0,2-1,0 см. Исключение составляет экземпляр, выполненный на пластине и оформленный краевой двусторонней ретушью. Вероятно, это орудие относится к камской неолитической культуре, небольшой комплекс которой также фиксируется на памятнике [Можяева, Лычагина, 2022, с. 34].

В коллекции 2021 г. (жилище № 1) насчитывается 26 целых орудий и 14 фрагментов изделий [Можяева, Лычагина, 2022, рис. 1–2]. Среди наконечников преобладают наконечники листовидной формы (19 экз.), вторым по количеству типом являются пятиугольные изделия (4 экз.). В единичных экземплярах представлены треугольный, ромбический и иволистный наконечники. Для более чем половины листовидных форм характерны вогнутые либо усеченные основания (11 экз.), остальные изделия представлены с приостренным (5 экз.) либо округлым (3 экз.) основанием. У иволистного и ромбического наконечников отмечено приостренное основание, у треугольного – вогнутое. Для пятиугольной формы более характерно вогнутое основание, в единичном случае представлено усеченное основание.

Коллекция 2022 г. (жилище № 2) представлена 32 целыми наконечниками и 30 обломками изделий. В составе орудий распространены листовидные (18 экз.) формы (рис. 1), вторым по количеству типом являются пятиугольные (11 экз.) наконечники (рис. 2: 1–11). Как и в коллекции жилища № 1 немногочисленны иволистные – 2 экз. (рис. 2: 12–13) и ромбические – 1 экз. (рис. 2: 14) изделия. Треугольная форма наконечников в коллекции не представлена. Среди листовидных форм имеются наконечники с округлым либо приостренным основанием (10 экз.), к остальным орудиям отнесены предметы с вогнутым либо усеченным основанием (8 экз.). Для иволистных и ромбических изделий характерно приостренное основание, в составе пятиугольных наконечников более половины представлено изделиями с вогнутым основанием (7 экз.), у остальных

фиксируется усеченное основание (4 экз.). Среди всех наконечников выделяется один массивный экземпляр, определяемый нами как наконечник копья (рис. 1: 1), он относится к листовидной форме с приостренным основанием.

В результате анализа коллекций каменных наконечников жилищ № 1 и № 2 было выяснено, что орудия аналогичны и не имеют кардинальных различий.

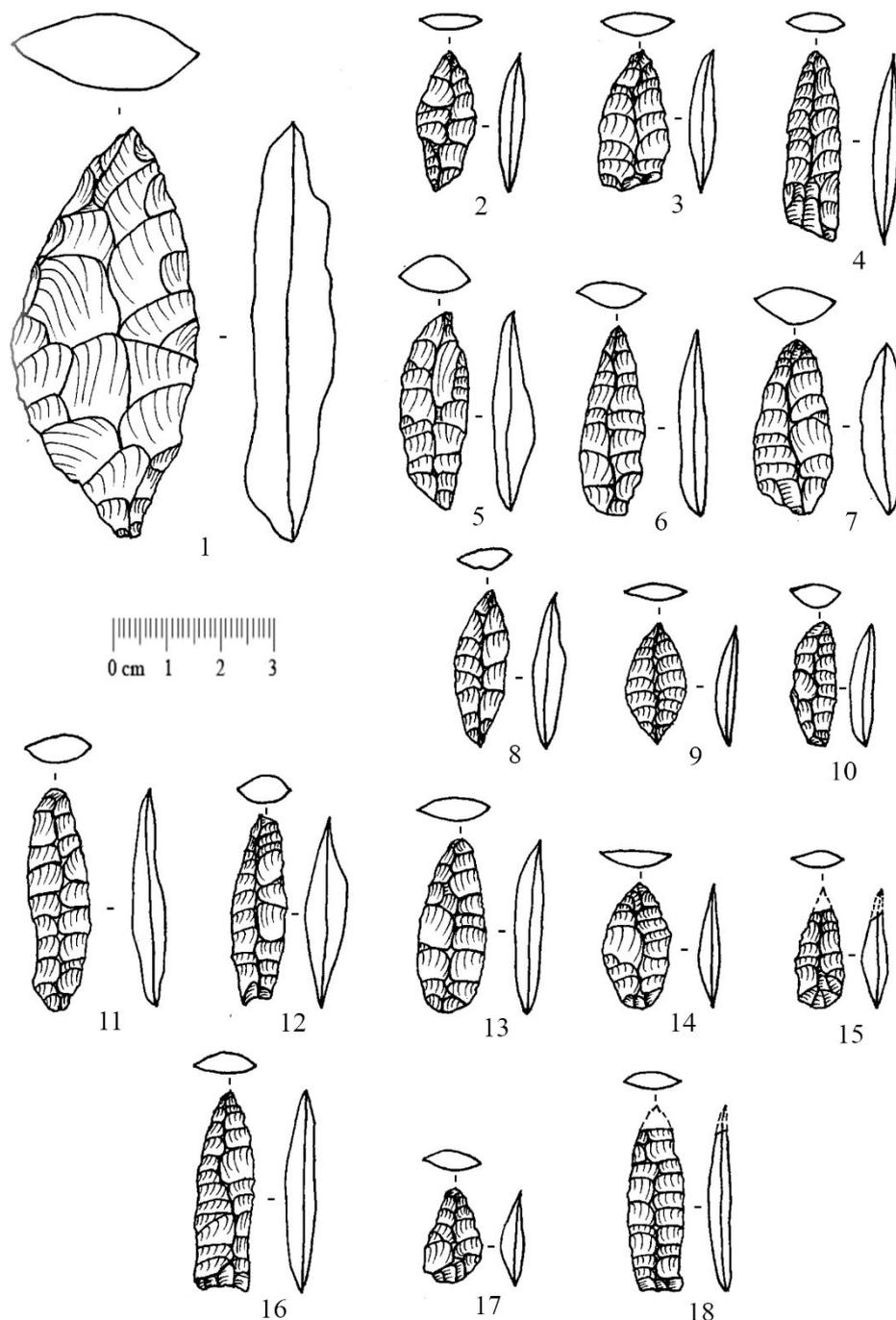

Рис. 1. Наконечники листовидной формы. Стоянка Чашкинское Озеро II (2022 г.)

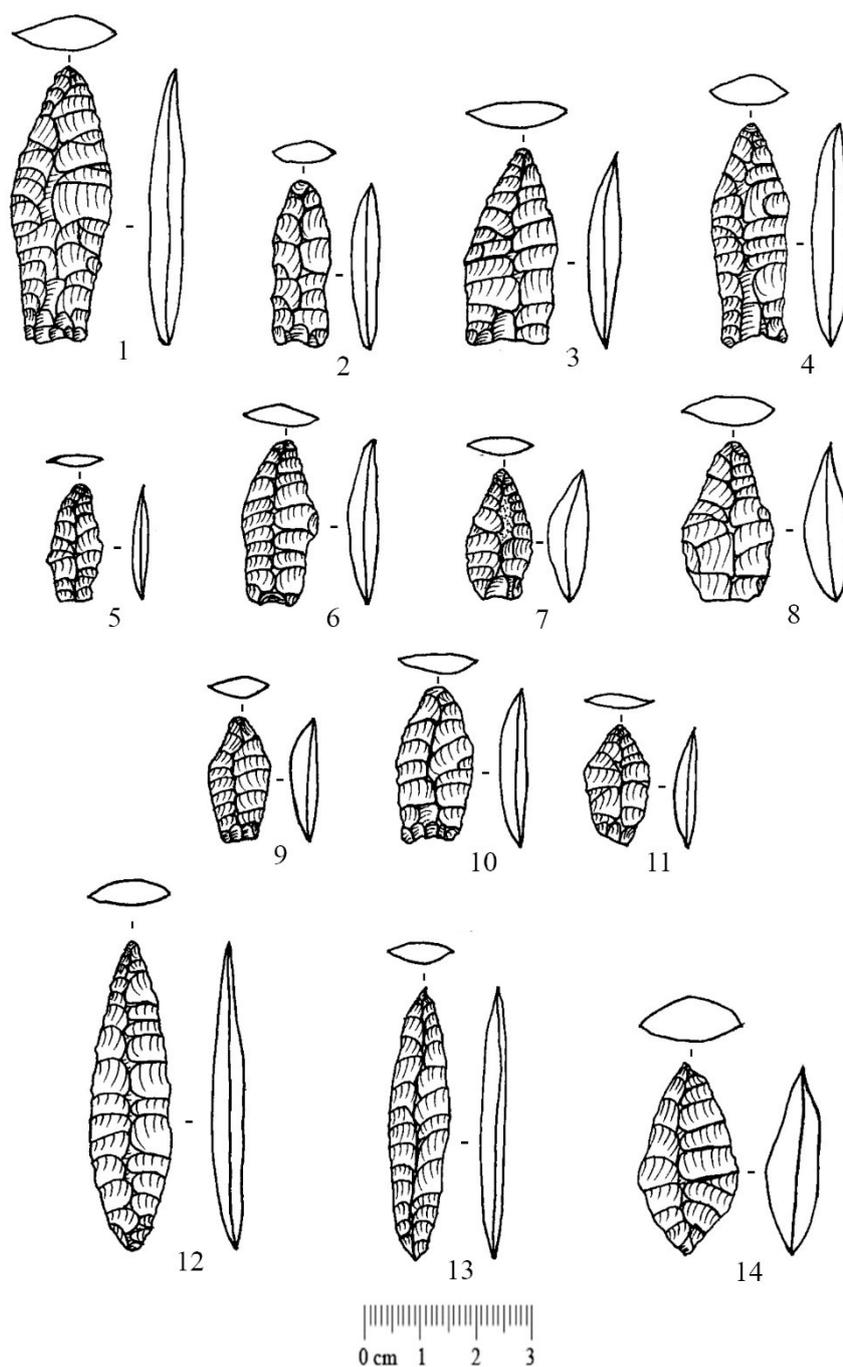

Рис. 2. Наконечники (1–11 – пятиугольные, 12–13 – иволистные, 14 – ромбический).
 Стоянка Чашкинское Озеро II (2022 г.)

Обсуждение результатов

Наконечники со стоянки Чашкинское Озеро II изготавливались из кремня сургучных (в основном) оттенков с использованием техники бифасиального утончения заготовок. Во вторичной обработке господствует сплошная, плоская, отжимная, бифасиальная ретушь. В составе наконечников преобладают листовидные и пятиугольные формы с вогнутым либо усеченным основанием. Но стоит заметить, что в составе листовидных форм наконечники с округлым и

приостренным основанием представлены наравне с наконечниками с вогнутым и усеченным основанием. Не распространены иволистные, треугольные и ромбические изделия (рис. 3). Большинство орудий составляют широкие изделия, среди которых распространены наконечники с длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см. Изученные формы орудий типичны для гаринской энеолитической культуры Среднего Предуралья. На основе их анализа нами была разработана и успешно применена типология для изучения наконечников эпохи энеолита [Можжаева, Лычагина, 2022, с. 30–37].

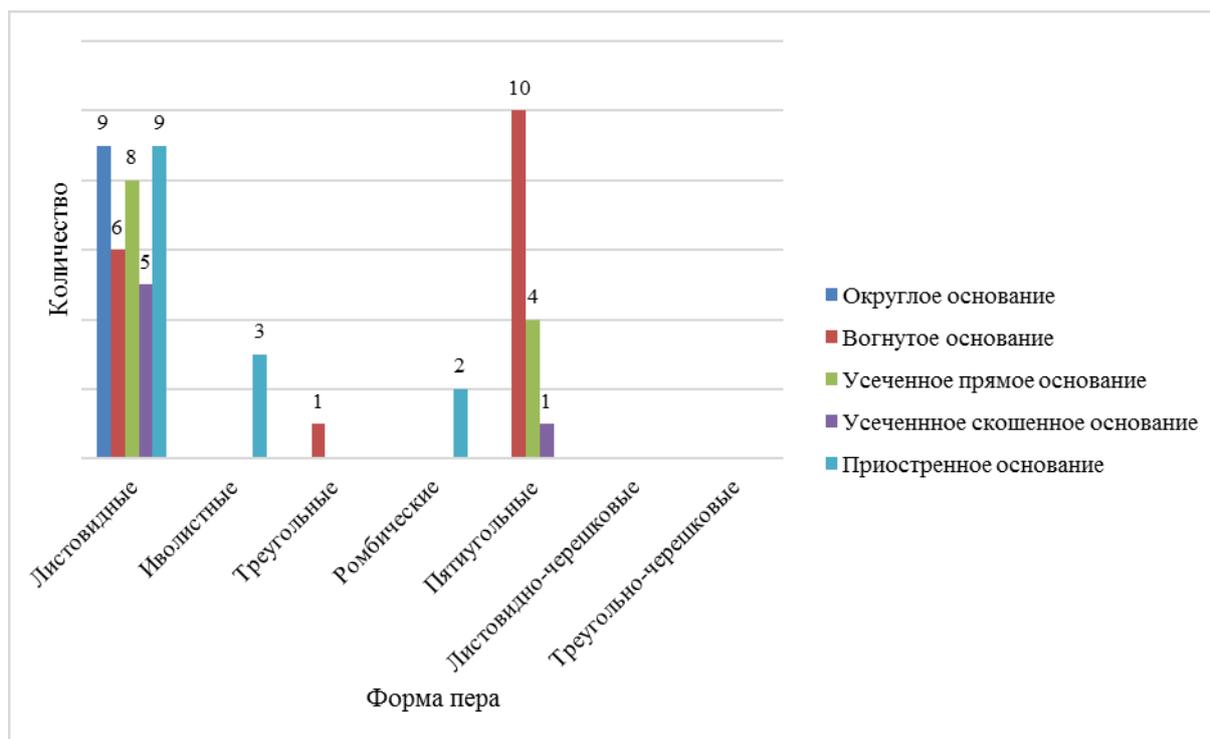

Рис. 3. Количественное соотношение типов наконечников, найденных на стоянке Чашкинское Озеро II (2021–2022 гг.)

Подобные формы наконечников можно встретить в коллекциях гаринских комплексов Верхнего, Чусовского и Осинского Прикамья. В Верхнем Прикамье к таковым относится стоянка Чашкинское Озеро IX, расположенная (как и стоянка Чашкинское Озеро II) на территории микрорегиона Чашкинское озеро. С территории Чусовского Прикамья нами были рассмотрены коллекции наконечников с поселений Бор I, Боровое Озеро II, Боровое Озеро III и Базов Бор; Осинского Прикамья – Новоильинское III, Красное плотбище, Ольховское, Бойцовское IV, Тюремка I, Бойцовское VI, Бойцовское VII, Камский Бор II, Забойное II, Бойцовское I, Нижне-Раздорная, Ольховско-Первомайская, Камский Бор I, Бойцовское III, Кама-Жулановское II, Тюремка II. Остановимся на них подробнее.

Стоянка Чашкинское Озеро IX (Верхнее Прикамье):

В выборку включено 19 экз. целых форм наконечников (рис. 4). Среди изделий распространены листовидные формы с вогнутым и усеченным основанием. В равном количестве представлены треугольные изделия с вогнутым основанием и пятиугольные орудия с вогнутым либо усеченным основанием. Единичен наконечник ромбической формы с приостренным основанием.

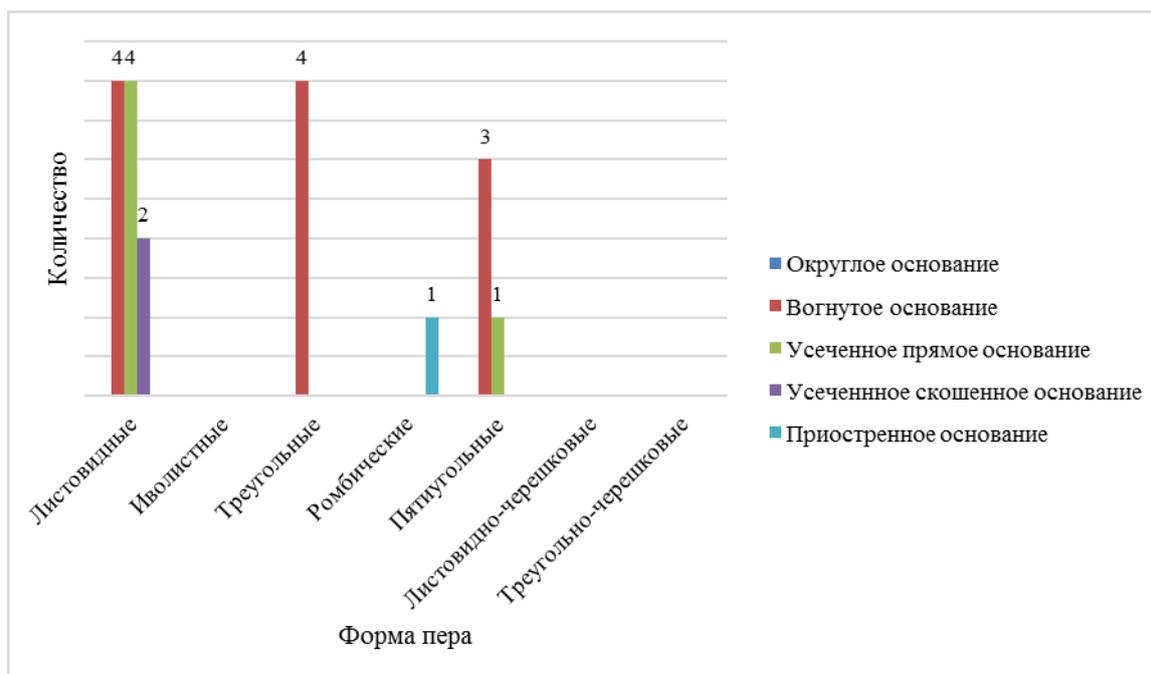

Рис. 4. Количественное соотношение типов наконечников, найденных на стоянке Чашкинское Озеро IX

Сравнительный анализ материалов стоянок Чашкинское Озеро IX и Чашкинское Озеро II показал следующее: на каждом из памятников преобладают наконечники листовидной формы; единичны орудия иволистных и ромбических форм. В коллекции стоянки Чашкинское Озеро II второй распространенной формой наконечников становится пятиугольная, в то время как для стоянки Чашкинское Озеро IX – пятиугольная наряду с треугольной формой орудий. Количество треугольных наконечников с вогнутым основанием заметно увеличивается в коллекции стоянки Чашкинское Озеро IX. Стоит заметить, в коллекции стоянки Чашкинское Озеро IX практически отсутствуют орудия с округлым или приостренным основанием, в то время как в составе листовидных, ромбических и иволистных наконечников стоянки Чашкинское Озеро II такие изделия распространены наравне с изделиями с вогнутым и усеченным основанием.

Поселения Чусовского Прикамья:

С памятников Бор I, Боровое Озеро II, Боровое Озеро III и Базов Бор нами было рассмотрено 157 экз. целых форм (рис. 5). В составе наконечников более половины изделий представлено листовидными формами с вогнутым и усеченным основанием, также многочисленны орудия с округлым основанием. Вторым по количеству типом являются пятиугольные наконечники с вогнутым либо усеченным основанием. Более 10% наконечников составляют ромбические формы с приостренным и округлым основанием. Менее представлены иволистные изделия, незначительное количество орудий составляют треугольные и черешковые наконечники.

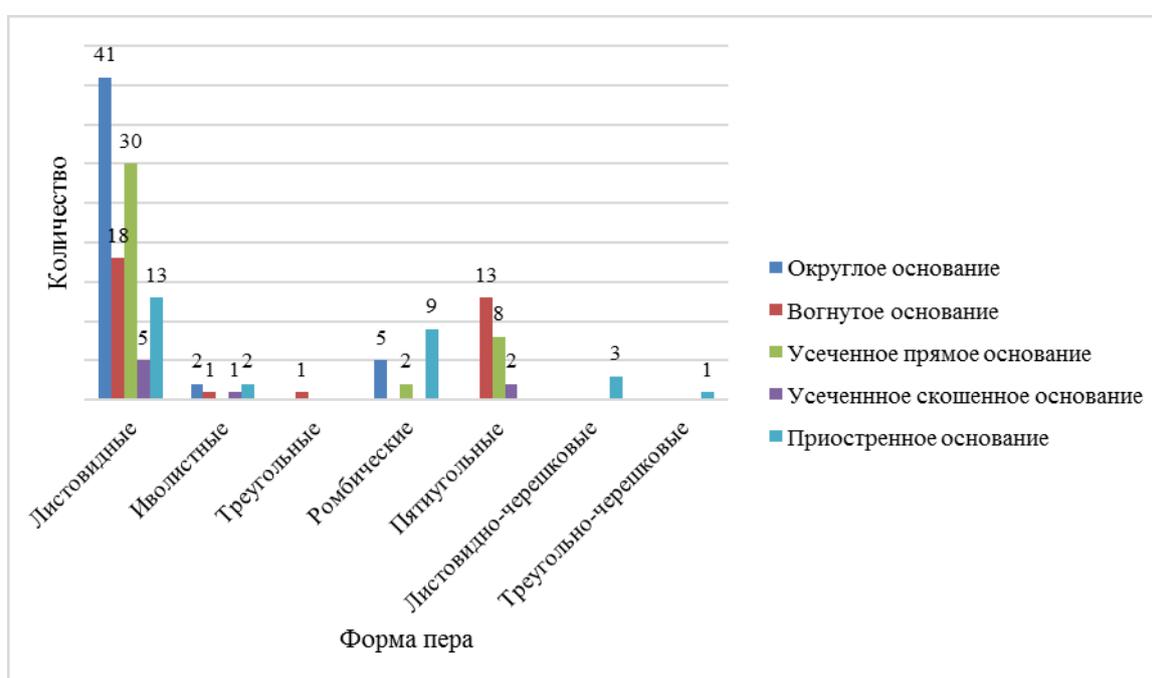

Рис. 5. Количественное соотношение типов наконечников, найденных на памятниках Чусовского Прикамья

Сравнивая наконечники стоянки Чашкинское Озеро II и поселений Чусовского Прикамья, можем отметить, что в обоих случаях наблюдаются аналогичные ситуации: количественно преобладают листовидные формы наконечников в различных вариациях оформления основания; вторым по количеству типом становятся изделия пятиугольных форм с вогнутым и усеченным основанием; незначительно количество иволистных и треугольных наконечников. Отличия проявляются в появлении в коллекциях памятников Чусовского Прикамья черешковых наконечников и заметном увеличении ромбических форм изделий, чего не было отмечено в материалах стоянки Чашкинское Озеро II.

Поселения Осинского Прикамья:

С памятников Красное плотбище, Новоильинское III, Ольховское, Бойцовское IV, Тюремка I, Бойцовское VI, Бойцовское VII, Камский Бор II, Забойное II, Бойцовское I, Нижне-Раздорная, Ольховско-Первомайская, Камский Бор I, Бойцовское III, Кама-Жулановское II, Тюремка II было изучено 154 экз. целых формы изделий (рис. 6). В общем числе наконечников больше половины относятся к листовидным с округлым и приостренным основанием, помимо этого, многочисленны орудия с усеченным и вогнутым основанием. Ромбические и пятиугольные наконечники представлены в равных долях и по количеству идут после листовидных. Для пятиугольных форм характерно усеченное либо вогнутое основание, для ромбических – приостренное либо округлое. Треугольные наконечники с усеченным либо вогнутым основанием составляют 6,5% от общего количества изделий. Редко встречаются иволистные и черешковые орудия с приостренным либо усеченным прямым основанием.

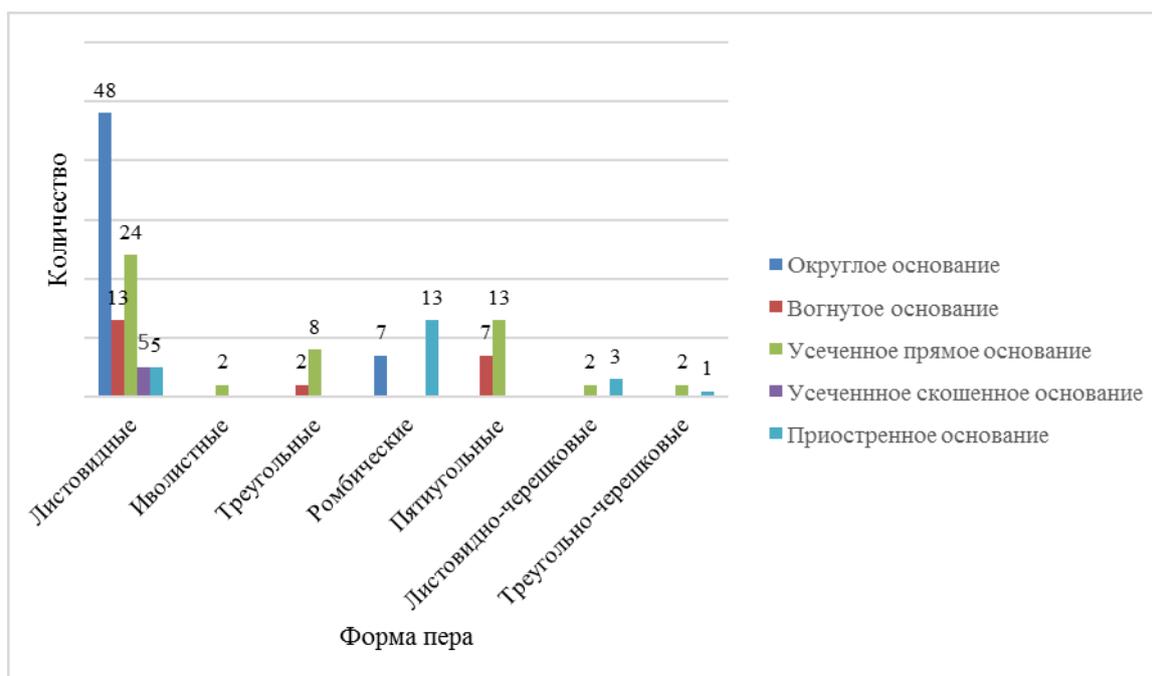

Рис. 6. Количественное соотношение типов наконечников, найденных на памятниках Осинского Прикамья

В результате сравнения коллекций наконечников стоянки Чашкинское Озеро II и памятников с территории Осинского Прикамья было выявлено, что сходства проявляются в преобладании листовидных форм орудий с различными вариантами оснований и незначительном количестве иволистных форм наконечников. В отличие от стоянки Чашкинское Озеро II, в коллекциях наконечников с поселений Осинского Прикамья появляются черешковые формы изделий; увеличивается количество треугольных наконечников; на втором по количеству месте находятся и пятиугольные, и ромбические формы изделий.

Подводя итоги проведенному анализу, следует отметить, что аналогии наконечникам стоянки Чашкинское Озеро II имеются в коллекциях гаринских комплексов на территории всего Среднего Предуралья. Наибольшее сходство (по критерию количественного соотношения каждого из типов наконечников) было зафиксировано с наконечниками из коллекций поселений Чусовского Прикамья. Стоит подчеркнуть, что метрические показатели, характер вторичной обработки и используемое минеральное сырье совпадают у всех рассмотренных изделий. Весомых отличий в этом плане у наконечников не наблюдается.

Заключение

Наконечники со стоянки Чашкинское Озеро II являются одной из ведущих категорий орудий в коллекции каменного инвентаря памятника. Среди них выделяются устойчивые формы изделий (листовидные, иволистные, треугольные, ромбические и пятиугольные), которые можно использовать в качестве культурных и хронологических маркеров. Рассмотренные формы орудий типичны для гаринской энеолитической культуры.

Коллекция каменных наконечников стоянки Чашкинское Озеро II на данный момент является самой представительной из изученных коллекций памятников гаринской культуры Верхнего Прикамья. В результате анализа изделий со стоянки Чашкинское Озеро IX и Чашкинское Озеро II мы можем выделить следующие характерные черты гаринских наконечников Верхнего Прикамья: превалирование листовидных и пятиугольных форм изделий; незначительное число треугольных наконечников; редки иволистные и ромбические орудия.

Несмотря на наличие большого количества черт сходств наконечников из комплексов как Верхнего, так и Чусовского и Осинского Прикамья, имеются и различия. Данные признаки предоставляют возможность выделить отличительные черты наконечников каждой из локальных территорий, что позволяет рассмотреть специфику территориального распространения каждого из типов. Это дает нам «пищу» для новых размышлений. В частности, интересны вопросы преобладания наконечников листовидной формы в материалах энеолитических памятников региона; распространения наконечников треугольной и черешковых форм на локальных территориях; соотношения орудий с вогнутым/усеченным и округлым/приостренным основанием; появления пятиугольной формы наконечников на территории Среднего Предуралья и многие другие вопросы, требующие поиска ответов.

В энеолитических комплексах Среднего Поволжья [*Королев, Ставицкий, 2021а, с. 92, 102; 2021б, с. 50*], устья Камы [*Чижевский, Шипилов, 2021, с. 146*],

Волго-Вятского междуречья [Никитин, 2021, с. 173–175], Европейского Северо-Востока [Карманов, Косинская, 2021а, с. 230; 2021б, с. 247], Южного Зауралья [Мосин, 2004, с. 84], Камско-Вятского междуречья [Наговицин, 1984, с. 106, 110] так же как и в Среднем Предуралье распространение получает листовидная форма наконечников. Но стоит заметить, что реже встречаются ромбические, треугольные, иволистные и черешковые формы. Пятиугольная форма наконечников не упоминается. Именно поэтому для решения вышеупомянутых вопросов особое значение имеет поиск аналогий среди энеолитических комплексов сопредельных территорий.

На данный момент необходимо расширение базы источников по энеолитическим наконечникам с памятников Среднего Предуралья. Это позволит по-новому взглянуть на вопрос территориального распространения различных форм наконечников, что в свою очередь поможет в решении вопросов их происхождения, культурной и хронологической атрибуции.

Библиографический список

1. Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. № 99. М.; Л.: АН СССР, 1961. 200 с.
2. Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Васильева И. Н., Мельничук А. Ф., Кулькова М. А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1. С. 34–47.
3. Карманов В. Н., Косинская Л. Л. Чойновтинская культура // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021а. С. 222–235.
4. Карманов В. Н., Косинская Л. Л. Чужьяельская культура на Европейском Северо-Востоке // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021б. С. 236–249.
5. Королев А. И., Ставицкий В. В. Памятники лебязинского типа // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021а. С. 83–105.
6. Королев А. И., Ставицкий В. В. Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021б. С. 40–60.
7. Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2014. 565 с.

8. *Лычагина Е. Л.* Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро IX в городском округе г. Березники Пермского края в 2019 году. Пермь, 2020. Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
9. *Лычагина Е. Л.* Отчет о раскопках стоянки Чашкинское Озеро II в муниципальном образовании г. Березники Пермского края в 2021 году по открытому листу 0465-2021. Пермь, 2022а. Архив МАЭ ПГГПУ.
10. *Лычагина Е. Л.* Отчет о раскопках стоянки Чашкинское Озеро II в муниципальном образовании г. Березники Пермского края в 2022 году по открытому листу 1069-2022. Пермь, 2023. Архив МАЭ ПГГПУ.
11. *Лычагина Е. Л.* Энеолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие / А. М. Белавин [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. Н. Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2022б. С. 75–98.
12. *Можяева А.А.* Наконечники гаринской энеолитической культуры // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 62–63.
13. *Можяева А. А., Лычагина Е. Л.* Типология каменных наконечников стрел стоянки Чашкинское Озеро II // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья: науч. журн. Вып. XII. Пермь: Изд-во ПГГПУ 2022. С. 30–37.
14. *Мосин В. С.* Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2(18). С. 79–91.
15. *Наговицин Л. А.* Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: Изд-во АН СССР УО Удмурт. ИЯЛИ, 1984. С. 89–123.
16. *Никитин В.В.* Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура) // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 164–186.
17. *Тарасов А. Ю.* Материальное производство и обмен в Северо-Восточной Европе периода позднего неолита/энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа): дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 Археология. СПб., 2022. 774 с.
18. *Чижевский А. А., Шитлов А. В.* Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 140–163.

**STONE ARROWS OF THE GARINSKAYA CULTURE
FROM THE CHASHKINSKOE LAKE II SITE
(GENERALIZATION OF RESEARCH RESULTS 2021-2022)**

Mozhaeva Aleksandra A.

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia,
aleksakokr@mail.ru

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the arrows of the Garinskaya Chalcolithic culture. In the course of summarizing the results of the analysis of the collections of the Chashkinskoe Lake II site of 2021-2022, it was found out that the site is characterized by the spread of wide, bifacially processed leaf-shaped and pentagonal tip shapes with a concave or truncated base. The absolute majority of the arrows were made of flint using the technique of bifacial thinning of blanks. Among all specimens, products with a length of up to 3.5 cm, a width of up to 1.5 cm and a thickness of up to 0.4 cm prevail. The studied tip shapes find close analogies in the Garin complexes of both the Upper and Chusovsky and Osinsky Kama regions. The most common form of arrows is leaf-shaped in various variations on the processing of the tip base. In addition, pentagonal and rhombic products are numerous. Triangular, willow-leaved and petiolate arrows are rare. Arrows as one of the leading and culturally defining categories of stone tools require further detailed analysis and reflection.*

***Key words:** Chalcolithic; Garinskaya culture; Chashkinskoe Lake II site; arrows; Upper Kama region; Chusovskoe Kama region; Osinskoe Kama region.*

ПРИЧИНЫ СМЕНЫ ОРИЕНТИРОВКИ ПОГРЕБЕНИЙ У УДМУРТОВ, КОМИ, КОМИ-ПЕРМЯКОВ, СЕЛЬКУПОВ, МАНСИ И ХАНТОВ

Назаров Артём Алексеевич
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
nazarovartem454@gmail.com

***Аннотация.** В статье представлен подробный анализ изменения ориентировки погребений и других элементов погребального обряда у народов финно–угорской языковой группы: удмуртов, коми-пермяков, коми, селькупов, хантов и манси. Сделаны выводы о связи ориентировки погребения с другими компонентами обряда погребения, трансформации погребального обряда вследствие принятия русских и тюркских традиций, но специфическом характере рецепции чужих погребальных традиций для каждого из народов.*

***Ключевые слова:** погребальный обряд; финно–угры; археология; этнография; ориентировка погребений.*

Актуальность работы заключается в том, что погребальный обряд отражает культурные особенности населения, поскольку он достаточно консервативен, и каждый его элемент имеет определенное значение. Поэтому для нас интересны причины смены такой важной части погребального обряда как ориентировка погребений.

Исследовательский вопрос: какие факторы влияли на смену элементов погребального обряда и ориентировки погребений?

Цель исследования – выделить причины смены ориентировки погребений у удмуртов, селькупов и манси.

В работе были использованы следующие методы – историко-генетический, позволяющий проследить трансформацию погребального обряда в рамках одного народа, и историко-сравнительный, примененный при сопоставлении причин изменения ориентации погребений у разных народов.

Работа представляет собой комплексное историческое исследование, в котором вопрос факторов, влиявших на смену ориентировки погребений у рас-

сма­три­вае­мых на­ро­дов, был изу­чен с по­мо­щью дан­ных ар­хе­о­ло­гии и эт­но­гра­фии, что по­зво­ли­ло в пол­ной ме­ре вы­де­лить при­чи­ны э­ти­х из­ме­не­ний.

В ис­сле­до­ва­нии в ка­че­стве ис­точ­ни­ков ис­поль­зо­ва­лись ста­тьи и мо­но­гра­фии по эт­но­гра­фии и ар­хе­о­ло­гии. В ос­нов­ном мы опи­ра­ем­ся на эт­но­гра­фиче­ские ис­точ­ни­ки, од­на­ко нам не­об­хо­ди­мо при­влечь и ар­хе­о­ло­гиче­ские пуб­ли­ка­ции при рас­смот­ре­нии при­чин с­ме­ны тра­ди­ции по­гре­бе­ния у сель­ку­пов, по­сколь­ку их кон­так­ты с тюрк­ским на­се­ле­ни­ем на­чи­на­ют про­ис­хо­дить е­ще с XIV в. Ста­тьи и мо­но­гра­фии вы­сту­па­ют как ис­точ­ни­ки, со­дер­жа­щие ин­фор­ма­цию об ори­ен­та­ции по­гре­бе­ний, а не ли­те­ра­ту­ра, так как мы ис­поль­зуем ин­фор­ма­цию, а не ин­тер­пре­та­ции.

В ис­сле­до­ва­нии рас­смот­ри­ва­ет­ся во­прос с­ме­ны ори­ен­ти­ро­в­ки по­гре­бе­ний у та­ких на­ро­дов как уд­мур­ты, ко­ми-пер­мя­ки, ко­ми, сель­ку­пы, ман­си и хан­ты. Э­ти на­ро­ды были вы­браны на­ми, по­сколь­ку е­сть опи­са­ние тра­ди­ци­он­ных для них об­ря­дов, что свя­за­но ли­бо с позд­ней с­ме­ной по­гре­ба­ль­но­го об­ря­да, ли­бо с со­хра­не­ни­ем э­то­го по­гре­ба­ль­но­го об­ря­да у ча­сти эт­но­сов в на­ше вре­мя.

Уд­мур­ты про­жи­ва­ют в ос­нов­ном в ме­ждуречье Ка­мы и Вят­ки на тер­ри­то­рии Уд­мурт­ской ре­спуб­ли­ки. Вы­де­ля­ют две груп­пы уд­мурт­ско­го на­ро­да: се­вер­ных уд­мур­тов (ват­ка) и юж­ных (кал­мез). Се­вер­ные и юж­ные уд­мур­ты раз­ли­ча­ют­ся ди­алек­та­ми, куль­ту­рой, не­ко­то­ры­ми осо­бен­но­стя­ми куль­ту­ры и бы­та, од­на­ко раз­ли­чия э­ти не­ве­ли­ки [*Жу­ков­ская, Мо­ки­шин, 1998, с. 89*].

В сред­не­ве­ко­вом по­гре­ба­ль­ном об­ря­де уд­мур­тов нет еди­ной ори­ен­та­ции по­гре­бе­ний. На каж­дом мо­ги­ль­ни­ке при­сут­ствует своя го­спод­ст­вую­щая ори­ен­ти­ро­в­ка. В на­ча­ле II тыс. н.э. скла­ды­ва­ет­ся еди­ный об­ря­д ори­ен­та­ции по­кой­но­го го­ло­вой на се­вер, бы­то­ва­вший и в по­сле­дую­щее вре­мя на про­тя­же­нии XVI–XVIII вв. По­гре­ба­ль­ный об­ря­д, су­ще­ст­во­ва­вший в э­то вре­мя, пред­став­ля­ет со­бой грун­то­вые за­хо­ронения, со­вер­шен­ные по об­ря­ду ин­гу­ма­ции в мо­ги­лах пря­мо­уголь­ной фор­мы с за­круг­лен­ны­ми уг­ла­ми глу­би­ной 30–80 см от со­вре­мен­ной по­верх­но­сти зем­ли. Юж­ные уд­мур­ты пе­ре­кры­ва­ли гроб дос­ка­ми и вы­ка­пы­ва­ли в за­хо­ронении не­боль­шую ни­шу, пред­по­ложитель­но для раз­ме­щения жер­твен­ной е­ды. Дли­на по­гре­бе­ния за­ви­се­ла от роста по­гре­бен­но­го; не­льзя бы­ло ко­пать слиш­ком ко­рот­кие мо­ги­лы, по­сколь­ку счи­та­лось, что дом по­кой­но­го дол­жен быть про­стор­ным. Над по­гре­бе­нием со­ору­жа­ли не­боль­шую на­сыпь и ус­та­нав­ли­ва­ли стол­бик. Ха­рак­тер­ны за­хо­ронения в сру­бах, гробах, коло­дах, рас­про­странен обы­чай обер­ты­ва­ния по­кой­но­го бе­ре­стой. Ино­гда гроб во­обще мог от­сут­ст­во­вать: что ча­сть груп­п уд­мур­тов счи­та­ют до­мом по­кой­но­го гроб, а ча­сть – мо­ги­ль­ную яму.

Сопроводительный инвентарь в женских погребениях состоит из монет, остатков костюма и головного убора и бытовых вещей, в мужских – бытовых вещей, орудий труда и охоты, поясного набора и редких украшений, в детских – монет и некоторых бытовых предметов, зависящих от пола ребенка [Шутова, 1992, с. 55–79].

В XIX–XX вв. по мере распространения у удмуртов христианства ориентировка погребений у северных удмуртов меняется на восточную, чтобы умерший лицевым отделом был обращен на запад (на закат солнца) или западную, чтобы умерший лицевым отделом был обращен на восток (на восход солнца).

У южных удмуртов продолжает оставаться господствующей северная ориентация погребений, но восточная и западная также получают распространение. Над христианскими погребениями в ногах устанавливались кресты, а не столбики. Остаются грунтовые ингумации, однако их глубина увеличивается до 1,5 м.

Примечательно, что многие традиции удмуртов продолжали сохраняться и после их христианизации, например, обычай оставлять сопроводительный инвентарь. Так, в XIX веке в могилу мужчинам и женщинам клали бытовые предметы, детям игрушки юношам и девушкам – одежду и монеты, а во второй половине XX в. – вещи, которыми умерший пользовался при жизни – расчески, наперстки, чайные ложки, любимые книги, тетради и карандаши. С христианизацией распространяется обряд погребения в колоде или гробу, но береста рол-должала применяться – теперь на ней омывают покойного [Шутова, 2001]. Христианские каноны погребального обряда предусматривают захоронение в гробу, из вещей в гроб полагается класть лишь крест и икону. Однако обычай омовения покойного строго не регламентирован [Минвалеев, 2019].

Коми-пермяки живут в бассейне Верхней Камы и по ее притокам: рекам Иньве, Косе и т.др. [Жуковская, Мокишин, 1998, с. 51].

У северной группы коми-пермяков, лупьинцев, распространены погребения в колодах, согласно этнографическим исследованиям, олицетворяющих долбленые лодки, на которых умершие попадают в мир мертвых. Колоды, как правило, изготавливались из кедра или осины. С принятием христианства часть традиционных обрядов изменилась: вместо долбленых колод появляются дощатые гробы, которые заворачиваются в бересту и полати, сделанные по русскому образцу, также появляется обряд выкупа земли. Однако даже у христиан коми-пермяков остается обычай класть в могилу сопроводительный инвентарь: в основном, вещи, которыми покойный пользовался при жизни [Подюков, 2019].

У иньвенских коми-пермяков, живущих южнее, этнографами начала XX в. фиксировался переход к русской христианской обрядности, в частности, распространился обычай откупа земли. Однако элементы традиционного погребального обряда также присутствовали: иньвенские коми-пермяки у могилы оставляли погребальный инвентарь, как правило, сани, на которых покойного привозили на кладбище. В.П. Налимов, однако, считает, что в этом случае сани оставляли для того, чтобы покойный не мог вернуться обратно или увести кого-то из родственников [Чагин, 2001]. Часть компонентов погребального обряда, например, северная ориентировка погребений, фиксирующаяся по археологическим материалам, у иньвенских коми-пермяков осталась в виде суеверий. Еще в начале XX века у них бытовало суеверие о том, что если на выгоне скота животное лежит головой на север, то в скором времени оно должно околоть [Оборин, 1970, с. 8].

Коми-зыряне живут на территории современной Республики Коми в районе рек Вычегды и Печоры, в Заволочье [Жуковская, Мокшин, 1998, с. 51].

Традиционный погребальный обряд коми схож с традициями северных коми-пермяков; существовало единственное отличие ориентировки погребений – ориентация относительно водоема, что отражало их восприятие реки как пути в загробный мир. Даже после христианизации коми оставляли покойным погребальный инвентарь: чаще всего вещи, использовавшиеся при жизни. В этнографии фиксируется особая роль некоторых из них. В частности, кремь предназначался покойным для того, чтобы они могли осветить себе дорогу в загробный мир [Королев, 2000].

Селькупы делятся на две этнические группы – северные и южные. Северные (тазовские и туруханские) селькупы живут на верхнем и среднем течении р. Таз и в бассейне р. Турухан. Южные (нарымские) селькупы живут на территории, расположенной по средней Оби и ее притокам [Тучкова, 2020].

В селькупской погребальной традиции в XII – первой половине XIV в. умерших хоронили с ориентацией ногами вниз по течению реки, в могиле обязательно присутствовала глиняная посуда; покойный находился в дощатом ящике, перекрытом плахами, также встречаются захоронения в лодках [Степанова, 2015, с. 166].

С конца XVI – начала XVII в. прослеживается тюркское влияние, связанное с изменением ориентировки погребений на юго-юго-восточную, сохранение которой фиксируется вплоть до XIX в. В связи с влиянием тюркских народов также появляются обычай обжига погребальной площадки, традиции порчи инвентаря, кремации, совершенные на территории могильника, и на стороне захоронения в одноактных курганах погребальные сооружения в виде рамы-

обкладки, но исчезает обычай оставлять глиняную посуду в погребениях. Проникновение тюркских погребальных элементов, вероятно, произошло из-за взаимодействия в это время селькупов с тюркизированными кетами, продвинувшимися в бассейн Среднего Чулыма [Боброва и др., 2016, с. 40–55]. Тюркские народы Сибири продолжают класть в могилу умершим сопроводительный инвентарь: посуду, личные вещи, курительные принадлежности. Прослеживается намеренная порча инвентаря. Культ огня фиксируется и сейчас в тюркском традиционном обряде. Алтайцы, тувинцы и хакасы «очищаются огнем» после похорон (окуривают одежду дымом), обжигают и личные вещи покойного, разводят костер на кладбище для совершения обряда «кормления покойного» [Дашковский, Серегин, 2009].

Манси делились на несколько территориальных групп. Западные манси жили по рекам Вишера, Пелым, Сосьва, часть Лозьвы и занимали территорию Среднего Урала. Южные манси проживали по рекам Тура и Тавда. Сегодня можно выделить две группы манси: северные, которые живут по р. Северная Сосьва и верховьям Лозьвы, и восточные, которые расселились на р. Конда с притоками [Попова, 2016, с. 38–39].

Для погребального обряда северных манси характерна ориентация погребений к костру, куда родственники собираются на поминки. Для восточных манси при ориентировке умерших важно занятие человека при жизни: охотников и оленеводов хоронят головой на север, а рыболовов – на юг [Федорова, 2009, с. 366–369]. Традиционный погребальный обряд манси связан с захоронением покойного в гробу, колоде или лодке, был распространен обряд погребения без гроба в конструкции наподобие землянки, часть манси до сих пор хоронит покойных, заворачивая их в бересту. Манси, принявшие христианство, в бересту заворачивают гроб. В это время бытовал обычай оставлять намеренно испорченный погребальный инвентарь. Все вещи должны принадлежать покойному. Для манси характерен обряд грунтового и наземного погребения. Причем даже в грунтовом погребении яма должна быть неглубокой. Распространена была и моховая подстилка, фиксирующаяся не только в наземных, но и грунтовых захоронениях [Кулемзин и др., 1994, с. 366–369].

С приходом русского населения манси начинают отходить от традиционного уклада и к XIX в. переходят из ясачного населения в крестьянское. Южные манси в XVIII в. ассимилируются татарами, а в начале XX в. – русскими. Часть западных и южных манси ушли на север и вошли в состав хантыйского и северо-мансийского этносов. В связи с полной ассимиляцией этих этносов они принимают полностью тюркскую и христианскую погребальные традиции:

одиночные грунтовые захоронения, отсутствие погребального инвентаря и западную ориентировку погребений [Попова, 2016, с. 39–43].

Современные ханты расселены в бассейне Средней и Нижней Оби. Можно выделить северных, южных и восточных хантов [Мартынова, 2000, с. 34–96]. Хантыйский погребальный обряд очень схож с мансийским, здесь также прослеживаются наземные захоронения, сооружения домиков мертвых, однако все же определенное различие в традициях этих народов имеется. У хантов обычай порчи погребального инвентаря зависит от того, куда кладут определенную вещь. Если ее опускают в могилу – нижний мир, – то вещь ломают для того, чтобы умерший смог ей воспользоваться после смерти. Если же вещь оставляют около могилы, то ее не ломают, так как она продолжает оставаться в среднем мире [Кулемзин и др., с. 377]. Современные ханты ориентируют свои погребения к объектам на кладбище, в частности, к тропинкам, по которым к умершим приходят живые родственники [Федорова, 2007, с. 74].

Ханты, как и манси, подверглись русскому влиянию, изменившему их традиционный погребальный обряд. Так, наземный обряд погребения сменился грунтовым, оставшись в неизменном виде лишь у периферийных групп северных хантов [Федорова, 2007, с. 203]. У хантов пропадают традиционные для них захоронения в лодках, берестяных куженьках и лосиных шкурах, но распространяются в гробах, которые зачастую оборачиваются берестой, либо помещаются в погребении под берестяным настилом. Очень устойчив у хантов обычай оставлять погребальный инвентарь, фиксированный этнографами на протяжении всего XX в. Причем набор вещей, которые ханты оставляют у могилы, не меняется – это нарты, лыжи, лодка, весло [Кулемзин и др., 1994, с. 366–374].

Таким образом, мы видим, что смена погребальной обрядности у разных народов проходила неодинаково. Для удмуртов и коми характерна рецепция христианства и некоторых христианских традиций при сохранении части своих обычаев. У селькупов фиксируется сохранение традиционных верований, но в то же время заимствование части компонентов тюркского погребального обряда. Ханты при сохранении традиционных верований заимствуют некоторые христианские традиции. Западные и южные манси же были полностью ассимилированы и поменяли свою этническую идентичность.

Мы видим, что смена ориентировки погребений во всех случаях связана с восприятием традиций другого народа, с которым идет непосредственное взаимодействие и изменением других компонентов погребального обряда. Стоит отметить особенно устойчивые компоненты погребального обряда: обычай класть в могилу либо оставлять рядом с ней сопроводительный инвентарь и со-

хранение бересты в тех компонентах погребального обряда, которые в христианском каноне строго не регламентированы.

Библиографический список

1. *Боброва А. И., Рыкун М. П., Тучков А. Г., Чернова И. В.* Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2016. 278 с.
2. *Дашковский П. К., Серегин Н. Н.* Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2524> (дата обращения: 04.05.2023).
3. *Жуковская Н. Л., Мокшин Н. Ф.* От Карелии до Урала: Рассказы о народах России: Книга для чтения по курсам «История родного края», «Народоведение». М.: Флинта; Наука, 1998. 318 с.
4. *Королев К. С.* Предки коми-зырян: внутренний мир и окружающая среда // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспектив»: матер. междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 178–181.
5. *Кулемзин В. П., Матющенко В. И., Боброва А. И.* Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2.: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. 252 с.
6. *Мартынова Е. П.* Ханты: этническая и социальная структура в XVII – начале XX века. М., 2000. 462 с.
7. *Минвалеев С. А.* Представления и обряды православного происхождения в похоронно-поминальной обрядности карел-людигов и их динамика // Финно-угорский мир. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-i-obryady-pravoslavnogo-proishozhdeniya-v-pohoronno-pominalnoy-obryadnosti-karel-lyudikov-i-ih-dinamika> (дата обращения: 02.05.2023).
8. *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9: Памятники Ломоватовской культуры. Свердловск, 1970. С. 3–29.
9. *Подюков И. А.* Похоронный обряд северных коми-пермяков. URL: <https://domgubernia.ru/pohoronnyj-obryad-severnyh-komi-permyakov-lupinczev/> (дата обращения: 13.05.2023).
10. *Попова С. А.* Этническая история и мифологическая картина мира манси. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 86 с.
11. *Степанова О. Б.* Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // Этнографическое обозрение. № 4. СПб., 2015. С. 151–168.

12. Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-istoriya-i-folklor-selkupov-problema-korrelyatsii-dannyh> (дата обращения: 02.05.2023).
13. Федорова Е. Г. О конструкции погребальных сооружений северных манси // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб., 2009. С. 70–75.
14. Федорова Е. Г. Представления о смерти, мире мертвых и погребальный обряд обских угров // Мифология смерти. Структура функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 198–220.
15. Федорова Е. Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 216–237.
16. Чагин Г. Н. Иньвенские коми-пермяки в этнографических этюдах В.П. Налимова // Вестник Пермского университета. История. 2001. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invenskie-komi-permyaki-v-etnograficheskikh-etyudah-v-p-nalimova> (дата обращения: 14.05.2023).
17. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.
18. Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. по данным могильников. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 262 с.

REASONS FOR CHANGING THE ORIENTATION OF BURIALS AMONG UDMURTS, KOMI, KOMI–PERMYAKS, SELKUPS, MANSI AND KHANTY

Nazarov Artem A.
Perm State University,
15 Bukireva str., Perm, 614068, Russia,
nazarovartem454@gmail.com

***Abstract.** The article presents a detailed analysis of changes in the orientation of burials and other elements of the funeral rite among the peoples of the Finno–Ugric language group: Udmurts, Komi-Permyaks, Komi, Selkups, Khanty and Mansi. Conclusions are drawn about the connection of the orientation of the burial with other components of the burial rite, the transformation of the funeral rite due to the adoption of Russian and Turkic traditions, but the specific nature of the reception of foreign funeral traditions for each of the peoples.*

***Key words:** Funeral rite, Finno–Ugric, archeology, ethnography, orientation of burials.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКРЕБКОВ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Немцева Дарья Константиновна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
nemcevadara286@gmail.com

***Аннотация.** Данная статья посвящена одной из самых распространённых категорий орудий труда каменного века – скребкам. На основе типологического анализа было сделано сравнительное исследование скребков, найденных на территориях памятников развитого и позднего мезолита Пермского Предуралья. Для сравнительного анализа мезолитических скребков были типологически исследованы 72 скребка, обнаруженных на 5 памятниках развитого мезолита: стоянки Чашкинское озеро X–XI, Голый Мыс, поселения Огурдино и Шумково; и 47 скребков, найденных на 4 стоянках позднего мезолита: Коса I–III и Усть-Половинная. Были выявлены особенности каменных скребков по типологическим признакам, а также выделены черты сходства и различия среди скребков развитого и позднего мезолита.*

***Ключевые слова:** скребки; развитый мезолит; поздний мезолит; Пермское Предуралье; типологический анализ; сравнительный анализ.*

Введение

Мезолит, или средний каменный век, является переходной эпохой от палеолита к неолиту. Изменения, которые происходили в это время, были довольно значительными. Смена климата, освоение новых территорий, появление видового разнообразия современной фауны – всё это в значительной мере повлияло на развитие каменных индустрий. Смена фауны заставила человека изменить технологию производства орудий. Мезолит характеризуется развитием микротилизации в каменном инвентаре, распространением производства составных орудий, дроблением социальных коллективов при подвижном образе жизни [Лычагина, 2022, с. 33].

Изучение мезолита в Пермском Предуралье было связано с работами Камской археологической экспедиции (КАЭ ПГУ) в зоне строительства Камской ГЭС. Благодаря работам О.Н. Бадера, В.П. Денисова, В.А. Оборина, были открыты и изучены такие памятники, как Огурдино, Нижнее Адищево, Ольхово-Первомайское, Кама-Жулановское и др. Исследование мезолитических па-

мятников, обнаруженных в конце 1940–1960-х гг., позволило О.Н. Бадеру выделить самостоятельную камскую мезолитическую культуру [Лычагина, 2022, с. 33–35].

В настоящее время для мезолита Прикамья разработана следующая периодизация: I этап – Усть-Сылвенский, или раннемезолитический; II этап – Огурдинский, или развитый мезолит; III этап – Усть-Половинкинский, или поздне-мезолитический. В данном исследовании подробно рассматриваются скребки, найденные на территории памятников развитого и позднего мезолита Пермского Предуралья.

Развитый мезолит характеризуется высокой степенью микролитизации инвентаря, наличием резцов на углу сломанной пластины, вкладышей, небольших концевых и округлых скребочков. Поздний мезолит характеризуется деградация пластинчатой техники, что привело к увеличению средних размеров пластин и ухудшению их качества. В этот период появляются орудия с двухсторонней обработкой и шлифованные орудия [Митрошин, 2017, с. 7].

За время раскопок мезолитических памятников Пермского Предуралья накопился большой комплекс неизученных скребков, которые вошли в выборку нашего исследования. Актуальность статьи связана с тем, что их изучение позволит выявить важную информацию о хозяйственной деятельности мезолитического населения и принципах, которыми они руководствовались в изготовлении скребков на разных хронологических этапах.

Стоит обозначить, что мы представляем под понятием «скребок». Скребок – орудие труда с выпуклым рабочим краем, оформленным крутой притупляющей ретушью. Орудие предназначалось для обработки шкуры, кости, рогов, дерева и даже камня. Морфология скребка определяется по характеру рабочего края, его форме, способам обработки и т.д., данные критерии диктовались требованиями функциональной необходимости к орудиям, связанным с обработкой различных материалов [Колосов, 2019, с. 86]. На основе типологического анализа этой категории орудий будет сделано сравнительное исследование скребков с памятников развитого и позднего мезолита Пермского Предуралья.

Целью данного исследования является выявление особенностей каменных скребков по типологическим признакам в зависимости от хронологии, а также выделение черт сходства и различия.

Материалы и методы

Типологическая классификация скребков вызывает интерес у многих исследователей, этой теме посвящены работы таких авторов как: С. А. Семенов, Г. Ф. Коробкова [Семенов, Коробкова, 1983], М.Ш. Галимова [Галимова, 2002, с. 83–89], М. П. Андреева, Г. Н. Поплевко [Андреева, Поплевко, 2014, с. 43–58] и др. Их труды послужили основной базой для составления системы типологического анализа скребков Пермского Предуралья.

При проведении анализа последовательно использовались следующие критерии: материал, метрические характеристики заготовки, тип заготовки, количество рабочих краёв, ширина и высота лезвия, форма рабочего лезвия, расположение рабочего края относительно оси заготовки, тип ретуши, характер ретуши, тип скребка, сохранность орудия и следы изношенности, индивидуальные особенности. Выбор данных критериев для типологии обоснован тем, что они позволяют более полно описать орудия и выделить их отличительные черты.

Для сравнительного анализа мезолитических скребков Пермского Предуралья были использованы 72 скребка, найденных на территории 5 памятников развитого мезолита: стоянки Чашкинское озеро X–XI, Голый Мыс, поселения Огурдино и Шумково, а также 47 скребков, обнаруженных на территории 4 памятников позднего мезолита: памятники Коса I–III и Усть-Половинная.

Стоянка Чашкинское Озеро X расположена в 12,5 км к северо-западу от центра г. Березники Пермского края, на мысу, образовавшемся в результате впадения в озеро безымянного ручья. На территории данного памятника было изучено 4 скребка. Стоянка Чашкинское Озеро XI находится на надпойменной террасе, высотой 11 м в лесном массиве в 0,06 км от берега озера [Митрошин, Лычагина, 2017, с. 26, 33]. При археологических раскопках памятника были найдены, а позже изучены 20 скребков.

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама между п. Огурдино и п. Орёл Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10–11 м, и простирается вдоль берега на 2–2,5 км [Митрошин, Лычагина, 2020, с. 54, 61]. было изучено 24 скребка.

Стоянка Голый Мыс занимает край высокой (до 15 м) второй надпойменной террасы левого берега р. Камы [Мельничук и др., 2001, с. 143]. Коллекция находок, найденных на территории памятника включает 15 скребков, также типологически проанализированных

Стоянка Коса I расположена на краю второй надпойменной террасы, поверхность которой возвышается над заболоченным палеоруслом не более чем на 6–7 м. Стоянка Коса II расположена на пологонаклонном уступе второй надпойменной террасы. Поверхность стоянки возвышается над заболоченной ложбиной не более чем на 4 м. [Демаков и др., 2023, с. 78–79]. Стоянка Коса III расположена на невысокой песчаной дюне, которую наваяло на поверхность первой террасы р. Коса, ровная поверхность которой возвышается над заболоченной поймой не более чем на 1,5–2 м [Батуева, Немцева, 2022, с. 13]. При археологических работах на этих памятниках были обнаружены 40 скребков, они так же вошли в выборку исследования.

Стоянка Усть-Половинная находится близ г. Перми в левобережном пойменном массиве «Красава» р. Камы, занимая участок невысокой (до 2 м) песчаной гряды (прирусловой вал) аллювиального происхождения [Мельничук и др., 2001, с. 156]. На территории данного памятника были найдены и изучены 7 скребков.

Результаты и обсуждение

Для начала охарактеризуем скребки, обнаруженные на территории памятников развитого мезолита. В основном они изготавливались из кремня, в 6 раз меньше найдено скребков из яшмы и встречены единичные экземпляры скребков из окремнелого известняка и других пород. Для их изготовления использовали пластины и отщепы небольших размеров практически в равном соотношении, вместе они составляют 95% от общего числа заготовок. Преобладают концевые скребки, концевых-боковых в 5 раз меньше, угловых и боковых меньше в 6 раз, также обнаружены единичные экземпляры округлых скребков (табл. 1).

Отдельно изучены скребковые лезвия. По количеству лезвий доминируют одинарные скребки с широким лезвием 16 мм и больше. Микроскребков – 15% от общего количества. По форме скребкового лезвия преобладают выпуклые, реже попадаются скребки с прямым лезвием. Чаще всего рабочее лезвие располагалось на дистальной части заготовки, также существенное количество лезвий на скребках находилось вдоль их оси, встречаются лезвия и на проксимальной части. Распространены скребковые лезвия, оформленные дорсальной ретушью, вентральная ретушь фиксируется значительно реже. Измерение угла нанесения ретуши показало, что практически в одинаковом количестве скребковые лезвия оформлены крутой – 50 лез. (52%) и отвесной – 46 лез. (48%) ретушью (табл. 2).

Нами были проанализированы 47 скребков, найденных на 4 стоянках позднего мезолита – Коса I–III и Усть-Половинная. Большинство орудий изготовлено из кремня, значительную группу составляют изделия из яшмы. Скребок на пластинах в 2 раза меньше, чем на отщепах, заготовки также небольших размеров. По типу преобладают концевые скребки, около 70%, остальные 30% делят между собой боковые, угловые, концевые-боковые и один округлый скребок (табл. 1). Всего у 47 орудий позднего мезолита рассмотрено 57 лезвий. Доминируют одинарные скребки с широким лезвием; двулезвийных орудий в пять раз меньше; обнаружен один скребок с тремя лезвиями. Количество микроскребков составляет 4% от общего количества. Скребковые лезвия в основном выпуклые, в 4 раза меньше встречено скребков с прямым лезвием. В большинстве своем лезвия расположены на дистальной части заготовки. Основная масса лезвий оформлены дорсальной ретушью. Несколько изделий оформлены вентральной и дорсально-вентральной ретушью. Изучение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь (табл. 2).

Таблица 1

Характеристика скребков развитого и позднего мезолита

Развитый мезолит					
Материал		Заготовка		Тип скребка	
Кремень	76%	Отщеп	46%	Концевой	63%
Кремнистый сланец	3%	Пластина	49%	Боковой	10%
Окремненный известняк	8%	Скол	5%	Концевой-боковой	13%
Яшма	13%			Угловой	10%
				Округлый	4%
Поздний мезолит					
Материал		Заготовка		Тип скребка	
Кремень	62%	Отщеп	64%	Концевой	69%
Яшма	32%	Пластина	30%	Боковой	17%
Окремненный известняк	6%	Скол	6%	Концевой-боковой	6%
				Угловой	6%
				Округлый	2%

Заключение

Таким образом, в ходе исследования выделились черты сходства и различия между скребками развитого и позднего мезолита. Рассмотрим сходства: в качестве материала для изготовления скребков доминирует кремний; размеры заготовок небольшие – до 30 мм; преобладают концевые скребки, с расположением лезвия на дистальной части; чаще использовались скребки с выпуклым лезвием; преобладают однолезвийные скребки.

Таблица 2

Характеристика скребков развитого и позднего мезолита

Развитый мезолит									
Количество лезвий		Форма рабочего лезвия		Расположение лезвия на определенной части заготовки		Тип ретуши		Градус нанесения ретуши	
Одинарные	77%	Выпуклое	59%	Дистальное	55%	Дорсальная	87%	Крутая	52%
Двойные	15%	Прямое	40%	Проксимальное	10%	Вентральная	7%	Отвесная	48%
Больше двух лезвий	8%		1%	Вдоль оси заготовки	36%	Дорсально-вентральная	6%		
Поздний мезолит									
Количество лезвий		Форма рабочего лезвия		Расположение лезвия на определенной части заготовки		Тип ретуши		Градус нанесения ретуши	
Одинарные	81%	Выпуклое	82%	Дистальное	66%	Дорсальная	96%	Крутая	77%
Двойные	17%	Прямое	18%	Проксимальное	13%	Вентральная	2%	Отвесная	23%
Больше двух лезвий	2%			Вдоль оси заготовки	21%	Дорсально-вентральная	2%		

К различиям скребков данных периодов можно отнести следующее: несмотря на то, что на всех памятниках в основном для изготовления использовался кремний, в позднем мезолите больше процент изготовления из других пород, возможно, это связано с особенностями местоположения памятников; в развитом мезолите скребки изготавливались как на пластинах, так и на отще-

пах, в позднем мезолите преобладают скребки на отщепах; к позднему мезолиту незначительно увеличился процент использования боковых и концевых-боковых скребков. В применении они более эффективны, так как имеют большую протяженность лезвия, чем обычные концевые скребки, поэтому могли охватывать значительную площадь, сильно ускорив этим процесс обработки материала [Семенов, Коробкова, 1983, с. 170]; в развитом мезолите практически в равном соотношении представлена крутая и отвесная ретушь, в позднем же крутая преобладает, такой факт можно объяснить тем, что угол 40–50° менее опасен при работе скребком.

Библиографический список

1. Андреева М. П., Беляева В. И., Поплевко Г. Н. Скребки верхнепалеолитической стоянки Пушкари 1 (технико-типологический и трасологический анализ) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 18. С. 43–58.
2. Батуева Н. С., Немцева Д. К. Скребки из коллекции позднемезолитической стоянки Коса III в Верхнем Прикамье (по материалам раскопок 2021–2022 гг.) / Н. С. Батуева, // Труды Камской Археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (КАЭЭ ПГПУ). 2022. № 21. С. 13–20.
3. Галимова М.Ш. Новые материалы по мезолиту Марийского края в свете проблемы взаимодействия культурных традиций // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5 С. 83–89.
4. Демаков Д. А., Лычагина Е. Л., Зарецкая Н. Е., Копытов С. В., Чернов А.В., Лантева Е. Г., Трофимова С. С., Косинцев П. А. Косинские мезолитические стоянки в контексте истории природной среды Верхнего Прикамья в позднеледниковье и раннем голоцене // Геоморфология и палеогеография. 2023. Т. 54(1). С. 74–89.
5. Колосов А. В. Каменные изделия первобытной эпохи: пособие. Могилев: Изд-во Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова, 2019. 140 с.
6. Лычагина Е. Л. Мезолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие. Пермь, 2022. С. 33–35.
7. Мельничук А. Ф., Бординских Г. А., Мокрушин В. П., Дегтярева М. И., Лычагина Е. Л. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Изд-во Пермского ун-та, 2001. С. 142–161.

8. Митрошин Е. Н., Лычагина Е. Л. Мезолитический комплекс поселения Огурдино (по материалам раскопок 2018 г.) // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2020. № 17. С. 53–62.

9. Митрошин Е. Н., Лычагина Е. Л., Цыгвинцева Т. А., Поплевко Г. Н. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. 2017. № 3(21). С. 26–47.

10. Митрошин Е.Н. История изучения мезолита Пермского Прикамья // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2017. № 13. С. 4–9.

11. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств (мезолит – энеолит). Л.: Наука, 1983. 254 с.

12. Храмов М. В. Типологический и трасологический анализ скребков Липчинского поселения (по материалам раскопок 1995–1996 гг.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием: сб. матер. конф., Иркутск, 07–09 декабря 2020 года. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2020. С. 91–92.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SCRAPERS OF THE DEVELOPED AND LATE MESOLITHIC OF THE PERMIAN URALS

Nemtseva Darya K.

Perm State Humanitarian Pedagogical University

24 Sibirskaya str., Perm, 614068, Russia

nemcevadara286@gmail.com

Abstract. *This article is devoted to one of the most common categories of Stone Age tools – scrapers. Based on the typological analysis, a comparative study of scrapers from the sites of the developed and late Mesolithic of the Permian Urals was made. For a comparative analysis of Mesolithic scrapers, 72 scrapers from 5 sites of the developed Mesolithic were typologically studied: sites Chashkinskoe Lake X-XI, Naked Cape, settlements Ogurdino and Shumkovo and 47 scrapers from 4 sites of the late Mesolithic – Kosa I-III and Ust-Polovinnaya. The features of stone scrapers were identified according to typological characteristics depending on the chronology, and similarities and differences were also highlighted.*

Key words: *scrapers; developed Mesolithic; late Mesolithic; Permian Urals; typological analysis; comparative analysis.*

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94.343.988

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В США ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Демидова Юлия Николаевна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
yulia_demidova2004@mail.ru

Аннотация. Рост преступности в США после завершения Гражданской войны поставил американское общество перед задачей осмысления факторов преступного поведения и механизмов его преодоления. Феномен появления преступности в США эпохи после Реконструкции и причины его возникновения требуют отдельного анализа, которому посвящена данная статья.

Ключевые слова: США; иммиграция; бедность; преступность; социальные проблемы; организованная преступность; проституция; детская беспризорность.

США последней трети XIX – начала XX вв. переживали процессы модернизации в условиях быстрой урбанизации, что способствовало усилению маргинализации. Факторы роста преступного поведения интересовали многих исследователей в конце XIX – начале XX вв., в том числе предпринимались попытки найти биологизаторские объяснения роста преступности.

В связи с этим, научная актуальность исследования заключается в более обширном и комплексном анализе США эпохи «позолоченного века» и выявлении факторов, повлиявших на развитие преступного поведения. Цель статьи – определить основные факторы преступности в США конца XIX – начала XX вв. в контексте модернизации американского общества.

Методология исследования представлена теорией социального конструирования, которая позволяет вписать поведение людей, в том числе девиантное, в социальные обстоятельства, в которые они погружены. Современный подход позволяет увидеть, как социально-экономические процессы, связанные с модернизацией, то есть переходом от традиционного общества к индустриально-

му в условиях быстрой урбанизации, усиливали процессы маргинализации и социальной поляризации, приводившие в том числе и к преступности.

Все источники по данной теме можно разделить на несколько блоков: законодательные, статистические и делопроизводственные отчеты.

Наиболее важным статистическим источником данной темы является книга «Опасные классы Нью-Йорка и двадцать лет работы среди них» [The dangerous..., 1880]. В работе подробно описаны причины возникновения такого феномена как преступность на примере отсутствия образования и сиротства.

Источником по вопросу возникновения преступности среди иммигрантов является отчет 1908 г. комиссара городской полиции Т. Бингхэма «Иностранные преступники в Нью-Йорке», где он описывает сложность работы с иностранными преступниками [*Bingham*, 1908, с. 385–386].

Положение дел с проституцией на 1912–1916 гг. описано в статье «Коммерческая проституция в Нью-Йорке» [Commercialized prostitution..., 1916].

Уильям Сангер, изучавший проституцию как негативное явление во всём мире, также даёт характеристику американской проституции в своей работе «История проституции: её масштабы, причины и последствия во всём мире» («The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World») [*Sanger*, 1913, с. 16].

Развитие преступности в США последней трети XIX в. может быть обусловлено множеством факторов: активная волна эмиграции, бедность, детская беспризорность и пр. Среди них выделяются наиболее важные факторы, характерные для данного исторического периода.

Во второй половине XIX в. в Соединенных Штатах Америки произошло количественное увеличение эмиграционных потоков, каждый из которых сопровождался значительными качественными изменениями в этническом составе иммиграции. Это привело к осмыслению последствий волн эмиграции как одного из факторов преступного поведения. Обычные иммигранты из Западной и Северной Европы сменились «новыми» эмигрантами из Юго-Восточной Европы и Азии, которые принципиально отличались от своих предшественников национальностью и религиозными убеждениями. Жители страны рассматривали приезжих как чужеродный элемент, который вызывал у них отторжение. К концу века стереотип «новых» иммигрантов, как опасных преступников и анархистов, которые подрывали основы обычного мирового порядка, прочно укоренился в американском общественном сознании, что стало одной из причин установления рестрикционистского курса, то есть сознательного ограниче-

ния работниками их производительности, в иммиграционной политике США [Костылева, 2020, с. 12].

В 1880-х гг. подавляющее число «новых» иммигрантов заняло место дешевой неквалифицированной рабочей силы в тяжелой промышленности (горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение и автомобилестроение). Их низкий статус вызывал регулярные проблемы с трудоустройством, поскольку работодатели предпочитали нанимать в основном местных работников, считая иммигрантов недостаточно опытными для занимаемой должности. Поселенцам пришлось довольствоваться более низким порогом заработной платы, которым пренебрегали американцы и «старые» иммигранты.

Низкие зарплаты и регулярная безработица значительно осложняли иммигрантский быт. Условия проживания переселенцев были не просто далеки от идеалов цивилизованного общества, они ставили людей перед необходимостью выживать в условиях тотальной бедности, голода и антисанитарии. Новоприбывшие селились в трущобах и переполненных бараках, где царили теснота, болезни и падение нравов

Вскоре стало ясно, что главная опасность, которую несет в себе массовая иммиграция – это организованная преступность, с которой чаще всего ассоциировалась Италия. Так, в своей статье 1908 г. «Иностранные преступники в Нью-Йорке» комиссар городской полиции Т. Бингхэм утверждал, что жители южных провинций Италии были самыми проблемными за всю его практику. Он работал с бывшими осужденными и нынешними членами различных преступных группировок, что объясняет тот факт, почему в каждом итальянце комиссар видел «опасного разбойника» и нарушителя закона [Bingham, 1908, p. 385–386].

Также стоит упомянуть о чайнатаунах – китайских кварталах. К началу 1870-х гг. они активно распространялись и стали неразрывно ассоциироваться с китайской мафией. По данным полиции Сан-Франциско, в период с 1879 по 1910 гг. около 9% всех арестованных по криминальным статьям составляли именно китайские переселенцы [Trauner, 1978, p. 73]. Такая статистика наносила сильный удар по репутации выходцев из Азии в глазах американцев.

К концу века тяжелое положение иммигрантов ухудшилось. Массовые увольнения и возникшая в результате безработица вынудили многих иммигрантов вернуться на родину, а тех, кто остался, ждала тяжелая жизнь: некоторым приходилось находить источники заработка вне закона.

В результате миграционных процессов иммигранты действительно составляли большинство преступников. Так, из 49 423 заключенных в тюрьмах,

находившихся в заключении в течение одного года до января 1870 г., 32 225 были иностранного происхождения [The dangerous classes...].

В то же время убийства, кражи людей, организация взрывов, а также поджоги, шантаж и многочисленные грабежи были характерны не только для переселенцев и происходили в районах, не связанных с иммигрантами.

Крайне насущно для американского общества стояла также проблема бедности, которая затронула малоимущие семьи всех штатов Америки. Способов заработка было множество, но на большее денежное вознаграждение могли рассчитывать только мужчины, поэтому именно женская и детская бедность приводила к появлению таких социальных проблем, как женская проституция и детская беспризорность.

В Нью-Йорке XIX в. проституция была доступной альтернативой для женщин, желающих самостоятельно зарабатывать на жизнь и при этом не заниматься физическим трудом на фабриках. В течение 1800-х гг. количество борделей и куртизанок в районах города только увеличивалось, и от 5% до 10% женщин, проживающих в Нью-Йорке, занимались проституцией [Gilfoyle, 1992, p. 58]. К тому же плата за услуги была в разы выше той, которую получали женщины, занимающиеся профессиональным трудом [Ibid.].

Что же представлял из себя образ средней куртизанки в этом городе? Уильям Сангер, изучавший проституцию, даёт общую характеристику нью-йоркской девушки лёгкого поведения: «...она была, как правило, молодой, иммигранткой из другой страны, незамужней, но с ребёнком, из бедной рабочей семьи, испытывала экономические проблемы дома до того, как стала заниматься проституцией» [Sanger, 1913, p. 23].

Изначально так называемые районы «красных фонарей» появлялись в трущобах и рабочих кварталах города, так как арендная плата за помещение в таких местах была очень низкой. Женщины, зарабатывающие торговлей телом, легко могли снимать комнаты или помещения, что гарантировало арендодателю стабильный доход.

Нью-Йорк является одним из ярких примеров города, в котором сексуальный бизнес был развит и приносил огромную прибыль его владельцам, а также всем тем, кто был связан с ним, начиная от рядовых членов банд и заканчивая продажными политиками [Commercialized prostitution..., 1916].

В США второй половины XIX в. отсутствие образования и преступность находятся в неразрывной связи. Точное статистическое соотношение между ними в штате Нью-Йорк, было таково: 31% взрослых преступников не умели читать или писать, в то время как среди взрослого населения в целом 6,08 %

были неграмотны. В городских тюрьмах на 1870 год из 49 423 преступников 18 442 не умели писать и едва умели читать, что составляет 37 % от общего числа заключенных. В исправительных учреждениях страны, согласно заявлению доктора Биттинджера перед Национальным конгрессом по тюремной дисциплине в Цинциннати, из среднего числа заключенных за 1868 г. – 7 963 человек – 27 % были полностью неграмотными [The dangerous classes...].

Преступность возможна и при наличии высшего образования, но в подавляющем большинстве случаев низкий уровень образования является следствием преступности и нищеты. Среди заключенных городских тюрем большой процент человек не имели профессии, и, без сомнения, это отсутствие занятости в значительной степени было обусловлено их безграмотностью и являлось одним из главных стимулов их преступного поведения.

Подводя итоги, следует отметить, что факторы возникновения преступности на протяжении истории США постоянно менялись, что было связано в первую очередь с социально-историческим контекстом определенного периода.

Причин появления такого феномена, как преступность, множество. Наиболее значимые из них: повсеместная бедность, проблема поиска источника заработка, сильное социальное расслоение, отсутствие образования, масштабная волна эмиграции. Эмигранты занимали рабочие места на фабриках, зачастую, оставляя местных без возможности трудоустройства. Отсутствие заработка, занятости и средств к существованию вынуждало молодых парней и девушек искать способы заработка вне закона и приводило к праздному образу жизни, беспризорности, проституции и преступности.

Немаловажную роль в формировании преступного класса играют иммигранты. Они составляли большую угрозу для американского общества, как напрямую – посредством формирования организованной преступности и мафии, так и косвенно – занимая рабочие места на производствах и оставляя многих американцев без средств к существованию.

Библиографический список

1. *Костылева А. С.* Социально-экономические факторы возникновения преступности в среде «новой» иммиграции в США (конец XIX–начало XX в.) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. №. 4. С. 11–20.
2. *Gilfoyle T. J.* City of Eros. New York: W.W. Norton and Company, 1992. 446 p.
3. Commercialized prostitution in New York City. November 1, 1916. URL: <https://archive.org/details/commercializedpr00bure> (дата обращения: 03.02.2023).

4. *Bingham T. A.* Foreign Criminals in New York // *The North American Review*. 1908. Vol. 188, № 634. Sep. P. 383–394.

5. *Trauner J. B.* The Chinese as Medical Scapegoats in San Francisco, 1870–1905 // *California History*. 1978. Vol. 58, №1. Spring. P. 70-87.

6. *Sanger W. W.* The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World. URL: <https://archive.org/details/historyofprostit00sanguoft/page/n4> (дата обращения: 28.02.2023).

7. The dangerous classes of New York, and twenty years' work among them. URL: <https://curiosity.lib.harvard.edu/immigration-to-the-united-states-1789-1930/catalog/39-990019533160203941> (дата обращения: 05.02.2023).

FACTORS OF CRIMINAL BEHAVIOR IN THE USA IN THE LAST THIRD XIX–EARLY XX CENTURIES

Demidova Yulia N.
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia
yulia_demidova2004@mail.ru

***Abstract.** The growth of crime in the United States after the end of the Civil War the American society set the task of comprehending criminal behavior and mechanisms for overcoming it. The phenomenon of crime detection in the era of the United States after Reconstruction and its causes require a separate analysis, dedication to the coverage of the article.*

***Key words:** USA, immigration, poverty, crime, social problems, organized crime, prostitution, child homelessness.*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГРАЖДАН ШВЕЙЦАРИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Николенко Даниил Александрович

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
danya.nikolenko.01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об изменении общественно-политических настроений граждан Швейцарии в годы Второй мировой войны. Анализируются результаты выборов и референдумов, проходивших в альпийской республике, рассматриваются публикации, посвящённые общественно-политическим процессам, протекавшим в Швейцарии в данный период времени.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Швейцария; общественно-политические настроения; фронтисты; антифашисты.

После французской капитуляции перед Германией летом 1940 г. Швейцария оказалась в очень непростом положении: в полном окружении государств нацистского блока. Страна всегда была экономически и культурно тесно связана с внешним миром и, можно сказать, зависела от окружающих её стран. Кроме того, больше 60% населения Швейцарии в годы Второй мировой войны были немецкоязычными, поэтому ситуация была достаточно нестабильной. В Швейцарии сохранялся демократический строй, проводились выборы и референдумы, сохранялся и нейтральный статус страны.

В связи с этим возникает несколько вопросов: насколько были сильны про- и антифашистские настроения среди швейцарцев? Какие политические силы обладали доверием населения в такой непростой для страны период? Как сильно отличались политические предпочтения жителей разных частей трехязычной страны? Ответить на эти вопросы предлагается в данном исследовании.

Источниками для написания данной работы главным образом служили данные о выборах и референдумах, опубликованные в швейцарских печатных изданиях; а также статьи в швейцарских СМИ периода Второй мировой войны.

В основе исследования лежат историко-генетический метод, используемый при описании событий, выявлении причин их появления и исследовании

особенностей их развития; и историко-сравнительный метод, применяемый при сравнении результатов голосований в различных частях Альпийской республики.

Масштабный экономический кризис и рост популярности радикальных социальных движений определяли мир начала тридцатых годов. Ситуация в Швейцарии в значительной степени определялась описанным международным контекстом: социальный кризис, экономическая депрессия и авторитарный поворот в политике проявились и здесь. Недовольство экономическим положением в стране стимулировало граждан присоединяться к радикальным популистским движениям, выступавшим с яркой критикой экономической и политической систем Швейцарии.

Собственно, одним из таких движений оказались фронтисты («фронтовое движение»). В 1930 г. среди студентов и преподавателей Цюрихского университета возникло объединение под названием «Новый фронт», членов которого объединяли профашистские взгляды [*Glaus*, 1980, p. 467]. На базе «Нового фронта» была образована партия «Национальный фронт», которая стала самой влиятельной партией профашистского толка в Швейцарии.

Программно фронтисты выступали за построение централизованного унитарного государства с жесткой авторитарной властью, поддерживали концепцию корпоративного государства. Для продвижения своих идей фронтисты использовали газеты (например, «Die Front», «Neue Schweiz»), пропагандистские листовки, устраивали шествия и митинги, также действовала молодежная организация по типу германского «Гитлерюгенда».

Фронтовое движение включало в себя ограниченное число сторонников практически всех слоев общества и возрастов. Наибольшую поддержку они получили в приграничных с Германией кантонах – Аргау, Цюрихе, Шаффхаузене, где были тесные связи с населением соседней страны. Так, на кантониальных выборах 1933 г. в Цюрихе фронтисты смогли получить около 10% голосов, а на выборах в совет Шаффхаузена – 27% [*Vinperman*, 2000, с. 100].

Находясь на пике своей популярности, в апреле 1934 г. фронтисты выдвинули проект о полном пересмотре швейцарской конституции, предполагавший политическое переустройство по германскому образцу. Спустя полтора года 8 сентября 1935 г. был проведён референдум, где данный проект переустройства конституции был отклонён: лишь 27,71% избирателей поддержали данную инициативу, тогда как 72,29% проголосовали «против»; при этом в четырёх кантонах большинство населения голосовало «за». Наибольшую поддержку этот проект получил в кантонах Фрибур (55% проголосовало «за»), Ва-

ле (55%), Обвальден (53%) [Scrutin sur la révision..., 1935, № 248, р. 2]. Объясняется такое поведение избирателей тем, что данная инициатива получила поддержку не только среди фронтистов: её поддерживали и консервативно настроенные католики (консервативная народная партия популярна в данных кантонах), которых привлекала идея построения централизованного авторитарного государства. А католическая консервативная молодежная организация «Молодые консерваторы» и вовсе была соавтором данного проекта [Bericht des Bundesrates..., 1934, № 46, р. 593].

В дальнейшем фронтистское движение только теряло свою популярность. Этому было несколько причин: во-первых, внутреннее соперничество привело к фрагментизации партии. Во-вторых, после агрессивных действий Германии в Европе, швейцарское общество стало в полной мере понимать угрозу, которую несли фашисты. В СМИ против фронтистов началась информационная кампания: их обвиняли в стремлении захватить власть вооружённым путём и установить диктатуру (что, впрочем, имело основания: у фронтистов были свои боевые отряды наподобие немецких штурмовиков); твердили о желании фронтистов лишить Швейцарию независимости и войти в состав Рейха (особенно сильно это стало восприниматься после аншлюса Австрии). Постоянно происходили выступления интеллигенции с тревожными речами о том, что будет, если к власти придут фронтисты.

В итоге влияние фронтистов заметно уменьшилось: если в 1935 году членами «Национального фронта» было 10 тысяч человек (для сравнения: численность самой популярной социал-демократической партии составляла около 50 тысяч человек), то в 1939 году в её составе оставалось около 4 тысяч членов [Винперман, 2000, с. 100].

В то же время, начиная с середины 30-х годов, крупнейшие партии страны начали сближение друг с другом с целью недопущения получения власти фронтистами и создания противовеса их влиянию.

Так, на съезде Социал-демократической партии 1935 г. в Люцерне было принято решение об отказе от цели установления «диктатуры пролетариата» и поддержке национальной обороны страны [Programm der Sozialdemokratischen...]. А в 1937 г. было подписано мировое соглашение между важнейшим объединением работодателей (механической и электротехнической промышленности) и профсоюзом металлистов [Koller, 2017]. Классовая борьба сменилась социальным партнерством. Это имело огромное значение: теперь уход бывших классовых противников с улицы привел к исчезновению в Швейцарии

основы для радикальных движений, которые в Германии использовали стачки и демонстрации для дополнительной дестабилизации общества.

В ответ представители «буржуазных» партий пошли навстречу социалистам, постепенно поддерживая ряд их инициатив, например, принятие мер по созданию рабочих мест, страхование от безработицы. Такая консолидация основных партий страны продолжалась вплоть до конца Второй мировой войны.

Кроме того, в 1938 г. швейцарским правительством была принята концепция «Духовной национальной обороны», направленная на формирование самосознания швейцарцев путём пропагандирования швейцарской истории и культуры: в рамках реализации этой концепции происходил выпуск фильмов, книг, организация выставок, создание историко-культурных фондов, организаций [Walter, 2012]. Прослеживался явный антагонизм по отношению к «völkisch» – идее «германства», распространявшейся в это время нацистской пропагандой.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Из-за угрозы военного столкновения 2 сентября 1939 г. в Швейцарии была объявлена всеобщая мобилизация [La mobilisation..., 1939, № 241, p. 2].

Первые парламентские выборы в годы войны прошли 29 октября 1939 г. Стоит отметить, что из-за начавшейся войны в кантонах Аппенцель-Аусерроден, Вале, Во, Золотурн, Люцерн, Невшатель, Тичино, Цуг, Швиц проводились безальтернативные выборы (один кандидат претендовал на одно место), поэтому результаты голосования в этих кантонах не учитываются при анализе выборов. Первое место выборах заняла Социал-демократическая партия, набравшая 25,9% голосов. Программа партии была основана на предоставлении социальных гарантий населению и увеличении государственного регулирования экономики. Наибольшую поддержку эта партия сумела получить в Шаффхаузене – 44% голосов, в Аргау – 33,7%, в Базель-Сити – 33,2%, в Берне – 30,1%.

Второе место получила Свободная демократическая партия (по существу – либеральная), получившая 20,7% голосов. На этих выборах наибольшую популярность эта партия получила в Женеве, где смогла набрать 32,7% голосов.

Третье же место оказалось у консервативной народной партии, которая смогла набрать 17% голосов. Программа этой партии была основана на поддержке построения государства с сильной центральной властью и опорой на христианские ценности. Наибольшую поддержку данная партия получила в кантоне Фрибур, где за неё отдали 61,1% голосов.

Также стоит заметить, что 4 места смогла получить «Швейцарская социалистическая федерация» – коммунистическая партия, которая возникла в том же 1939 г. в результате раскола среди социал-демократов. Наибольшую поддержку эта партия смогла получить в западной части франкоязычной Швейцарии (наибольший успех среди кантонов в Женеве – 25,7% голосов) [Bericht des Bundesrates..., 1939, № 48, p. 729–731].

Однако для коммунистов радость от победы была недолгой. После начавшейся вскоре советско-финской войны швейцарское общество становится резко антисоветским: в прессе постоянно проводились параллели между Швейцарией и Финляндией, Германией и Советским Союзом. А коммунисты воспринимались как резкая угроза демократии. В итоге деятельность швейцарской компартии была запрещена в следующем, 1940, году.

Летом 1940 г. Франция пала под натиском германских войск, вследствие чего Швейцария оказалась в окружении стран нацистского блока. Данное событие сильно ударило по моральному духу швейцарцев, среди них начали распространяться панические и пораженческие настроения: швейцарцы очень боялись вторжения немецкой армии или переворота со стороны фронтистов.

Ещё большую обеспокоенность среди швейцарского населения вызвало обращение президента Марселя Пиле-Гола от 25 июня 1940 г. В нём говорилось о том, что «Швейцария должна адаптироваться к новым обстоятельствам» и «пришло время внутреннего возрождения» [*Pilet-Golaz*]. В то же время в этой речи не было ни слова про независимость или сопротивление. Более того, была объявлена демобилизация. Швейцарцы посчитали речь президента конформистской, упаднической. Однако руководство страны вполне можно понять: находясь перед угрозой вторжения в условиях полного окружения страны нацистскими силами, было неразумно делать резкие заявления в адрес немцев, провоцируя тех.

В качестве ответа на новую фашистскую угрозу и боязни того, что федеральное правительство подчинится немцам, в стране начали образовываться новые неправительственные антифашистские организации, среди которых можно выделить, например, Готтардскую лигу – объединение, созданное Дени де Ружмоном и Теофилом Шперри. Эта организация занималась пропагандой демократических ценностей путём организации митингов, лекций, публикации открытых писем; её членами были приверженцы практически всех политических течений: от консерваторов до коммунистов. Впоследствии Дени де Ружмон писал, что влияние Готтардской лиги на моральный дух швейцарцев стало отчетливо ощущаться уже после первого месяца кампании: она вызвала «це-

лебный шок в швейцарском общественном мнении, восстановив доверие многих граждан, и породила надежду на будущее, рассеивая пораженческий туман» [Ackermann, 1996, p. 657].

Другая организация, достойная внимания, – Лига офицеров – объединение, созданное патриотически настроенными офицерами швейцарской армии, решившими отказаться выполнять приказ о капитуляции Швейцарии в случае германского нападения, и продолжать борьбу, свергнув правительство и взяв власть в свои руки.

Когда же угроза немецкого вторжения ослабла, то швейцарское правительство решило нейтрализовать фронтистов: так, уже в конце 1940 года начались запреты на деятельность фронтистских организаций. Последние же фронтистские организации были запрещены в 1943 году [Винперман, 2000, с. 101]. Однако не стоит думать, что угроза иностранного вторжения исчезла совсем: вплоть до 1945 года швейцарцы жили в постоянном напряжении от возможного нападения со стороны Третьего Рейха.

Следующие же парламентские выборы в Швейцарии были проведены 31 октября 1943 г. Победителем выборов стала Социал-демократическая партия, получившая 28,6% голосов. Для социал-демократов эти выборы увенчались грандиозным успехом. Столь высоких показателей партия не получала больше никогда. Такой результат можно связать с воплощением в жизнь социальной программы, предложенной социал-демократами, ростом левых настроений в обществе на фоне успехов Красной армии, а также тем, что партия перетянула на себя голоса запрещённой ранее компартии. Наибольшую популярность данная партия имела во франкоязычных кантонах и на севере немецкоязычной Швейцарии: так, в кантоне Шаффхаузене она смогла заручиться поддержкой 50,4% избирателей, в кантоне Невшатель – 46,3%, в Гларусе – 38,4%, в Берне – 36,7%, в Аргау – 36,3%.

Свободная демократическая партия заняла второе место на выборах, получив 22,5% голосов. Наибольшую популярность эта партия получила в западных кантонах франкоязычной части Швейцарии: в кантоне Во она получила 41,4% голосов, в Женеве – 37,8%, в Золотурне – 36,8%, в Люцерне – 35,1%.

Третье же место досталось Консервативной народной партии, получившей 20,8% голосов. Наибольшую поддержку эта партия получила среди населения католических кантонов (большинство из них во времена Зонденбургской войны 1847 г. состояло в объединении кантонов под названием Зонденбург): в кантоне Фрибур данная партия сумела получить 62,7% голосов избирателей, в кантоне Вале – 62,2%, в Люцерне – 48,1%, в Цуге – 43,3%, в италиязычном

кантоне Тичино – 35,9%, в трехязычном Граубюндене – 35,1% [Bericht des Bundesrats..., 1943, № 24, p. 1105–1152].

Как можно заметить, резких изменений в политических предпочтениях швейцарцев в военные годы не возникало. Каждая из трёх главных партий сохраняла свои позиции, что можно объяснить желанием швейцарцев сохранить этот негласный союз между партиями, сохранить стабильность в стране и нежеланием радикальных перемен из-за опасения оказаться в немецкой сфере влияния.

Вместе с тем, в стране наблюдался подъём просоветских настроений, связанных с продвижением советских войск в Европе: СССР теперь воспринимался населением как освободитель от нацизма [Мундт, 2019]. В 1944 году была создана Швейцарская партия труда – преемник коммунистической партии Швейцарии. На следующих выборах 1947 г. эта партия показала довольно неплохой результат: она сумела получить 5,1% голосов и 7 мест в Национальном совете, при этом в некоторых кантонах партия смогла набрать 10-30% голосов (например, в Базеле – 19,7%, в Женеве – 29,1%, в Невштателе – 11,6%, в Во – 16,3%) [Bericht des Bundesrats..., 1947, № 47, p. 593–634]. Популярна она была в традиционно «левых» франкоязычных регионах страны.

В результате проведённого исследования можно прийти к выводам о наибольшей популярности социал-демократической, свободной демократической (по существу либеральной) и консервативной народной партии в Швейцарии в указанный период времени, причём выделяется некая территориальная зональность: консервативная партия наиболее популярна в католических кантонах бывшего Зонденбурда и в италияязычной части страны; среди франкоязычных кантонов Западной Швейцарии популярны либеральные и левые идеи; немецкоязычные избиратели настроены более умеренно (позиции трёх главных партий примерно одинаковы).

В немецкоязычной части страны нашли свою поддержку фронтисты, пик популярности которых пришёлся на середину 1930-х гг. на фоне общеевропейского роста популярности националистических идей. К концу десятилетия фашистская угроза стала очевидна, вследствие чего произошла консолидация продемократических сил страны. Позиции фронтистов серьёзно пошатнулись, но в 1940 г. возникла новая угроза: под натиском немецкой армии пала Франция. В обществе распространялись упаднические настроения, возникла угроза германской оккупации. В это же время возникли патриотические антифашистские организации, которые благодаря своей пропагандистской кампании суме-

ли поднять моральный дух швейцарцев. В том числе под их влиянием фашистские организации были запрещены.

Можно сказать, что политическая обстановка в стране в годы Второй мировой войны оставалась стабильной, что можно объяснить стремлением швейцарцев не допустить прихода к власти антидемократических сил и боязни вовлечения Швейцарии в сферу влияния нацистской Германии в случае прихода к власти радикалов.

Хотя фашистские силы оказывали влияние на общественные настроения, но ограничено. Швейцарская демократия сумела отстоять своё право на существование.

Библиографический список

1. *Vinnerman B.* Европейский фашизм в сравнении: 1922-1982. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 234 с.
2. *Мундт Л. А.* Образ СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской газете «Neue Zürcher Zeitung» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 131–139.
3. *Ackermann C.* Denis de Rougemont: une biographie intellectuelle. Geneve: Labor et Fides, 1996. 1284 p.
4. Bericht des Bundesrates an den Nationalrat betreffend die Nationalratswahlen für die XXXI. Amtsperiode. (Vom 27. November 1939) // Bundesblatt. 1939. № 48, 29 November. P. 673–734.
5. Bericht des Bundesrats an den Nationalrat betreffend die Nationalratswahlen für die XXXII. Amtsperiode. (Vom 23. November 1943) // Bundesblatt. 1943. № 24, 25 November. P. 1075–1160.
6. Bericht des Bundesrats an den Nationalrat über die Nationalratswahlen für die XXXIII. Legislaturperiode. (Vom 20. November 1947) // Bundesblatt, 1947. № 47, 27 November. P. 553–637.
7. Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über das Volksbegehren auf Totalrevision der Bundesverfassung. (Vom 8. November 1934.) // Bundesblatt, 1934. № 46, 14 November. P. 593–595.
8. *Glaus B.* The National Front in Switzerland // Who Were the Fascists. Bergen: Universitetsforlaget, 1980. P. 467–478.
9. *Koller C.* Vor 80 Jahren: Das «Friedensabkommen» in der Schweizer Metall- und Maschinenindustrie. 2017. URL: <https://www.sozialarchiv.ch/2017/>

05/18/vor-80-jahren-das-friedensabkommen-in-der-schweizer-metall-und-maschinen-industrie/ (дата обращения: 05.03.2023).

10. La mobilisation générale // Le Journal de Genève. 1939. № 241, 2 septembre. P. 2.

11. *Pilet-Golaz M.* Discours radiophonique du Président de la Confédération. URL: <https://dodis.ch/47075> (дата обращения: 06.03.2023).

12. Programm der Sozialdemokratischen Partei der Schweiz. URL: https://www.sp-ps.ch/wp-content/uploads/2022/07/1935_parteiprogramm_d_0-1.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

13. Scrutin sur la révision de la Constitution fédérale // Le Journal de Genève. 1935. № 248, 9 septembre. P. 2.

14. *Walter F.* Histoire de la Suisse – Certitudes et incertitudes du temps présent (de 1930 à nos jours). Neuchâtel: Alphil, 2012. T. 5. 165 p.

SOCIO-POLITICAL SENTIMENTS OF THE SWISS CITIZENS DURING THE SECOND WORLD WAR

Nikolenko Daniil A.

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia
danya.nikolenko.01@mail.ru

***Abstract.** The article deals with the issue of changing the socio-political attitudes of Swiss citizens during the Second World War. The results of the elections and referendums held in the Alpine Republic during this period are analyzed, publications devoted to the socio-political processes that took place in Switzerland during this period of time are considered.*

***Key words:** World War II; Switzerland; socio-political sentiments; frontists; anti-fascists.*

ВОИНСКИЕ МЕМОРИАЛЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ 1918 Г.: УВЕКОВЕЧИВАНИЕ КАК БИЗНЕС

Снигирев Сергей Алексеевич

Институт всеобщей истории РАН

119334, Россия, Москва, просп. Ленинский, 32а

Sergey199719@mail.ru

***Аннотация.** В данной работе анализируются места памяти (мемориалы, памятники, свитки доблести и т.д.) в Великобритании, созданные частными фирмами и компаниями по заказам, в период с 1918 по 1939 г. Историкографическое поле данного исследования включает в себя работы британских историков К. Инглиса, А. Гаффни, Д. Бурмана, П. Джелланд, Дж. Винтера, которые занимались изучением мемориалов, посвященных павшим в Первую мировую войну британским военнослужащим. В качестве методологического поля выбрано *tory studies*: использование теорий исследователей памяти Дж. Винтера, Д. Робба, А. Кинга. По результатам исследования планируется показать степень влияния бизнеса на создаваемый мемориальный ландшафт межвоенной Великобритании.*

***Ключевые слова:** память; коммеморация; Великобритания; мемориалы; Первая мировая война; сакрализация.*

Бертран Тавернье в фильме «Жизнь и больше ничего» (1989, Франция, реж. Б. Тавернье) показывает, как проходил процесс публичного увековечивания памяти после Великой войны. Одну из групп действующих лиц представляли государственные чиновники, которые брали на себя работу по составлению и утверждению планов, собеседованию с художниками, достижению договоренностей о субсидиях, строительстве и установке мемориалов. «Контроль качества» был большим местом для художников и их заказчиков: многие компании представлялись архитектурными, но лишь забирали деньги и создавали однотипные памятники, при этом пытаясь прояснить разницу между произведениями, подходящими для увековечивания, заказчикам из разных слоев британского общества.

Этот фильм актуализирует проблему увековечивания памяти о погибших солдатах на Первой мировой при помощи различных мемориалов, а также показывает бюрократические и предпринимательские процедуры, через которые пришлось пройти создателям этих мест памяти. В данной работе анализируются места памяти (мемориалы, памятники, свитки доблести и т.д.), созданные в Великобритании частными фирмами и компаниями по заказам в период с 1918

по 1939 г. Исследовательский вопрос данной статьи звучит следующим образом: каким образом бизнес повлиял на создание мемориального ландшафта в межвоенной Великобритании 1918–1939 гг.?

Первоначальная проблема в создании мест памяти заключалась в спорах о том, как должен выглядеть мемориал павшим на фронтах Первой мировой войны воинам. В первую очередь люди стали обращаться к культурному наследию мемориализации, которая репрезентировалась в таких формах, как крест, обелиск, таблички. По мнению историка Джея Винтера, данному выбору способствовали общественные элиты, представленные предпринимателями и служащими госаппарата, которые имели весьма консервативные взгляды [*Winter*, 1986, p. 67]. Они поощряли идеи приглашения экспертов (скульпторов, архитекторов), которые также стремились продвигать устоявшиеся формы мемориалов [*Ibid.*, p. 67–68]. С ним соглашается Тим Бреннан, который защищает тезис о том, что «...общественные памятники являются ничем иным, как формой воплощения власти элиты над остальным обществом» [*Brennan*, 1988, p. 11–14]. Роль остального общества заключалась лишь в сборе средств на создание и установку памятника. Для видимости участия в реализации мест памяти простым гражданам могли дать выступить на собраниях или объявить голосование за установку того или иного типа мемориалов [*Switzer*, 2007, p. 63]. Но чаще всего подобные акции являлись не более чем иллюзией участия масс в принятии решений, а реальное мнение народа не учитывалось элитами, которые считали, что массам нельзя давать возможность участвовать даже в таких, казалось бы, общих вопросах [*Bell*, 1993, p. 358].

Власти контролировали любые инициативы и попытки фиксации памяти, проводимые британским обществом, либо стремились регулировать их при помощи гражданских инициативных групп, которые в основном создавались из мемориальных комитетов. Сама общественность предлагала варианты увековечивания памяти при помощи мемориалов, но условно их можно поделить на две группы: эстетические монументы и утилитарные, последние также имели практическое назначение. Их роль выполняли фонтаны¹, башни², ворота³, здания бывших госпиталей и др. На вид установленных утилитарных мемориалов

¹ «Фонтан победы», открытый 21 апреля 1924 г. в Шотландском Ньюбурге, на открытии которого присутствовали представители городской администрации и общественности. URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/5742> (дата обращения: 14.10.2023).

² Башня в Лланфротене, Уэльс. Открытие произошло 24 августа 1924 г., на котором присутствовал Лорд Ньюборо Томас Джон Уинн, а также духовенство из местной церкви, поскольку башня стала пристройкой храмового здания. URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/37138> (дата обращения: 14.10.2023).

³ «Ball Haye Green», ворота на спортивную площадку, открытую 5 ноября 1922 г. в Лике, графстве Стаффордшир. Открывал памятник участник войны, подполковник Халлинон. На данном событии также присутствовала администрация города. Сами ворота были построены компанией «Mr. Thomas Grace of Leek», дизайнером стал W. E. Beacham. Средства на мемориал были пожертвованы горожанами, сбор которых производила городская администрация.

влияли множество факторов, таких как вероисповедание инициаторов установки, финансовых пожертвований. Данные факторы влияли не только на вид мемориалов, на и их расположение, а также закладываемый информационный посыл. Перечисленные факторы вызывали конкуренцию между различными общественными группами, каждая из которых старалась отразить в мемориале свою политическую или религиозную идентичность [King, 2000, p. 74].

Опираясь на внешний вид мемориалов, можно предположить, что в северо-восточной части Англии было сильно влияние промышленной элиты, которая придерживалась англиканской веры [Brook, 2009, p. 162], так как мемориалы преимущественно располагались рядом с храмами и близлежащими кладбищами. В Шотландии и Уэльсе Кельтский крест становится популярной формой увековечивания памяти по погибшим, символы его отображали преемственность мемориала с традициями и историей живущих на этих землях людей.

Общественные дискуссии по поводу форм и видов мемориалов разворачивались в небольших городах Великобритании. Подобные способы взаимодействия исследовал британский историк Джордж Робб, который обозначил взаимосвязь между общественным мнением по вопросу об установке мемориалов и экономическим положением слоёв британского общества [Robb, 2002, p. 216]. Например, подданные, имевшие больше свободных денежных средств (как правило, ими оказывались политики или предприниматели), выбирали более эстетичные формы увековечивания памяти (мемориальные комплексы). Британцы, имевшие более скромный доход, предпочитали вкладывать деньги в проекты, которые имели практический характер. К ним относились постройка домов для вдов и сирот погибших солдат, создание аллей, фонтанов, башен с часами и др. [Ibid., p. 218]. Практичностью и эстетичностью отличались церковные мемориалы. Например, витражные окна, с библейскими сюжетами имели как практическую функцию освещения храмов, так и эстетическую. Александр Кинг, анализируя созданные памятники, приходит к выводу о том, что в обществе шла борьба за обладание правом на создание мемориалов, которые воплотили в себе черты и переживания отдельных групп британского общества [King, 2000, p. 350]. «Мемориальной гонкой» в Великобритании занимались различные институты: церковные приходы, клубы по интересам, промышленные компании, учебные заведения, благодаря чему воплощается огромное количество мест памяти, имеющих множество различных форм и репрезентаций. В «гонку» включаются и некоторые семьи погибших солдат, для которых мемориальная тенденция связана с личной/семейной проработкой горя, что репре-

зентируется в создании личных мест памяти. Подобное общественное дробление приводит к такому интересному кейсу, который в *memory studies* исследователи обозначают как «частная память» (посвящена исследованиям частных мемориалов) [King, 2000, p. 354].

Под частными формами коммеморации и мемориализации в данном исследовании объединены память и идентичности как индивидов, так и групп, обладающих эмпирической реальностью и особой аутентичностью. Конструируемый государством нарратив памяти выступает как некий «не поддающийся измерению дискурс, утверждающий в собственной валидности, которая не может быть верифицируема» [Мегилл, 2008, с. 108], что лишает права отдельных граждан и группы на собственную идентичность. Потеря близкого человека и недовольство коммеморативными мероприятиями, на которых всех погибших приравнивали к одному образцу, становятся причинами для создания отдельных мест, где память о погибших будет сакрализована только близкими людьми.

Частные мемориалы устанавливались в любых общественных местах, одним из которых являлась церковь. Храмовые здания были расположены в каждом городе и являлись сакральным местом для горожан. Выполняющая духовно-рекреационную миссию, церковь ставила перед собой и задачу проработки травм, связанных с потерей близких людей на фронтах Первой мировой войны. Мемориалы и места памяти часто возводили рядом с церковным зданием или непосредственно в нём, что демонстрировало два важных аспекта памятования о жертвах войны: во-первых, прихожане религиозных учреждений представляли из себя единое сообщество, в основу идентичности которого была заложена необходимость в духовном проводнике и чувстве взаимопомощи и поддержки друг друга [Coss, 2009, p. 79]; во-вторых, традиции, сложившиеся в небольших городах и местечках в Великобритании, предписывали, что территория, расположенная рядом с церковью, должна быть выделена под кладбища [Ibid., p. 81]. Духовенство также оказывало огромное влияние на приход и предлагало устанавливать военные мемориалы на территории, принадлежащих храмам. Пример такого влияния можно видеть в Хаттон Магна, где преподобный отец Донован выразил своё желание установить кладбищенские ворота в качестве мемориала, а жители деревни поддержали данное решение [Ibid., p. 82].

Исследуя места памяти в Уэльсе, историк Анджела Гаффни приходит к выводу о том, что частная и семейная память была важнее, чем участие в национальных или региональных коммеморативных акциях [Gaffney, 1998, p. 60–67]. Она также обнаружила, что места памяти, созданные общинами, приходом

или семьёй, были более популярны для проведения коммеморации у людей, чем памятники, установленные с разрешения официальных органов власти.

На церковных кладбищах устанавливались мемориальные кресты с надписями о погибших и упоминаниями, кем был был воздвигнут данный памятник. Служители местных церквей не возражали против установки мемориалов такого типа. К тому же крест, поставленный на приходском кладбище, должен был кристаллизировать воспоминания о павших в бою прихожан, обеспечив тем самым непрерывность памяти для будущих поколений [Gregory, 2009, p. 258]. Самых же священников привлекали больше мемориалы, которые выполняли не только коммеморативную, но и утилитарную для религиозного здания функцию. Ими являлись часовни, алтари, ворота на кладбище, колокола, витражные окна и пр. [Ibid.] Исследовательница Дэнис Косс в своей диссертации приводит статью, опубликованную в церковном журнале, в которой говорилось о том, что «большинство памятников в церквях представляют из себя латунные и мраморные таблички, которые придавали эстетический вид церковному зданию. Но почему бы не предоставить церковные принадлежности, такие как кафедра, купель, которые принесли бы не только красоту, но и пользу в дом божий» [Coss, 2009, p. 103].

Несмотря на все вышеперечисленные формы мемориалов, которые были распространены в церквях, наиболее популярным, отчасти в силу дешевизны, являлся «свиток доблести». Он представлял собой бумажный лист различной ширины и длины, на котором были написаны имена прихожан, павших в боях на фронтах Первой мировой войны. Стоит обратить внимание на тот факт, что часто имена были написаны без званий и регалий – тем самым обозначалось равенство погибших. Но встречались и свитки, на котором звание было указано. Чаще всего упоминание звания погибших в свитках доблести можно увидеть на севере Великобритании, а именно в Шотландии, так как преимущественно католическая церковь занималась составлением данных списков.

Британский историк Александр Кинг утверждает, что воинские звания старались убирать из мемориалов для того, чтобы показать символическое уравнивание всех военнослужащих независимо от занимаемой ими должности и степени участия в военных действиях [King, 2000, p. 186]. Однако некоторые из упомянутых на свитках участников войны были промаркированы религиозными символами: например, были изображены кресты различных форм. На некоторых свитках в качестве украшений были использованы опознавательные знаки сообществ, для поминовения которых был создан мемориал. Идентификационными маркерами могли стать эмблемы, девизы определённых мест или организаций, к которым принадлежали воевавшие в Первой мировой войне британцы [King,

2000, p. 190]. Кен Грайвз предположил, что неравенство в записях сделано намеренно для того, чтобы показать заслуги отдельно взятых личностей. Как правило, эти действия совершали родственники, которые хотели показать заслуги своих погибших мужей, братьев и сыновей [*Grievess*, 2000, p. 39].

Большинство из установленных частными лицами мемориалов были представлены могильными плитами и надгробиями, располагающимися на кладбищах. Память о погибших могла быть также зафиксирована в вещах, оставшихся от человека после смерти. Так, например, одна из женщин сделала мемориалом нательный крест своего погибшего брата [*Coss*, 2009, p. 47].

Известно также несколько случаев установления витражных окон в церквях в память о погибших родственниках¹. Популярной формой частной коммеморации являлись мемориальные доски, на которых могла быть зафиксирована подробная информация о человеке, включая его имя и место, где он был убит. В Методистской церкви св. Троицы города Спеннимур была размещена табличка, на которой имелась надпись «в память о племяннике, убитом на Сомме»; а в церкви св. Елизаветы, расположенной в Минстеракрисе, надпись на мемориальной доске гласила, что некто Артур Сильвертоп, офицер военно-морского флота, погиб вместе с кораблём в Ютландском морском сражении 31 мая 1916 года в возрасте 38 лет. Церковь также давала возможность коммеморализации воспоминаний о близком человеке с помощью визуализации сюжетов из Евангелия, в частности, Крестного пути – изображения страданий Христа. Создавался оммаж жизни убитого с жизнью Христа, полной лишений и страданий.

В период с 1919 по 1921 гг. можно увидеть высокую активность по открытию мемориалов, посвящённых Первой мировой войне. Частота воссоздания мест и символов памяти во многом была инициативой общин или семей. Исходя из данного утверждения, можно задать вопрос: что побуждало граждан создавать частные/семейные/общинные мемориалы помимо единых центральных памятников, которые имели национальную коммеморативную форму? По мнению историка Дерека Бурмана, создание частных мемориалов являлось источником утешения при потере близкого человека. Помимо данного фактора исследователь отмечает, что частные мемориалы отражают чувства семьи/общины, понесшей утрату [*Boorman*, 1988, p. 22]. Установление мемориалов являлось своеобразной проработкой травмы, нанесённой личными утратами близких людей. Создание отдельными общинами и семьями частных мест памяти стало своего рода маркированием переживаемого травматического события. Этот маркер должен был объяснять природу боли, т.е. содержать доста-

¹ Holy Saviour Church, Milbourne – витражное окно посвящено погибшим в 1915 году братьям; St. Mary the Virgin, Slaley – витражное окно, установленное в память о любимом племяннике его дядей и тётей.

точно логичные и не требующие дополнительных доказательств утверждения о том ущербе, которое произошедшее событие доставило сообществу. К тому же подобное маркирование позволяло выстроить корреляцию между трагическими событиями, произошедшими с конкретными индивидами, и потенциальным значением, которое эти события несли для остальных представителей сообщества [Аникин, Голованова, 2017, с. 80].

Но отнюдь не только индикативную функцию могли носить частные мемориалы. Патриция Джелланд утверждает, что некоторые родственники погибших были просто недовольны созданными государством мемориалами, а также неуместно и с бравадой проводимыми ритуалами поминовения [Jalland, 1996, p. 379]. По мнению исследователя, создание семейных мест памяти являлось интимным процессом, о котором не нужно было говорить во всеуслышание [Ibid.].

Частная память выражалась не только семьёй или церковной общиной. Немаловажную роль в мемориализации Первой мировой войны в Великобритании играли коммеморативные практики на местах работы, учебных заведений и частных спортивных клубах. Небольшие мемориалы, поставленные самими рабочими и санкционированные руководством предприятий, имели символический характер, отображая не скорбь или горе по павшим товарищам, а гордость за героев, которые работали здесь. Например, компания Eggescliffe Chemical установила табличку со словами: «Этот мемориал был создан сотрудниками Eggescliffe Chemical Co Ltd в честь доблестных работников, которые погибли в Великой войне». Свитки доблести также были распространённой формой увековечивания памяти на различных предприятиях по всей стране¹. Но были и уникальные случаи фиксирования памяти о павших сотрудниках фирмы: компания Swan Hunter Whigham Richardson построила зимний сад и мемориальный холл. Это был весьма дискуссионный для своего времени проект. Дело в том, что Военный мемориальный комитет считал, что память должна кристаллизовываться в осязаемом предмете, в памятнике из камня, поэтому они отказали владельцу компании Хантеру, выдвинувшему инициативу с созданием сада от имени погибших на войне сотрудников компании, в постройке сада. Но данная идея нашла отклик у работников предприятия, которые поддержали проект.

Мемориалы устанавливались также на территории университетов или в самих зданиях учебных заведений. Как правило, в память о погибших студен-

¹ Свитки памяти были установлены на таких частных предприятиях, как Ropner and Sons Ltd., North Shore Shipyard, Stockton and Morpeth Post Offices, the British Transport Police, Newcastle and the Dockmaster's in Hartlepool.

тах, преподавателях и работников университета могли быть названы аудитории и библиотеки.

Клубы по интересам также старались принимать участие в увековечивании памяти о павших активистах своих сообществ. Они заказывали небольшие мемориалы, которые зачастую имели необычные формы. Таким своеобразным мемориалом был серебряный кубок, посвящённый «известным атлетам-бегунам, павшим на войне» и вручаемый победителям мемориальных забегов. А члены спортивного клуба регби из Тайндейла построили раздевалку для спортсменов в виде британской казармы.

Из представленного в данной статье материала мы можем сделать вывод о том, что военные мемориалы имеют два мотива: благородно-воодушевляющее и трагически-печальное событие. Соотношение мемориалов по данному параметру не было стандартизированным, хоть попытки регуляции и проводились государством, но не привели к желаемым результатам. Отсутствие регулирования привело к появлению новых форм увековечивания, в которых через предмет выражалась грусть и опыт утраты, а не воодушевление. Новый коммеморативный нарратив уловили частные художественные и архитектурные компании, которые решили получить прибыль, а в результате смогли изменить мемориальный ландшафт Великобритании.

Библиографический список

1. *Аникин Д. А., Головашина О. В.* Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 79–80.
2. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 480 с.
3. *Bell G. T.* Monuments to the Fallen: Scottish War Memorials of the Great War. Strathclyde, University of Strathclyde, 1993. 436 p.
4. *Boorman D.* At the Going Down of the Sun: British First World War Memorials. York, 1988. 172 p.
5. *Brennan T.* The Cenotaph Project: The Class of Rulers // Variant. 1988. № 5. P. 11–14.
6. *Brook A.* God, Greif and Community: Commemoration of the Great War in Huddersfield, 1914–1929. Leeds: University of Leeds, 2009. 349 p.
7. *Coss D.* First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939. Durham: Durham University, 2012. 835 p.
8. *Gaffney A.* Aftermath: Remembering the Great War in Wales. Cardiff, 1998. 192 p.

9. *Gregory A.* The Last Great War: British Society and the First World War. Cambridge, 2008. 366 p.
10. *Grieves K.* Investigating Local War Memorial Committees: Demobilised Soldiers, the Bereaved and Expressions of Local Pride in Sussex Villages, 1918–1921 // *Local Historian*. 2020. Vol. 30(1). P. 39–58.
11. *Jalland P.* Death in the Victorian Family. Oxford: Oxford University Press, 1996. 496 p.
12. *King A.* The Memorials of the Great War in Britain: The Symbolism and Politics of Remembrance. Oxford: Oxford University Press, 1998. 286 p.
13. *King A.* The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939. London: University of London, 1993. 412 p.
14. *Robb G.* British Culture and the First World War. Basingstoke: Palgrave, 2002. 288 p.
15. *Switzer K.* Unionists and Great War Commemoration in the North of Ireland, 1914–1939: People, Places and Politics. Newbridge: Irish Academic Press Ltd, 2007. 272 p.
16. *Winter J.* The Great War and the British People. New York: Macmillan, 1986. 360 p.

WAR MEMORIALS IN THE GREAT BRITAIN AFTER 1918: PERPETUATION AS A BUSINESS

Snigirev Sergey A.
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
119334, Russia, Moscow, Leninsky ave., 32a
Sergey199719@mail.ru

***Abstract.** This paper analyzes places of memory (memorials, monuments, scrolls of valor, etc.) in the UK, created by private firms and companies on orders, in the period from 1918 to 1939. The historiographic field of this study includes the works of British historians C. Inglis, A. Gaffney, D. Burman, P. Jelland, J. Winter, who were directly involved in the study of memorials dedicated to the British soldiers who fell in the First World War. Memory studies were chosen as a methodological field, and more specifically, the use of the theories of memory researchers J. Winter, D. Robb, A. King. Based on the results of the study, it is planned to show the degree of business influence on the created memorial landscape of interwar Great Britain.*

***Key words:** Memory; commemoration; Great Britain; memorials; World War I; sacralization.*

АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ В 1920-Е ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСКУССИИ

Тихомирова Александра Андреевна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
tikhomirovatt@mail.ru

***Аннотация.** Восприятие гендерной роли женщины-белой американки в связи с влиянием общественных изменений и социально-экономических перемен периода 1920-х гг. характеризовалось противоречивостью в массовом сознании. С одной стороны, общество продолжало отстаивать консервативные позиции в рамках семейно-брачных отношений, приписывая женщине в первую очередь роли матери, жены и хозяйки. С другой стороны, осознание возможностей и освоение новых социальных моделей непосредственно женщинами вынуждало их доказывать обществу свое право занимать иное положение в социуме. Эпоха 1920-х гг. в США характеризовалась процессом женской эмансипации, что выражалось в увеличении числа работающих женщин, возраставшими карьерными стремлениями и новыми профессиями в женской среде, актуализацией понятия «свободное материнство», демократизацией в отношении полов, восприятия семьи и брака в целом.*

***Ключевые слова:** американская семья; эпоха просперити; женская гендерная роль; контроль рождаемости; женская эмансипация.*

На протяжении долгого времени образ женщины непременно ассоциировался с материнством, браком, сохранением домашнего очага и ведением хозяйства. 1920-е гг. в США стали периодом социальных перемен, вследствие которых изменилось понимание и женской роли. Война и послевоенный экономический бум в США стали причиной переосмысления прежних жизненных установок [Сидорук, 2005].

В связи с этим научная актуальность исследования заключается в комплексном рассмотрении женского образа в эпоху «ревущих двадцатых» сквозь призму общественного мнения. Отметим, что приведенная источниковая база позволяет более детально и подробно осветить взгляды общества на роль и предназначение женщин. Целью исследования стало выявление составляющих образа женщины, белой американки, в контексте влияния процесса женской эмансипации на институт семьи и брака, а также анализ основных тенденций и

противоречий в среде общественного мнения, касающихся предполагаемых моделей женского поведения в американском обществе 1920-х гг.

Методологическую базу исследования представляет гендерный подход, в соответствии с которым массовая культура является одним из главных институтов в процессе конструирования гендерных стереотипов в том или ином обществе. В свою очередь источниковая база представлена источниками публицистического характера, которые формируют и в определенной степени отражают массовое сознание. В статье рассматриваются материалы периодической печати США 1920-х гг.: статьи, заметки, статистические данные, комментарии, мнения современников: например, статья Дороти Дюкас об экономической свободе женщин (1929 г.) [*Ducas, 1929*], работы Маргарет Сэнгер: «Ошибка женщины и ее долг» (1921 г.) [*Sanger, 1921*], «Нет здоровой расы без контроля над рождаемостью» (1921 г.) [*Sanger, 1921*].

В 1929 г. в газете «New York Evening Post» вышла статья Дороти Дюкас под заголовком «Экономическая свобода женщин виновна в упадке брака» [*Ducas, 1929*]. Содержание статьи основывалось на данных статистики, согласно которым количество разводов стремительно росло, в то время как количество заключаемых браков сокращалось. Основные тезисы затрагивали мысль о существенном изменении образа жизни женщины и ее социальной роли в целом. Примечательно, что в тексте были предложены мнения экспертов: профессоров психологии и социальных направлений. Например, профессор социологии Кларес Г. Диттмер подчеркивал, что существовавшие в то время изменения могли быть как временной фазой адаптации женщин, так и основанием для будущего «катастрофического положения» [*Ducas, 1929*]. Среди основных факторов, повлиявших на изменение женской роли в обществе, Диттмер выделял экономический рост и расширение демократии, которые сопровождались новыми социальными и экономическими возможностями для женщин. Женщины, по его мнению, обладая все большим количеством шансов для реализации, перестали отстаивать то, за что выступали раньше (подразумевались материнство и брак). Карьера стала таким же неотъемлемым и вместе с тем удовлетворяющим элементом жизни женщины, как и мужчины, в то время как раньше понятия «семья» и «карьера» были несовместимыми.

Свое мнение в статье выразил и социолог Сэмюэл Маккьюн Линдси [*Ibid.*]. Он выступал за утверждение законодательных мер, которые бы регулировали институт семьи и брака. Линдси определял приведенные статистические данные как большую проблему, на которую необходимо обратить намного больше внимания. Говоря о причинах роста количества разводов, он пришел к

выводу о том, что это явление было связано в большей степени с экономическими, нежели моральными факторами. Объяснение этому Линдси видел в стремлении женщин к материальному комфорту, более высокому уровню жизни, следовании общественным тенденциям, которые все более абстрагировались от пола.

Несколько иную точку зрения высказал профессор социального факультета философии Роберт Макдугалл [Ibid.]. Среди факторов, влиявших на изменение положения женщин, в первую очередь он выделял философию индивидуализма, становившейся все более популярной. Макдугалл подчеркивал, что молодежь была слишком увлечена борьбой за индивидуальность действий, и это существенно влияло на восприятие брака в обществе.

Подводя аналитический итог содержанию статьи Дороти Дюкас, стоит отметить, что изменение отношения женщин к браку и семье становится очевидным. Согласно приведенной статистике, женщины в конце 1920-х гг. все чаще стремились выйти из брака первыми и отнюдь не хотели вступать в семейные отношения так часто, как раньше. В статье предложен взгляд, который основан на приписывании «вины» женщинам за их социально-экономическую свободу, а также свободу выбора и индивидуализм.

Употребление слова «вина» обусловлено мнением, объединяющим всех экспертов, о том, что приведенная динамика количества браков, разводов – это большая проблема, которая требовала незамедлительных решений для стабилизации и возвращения к прежним показателям. Неизбежные социальные изменения сталкивались с привычным пониманием необходимости брака, его главенствующей роли, порождая как конфликты в общественной сфере, так и противоречия в сознании людей.

Кроме того, важно рассмотреть заметку Н. Т. Росс в одной из крупных газет 1920-х гг. штата Джорджия, «The Atlanta Constitution» под заголовком «Материнство – истинная миссия женщины» [Motherhood True Mission..., 1926]. Нелли Тейло Росс – американский политический деятель, губернатор штата Вайоминг с 1925 по 1927 гг., высказавшая свое мнение по поводу истинного предназначения женщин, а также давшая характеристику их тогдашнему положению. Она считала, что высшее достижение женщины – это брак и материнство, те сферы, в которых каждая из них сможет полностью себя реализовать. Деловой мир, карьера, общественная жизнь – это пространство, которое не может быть доступно для женских амбиций, поле для деятельности женщин должно быть четко разграничено. Вместе с тем Росс обратила внимание и на новые женские возможности, доступные им свободы, способствовавшие интел-

лектуальному, духовному развитию, а также усилению физической привлекательности. К примеру, она подчеркивала, что современное платье 1920-х гг. стало намного удобнее: оно демонстрировало грацию и «улучшало здоровье» [Ibid.]. Говоря о положении женщины, Росс отмечала отсутствие ограничений на пути к прогрессу и счастью девушек, высказывая мысль о том, что никакая карьера не может полностью удовлетворить женщину так, как семья и материнство. Политик высказала опасения по поводу крайности общества в либерализации взглядов, которые предполагали излишнюю независимость женщин, их чрезмерную свободу и право выбора. В свою очередь под «истинной свободой» сама Росс подразумевала не что иное, как «способ улучшения и развития типа женственности» [Ibid.].

Взгляды Нелли Росс выражали нараставшие в обществе противоречия. С одной стороны, в сознании людей 1920-х гг. женщина была женой и матерью, которая не могла иметь иных социальных ролей. С другой, в связи с общественным развитием женщинам, готовым к принятию идей свободы и независимости, предоставлялось все больше возможностей. Определяя свои взгляды как «старомодные», Росс понимала их консервативность и неактуальность, поскольку стремления и желания женщин очевидно изменились [Ibid.]. При этом интересен тот факт, что Росс была политическим деятелем, авторитетным представителем общественных взглядов. Она – первая в США женщина-губернатор, а позднее и директор Монетного двора США с 1933 по 1953 г. Обстоятельства, при которых женщина в обществе получила возможность занять подобные должности, несомненно, говорят о модернизации общественных взглядов.

Американское общество 1920-х гг. пронизывали противоречия: тенденции развития неизбежно сталкивались с консервативным прошлым. Женщины стали стремиться к активной борьбе с укоренившимися устоями, все меньше соглашаясь с приписываемыми ранее ролями. В 1920–1930-е гг. закладывались определенные шаги к свободе и независимости женщин, но все это по-прежнему оставалось чем-то больше желаемым, нежели уже осуществимым.

В период 1920–1930-е гг. особенно важной и популярной темой для дискуссий в американском обществе стал контроль рождаемости. Вопрос о праве женщины выбирать, иметь детей или нет, социальные аспекты института семьи, глобальный контроль демографии в целом представляли повышенный интерес.

В 1929 г. в одном из литературных журналов США вышла статья под названием «Два женских взгляда на контроль за рождаемостью» [Two Women's Views..., 1929]. Ее содержание можно разделить на две части, каждая из которых демонстрировала довольно популярное женское мнение в этом вопросе.

Первая часть отразила взгляды Марджори Уэллс, жены писателя Дональда Ф. Роуза. Уэллс, акцентируя наступивший период женской эмансипации, отмечала свою «старомодность». Она, будучи многодетной матерью, говорила об ошибочном представлении большой семьи как опасной и нежелательной. В ее понимании дети являлись не столько «обузой», сколько «активами», которые способствовали развитию семейных ценностей. Вместе с тем Уэллс четко осознавала, что мир действительно полон проблем в связи с неограниченной рождаемостью, но полагала, что вопрос регулирования рождаемости не может быть закреплен на законодательном уровне. По мнению Марджори Уэллс, потенциальное наличие подобного ограничения лишало бы осознанных родителей права на свободу, которую они должны иметь [Ibid.].

Мнение Уэллс, которое можно назвать консервативным подходом к решению вопроса об абортах, было довольно популярно в Америке 1920-х гг.

Однако в статье был представлен и другой взгляд – Маргарэт Сэнгер, американской писательницы, активистки, сторонницы пропаганды контрацепции, которая внесла существенный вклад в историю контроля над рождаемостью в США.

Сэнгер отмечала, что биологическая способность женщины родить большое количество детей отнюдь не является привилегией или достижением. Она подчеркивала, что контроль рождаемости необходим в любом случае, даже тогда, когда организм женщины может выносить и родить много детей. Активистка выделила несколько факторов, которые должны влиять на женщину во время ее принятия решения быть многодетной матерью. В частности, она обратила внимание на будущую «необходимость расставания» со своими детьми, восстановление физических сил, нормализацию психологического благополучия, а также возможность дать каждому ребенку достойный старт в жизни. Сэнгер акцентировала растущую стоимость родов и жизни в целом, подводя к мысли о том, что большая семья – это привилегия богатого класса. Кроме того, она затронула еще одну глобальную демографическую проблему – заселение континента. Ее прогрессивное мнение о том, что общество переросло определенную стадию в своем развитии и больше не нуждалось в обогащении простыми цифрами, определяло нарастающую тенденцию новых социальных ценностей, в категорию которых больше не входило количество [Ibid. P. 11].

Обращаясь к статистике, отметим: согласно переписи населения США, за 1910–1920-е гг. численность населения Америки увеличилась на 15,15%, в следующем десятилетии этот показатель стал немного выше и составлял 15,96%. В среднем, американская семья состояла из пяти человек: родители и трое де-

тей, и многодетные семьи оставались распространенным явлением. Несмотря на это, женская эмансипация все же способствовала относительному снижению рождаемости. Процент рождаемости в 1900 г. составил 32,3%, в 1910 г. – 31,1%, в 1920 г. этот показатель стал еще ниже и достиг к 1930 г. 21,3 %. Прирост населения в этот период был обусловлен больше экономическими, социальными и другими демографическими факторами: повышением уровня жизни, улучшением медицинского обслуживания и питания, сокращением детской смертности [Кастн, 2008].

Маргарет Сэнгер – наиболее яркая фигура в 1920-х гг. США в области борьбы за женские права. В этом аспекте следует особо обратить внимание на ее работы «Нет здоровой расы без контроля над рождаемостью» (март 1921 г.) [Sanger, 1921] и «Ошибка женщины и ее долг» (август 1921 г.) [Sanger, 1921].

В первой из них Сэнгер выделила несколько обязательных факторов для будущей матери, чтобы ее потомство было здоровым. Она подчеркнула физическое здоровье, необходимые занятия спортом, обретение настоящей красоты, заключающейся в жизненной силе и заботе о себе. Такими же необходимыми условиями материнства, по мнению активистки, являлись интеллектуальное и духовное развитие, а также потребность женщин в отдыхе. Сэнгер отмечала, что материнство прежде всего должно быть здоровым и разумным, чтобы сохранить и обеспечить существование расы. Социальные бедствия, проблемы, которые связаны с неограниченной рождаемостью, действительно имели глобальный характер, по мнению Сэнгер, поэтому она непременно призывала осознанных матерей помогать менее «удачливым и непросвещенным» [Sanger, 1921]. Иными словами, в своей работе автор обратила внимание на масштаб существующих проблем в связи с отсутствием должного уровня контроля за рождаемостью, выделила необходимые составляющие образа жизни женщины для здорового материнства, а также определила некоторые шаги к решению важной проблемы. Ее суждения сводились к тому, что более глубокое понимание и практика планируемого родительства, благодаря применению мер контрацепции, предписанных врачами, сможет стать гарантом рождения большего количества сильных и здоровых детей, которые способны приспособиться к жизни лучшим образом.

Работа Маргарет Сэнгер «Ошибка женщины и ее долг» была посвящена вопросу контроля рождаемости. Автор выделила роль женщины, важность которой не была осознана в полной мере. Она осудила женщин за принятие ими своего низшего статуса, статуса подчинения. Пассивность женщины приравнивалась к невежественной покорности. Однако писательница отметила, что по-

ложение к 1920-м гг. все же изменилось. В контроле рождаемости она видела женское стремление к полной свободе, а также возможность «искоренить зло, которое она [женщина] сотворила своим подчинением» [Ibid.]. Интересен тезис о том, что именно женщина виновна во многих глобальных бедствиях: «...война, голод, нищета и угнетение рабочих будут продолжаться, пока женщина делает жизнь дешевой. Они прекратятся только тогда, когда она ограничит свою репродуктивность, и человеческая жизнь больше не будет потрачена впустую» [Ibid.]. Сэнгер называла первым решительным шагом к свободе женщины контроль над рождаемостью, добровольное материнство. Говоря о том, что именно женщина, ее возможности и осознанность могут решить социальные проблемы, она подчеркивала значительную женскую роль в обществе.

16 октября 1916 г. Маргарет Сэнгер открыла первую клинику по контролю над рождаемостью в США. Эта клиника находилась в районе Браунсвилла в Бруклине. Жители Браунсвилла были в основном иммигрантами из рабочего класса, социально-экономической группой, которая, по мнению Сэнгер, была более всего уязвима в этом вопросе. В день открытия клинику посетили 140 женщин. Усилия Маргарет оказались успешны. Позднее активистка основала Американскую лигу контроля над рождаемостью (1921 г.) и Бюро клинических исследований (1923 г.).

Подводя итог характеристике семейных и гендерных аспектов периода 1920-х гг., стоит отметить следующее: во-первых, изменилось соотношение браков и разводов: согласно статистике, в 1920 г. на 12 заключаемых браков приходилось 2 развода, в 1925 г. это соотношение определялось как 5/1, а в 1930 г. 2 из 9 браков заканчивались разводом. Таким образом, семьи стали распадаться чаще, а количество заключаемых браков снижалось. Отметим, что две трети разводов происходили по желанию женщины. Во-вторых, на положение женщин в семье повлияло все большее стремление к карьерному росту, освоению новых социальных ролей, материнство перестало быть единственным полем для реализации женского потенциала. В-третьих, для женщин открывалось намного больше возможностей для трудоустройства: согласно статистике, еще до периода «великой депрессии» замужние женщины чаще всего осваивали канцелярские профессии, а за период 1930–1940 гг. число женщин в объеме рабочей силы увеличилось почти на 50%. В-четвертых, общество все больше обращало внимание на вопросы, непосредственно касавшиеся женщин и их положения, о чем говорит подробное освещение общественных дискуссий и мнений в СМИ. В-пятых, стоит упомянуть процесс женской эмансипации, который вы-

ражался в актуализации «свободного материнства» в установлении контроля за рождаемостью.

Кроме того, в своих работах авторы Р. Дениэл [*Daniel*, 1987] и К. Деглер [*Degler*, 1980] также подчеркивают мысль о том, что в 1920-е гг. произошли демократические изменения в отношениях полов, в положении женщины, в восприятии семьи и брака. Период «ревущих двадцатых» был ознаменован и первой в истории Америки XX века сексуальной революцией.

Однако анализ приведенных источников позволяет сделать вывод о том, что восприятие женской роли в американском массовом сознании 1920-х гг. не было однородным, скорее оно характеризовалось определенной вариативностью. Прогрессивные мнения поддерживали женщин в их стремлении к эмансипации, более консервативные предпочитали игнорировать окружающие социальные изменения, представляя женщину в первую очередь как жену и мать. Вместе с тем, многие женщины уже были готовы к идеям независимости и свободы, о чем свидетельствует немало фактов и нарастающее количество общественных дискуссий.

Таким образом, период 1920-х гг. характеризовался социальными переменами, модернизацией общественных взглядов большинства в контексте возможных женских ролей, постепенным развитием процесса становления нового типа семьи.

Библиографический список

1. *Каспи А.* Повседневная жизнь Соединенных Штатов в эпоху процветания и «сухого закона», 1919–1929 / пер. с фр. Л. Матяш. М.: Молодая гвардия, 2008. 329 с.

2. *Любимова С. А.* Формирование стереотипного образа современной женщины в американском рекламном дискурсе 20-х годов прошлого века // *ScienceRise*. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-stereotipnogo-obraza-sovremennoy-zhenschiny-v-amerikanskom-reklamnom-diskurse-20-h-godov-proshlogo-veka> (дата обращения: 22.05.2023).

3. *Сидорук Е. М.* Социокультурные аспекты развития американского общества в 1918–1929 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2005. 24 с.

4. *Daniel R.* American Women in the 20th century. The Festival of Life. San-Diego, 1987. 478 p.

5. *Degler C.* At Odds. Women and the Family in America from the Revolution to the Present. New York: Oxford University Press, 1980. 527 p.

6. *Ducas D.* Women's economic freedom blamed in marriage decline // New York Evening Post Magazine. 1929. January. P. 10. URL: <http://americainclass.org/sources/becomingmodern/modernity/text2/colcommentarymodernwoman.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

7. Motherhood True Mission of Woman, Says Nellie Ross // The Atlanta Constitution Magazine. 1926. March. P. 9. URL: <http://americainclass.org/sources/becomingmodern/modernity/text2/colcommentarymodernwoman.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

8. *Sanger M.* No Healthy Race without Birth Control // The Margaret Sanger Papers Project. 1921. March. URL: <https://sanger.hosting.nyu.edu/documents/selected/> (дата обращения: 10.03.2023).

9. *Sanger M.* Woman's Error and Her Debt // The Margaret Sanger Papers Project. 1921. August. URL: <https://sanger.hosting.nyu.edu/documents/selected/> (дата обращения: 10.03.2023).

10. Two Women's Views on Birth Control // North American Review Magazine. 1929. March-May. P. 11. URL: <http://americainclass.org/sources/becomingmodern/modernity/text2/colcommentarymodernwoman.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

THE AMERICAN FAMILY IN THE 1920S: EVOLVING GENDER ROLES AND PUBLIC DEBATE

Tikhomirova Alexandra A.

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia

tikhomirovatt@mail.ru

***Abstract.** The perception of the gender role of the woman, the white American woman, due to the influence of social changes and socio-economic changes of the 1920s was characterized by inconsistencies in the mass consciousness. On the one hand, society continued to uphold conservative positions within the framework of family and marriage relations, attributing to women primarily the roles of mother, wife, and hostess. On the other hand, women's awareness of the possibilities and mastery of new social models forced them to prove to society their right to occupy a different position in society. The era of the 1920s in the USA was characterized by the process of women's emancipation, which was expressed in the increase in the number of working women, the growing career aspirations and new professions among women, the actualization of the concept of "free motherhood", the democratization of the sexes, the perception of family and marriage in general.*

***Key words:** the American family; the age of prosperity; women's gender roles; birth control; women's emancipation.*

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ DIGITAL HUMANITIES

УДК 930

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЗЕМСКИХ ВРАЧЕЙ И ВНЕШКОЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ¹

Белова Александра Максимовна

Конюхова Татьяна Алексеевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38,

ambelova_2@edu.hse.ru

takonyukhova@edu.hse.ru

***Аннотация.** Земские служащие играли важную роль в просвещении и образовании народа. Пермское земство приглашало специалистов из различных областей, которые выполняли квалифицированную просветительскую работу. Для анализа земских служащих в Пермской губернии и создания их коллективного портрета в рамках данного исследования спроектирована просопографическая база данных «Третий элемент». Она содержит информацию о личностях земских служащих, уровне их образования, сословии, роде деятельности и периоде сотрудничества с земствами. На данный момент база данных содержит информацию по двум категориям служащих – земским врачам и сотрудникам земских музеев. Поиск персональной информации о земских служащих проведен в различных источниках, таких как адрес-календари Пермской губернии, журналы земских собраний, отчеты по рассматриваемым направлениям земской деятельности, формулярные списки врачей и других категорий земских служащих, а также в периодических изданиях.*

***Ключевые слова:** база данных; земства; Пермская губерния; земские служащие; «третий элемент».*

Изучение истории и деятельности земских учреждений, в том числе на материале различных регионов, и на сегодняшний день является одним из актуальных направлений исследований. Земская реформа 1864 года предполагала создание выборных органов местного самоуправления, которые к началу

© Белова А. М., Конюхова Т. А., 2024

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№23-00-030 «Третий элемент» в Пермском земстве: социокультурный облик и деятельность (1870-1918 гг.)) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)»

XX века проделали большую работу среди населения в области народного образования, просвещения, медицины, безопасности и др.

Открытие земств в различных регионах Российской империи происходило постепенно, их деятельность также развивалась неравномерно. В Пермской губернии уездные земства были созданы в начале – середине 1870 года, Пермское губернское земство было учреждено 21 июня 1870 года. Это стало началом просветительской деятельности среди населения в нашем регионе, осуществляемой земствами.

В целом, систему земского самоуправления можно рассматривать как совокупность следующих основных элементов: правительственный и административный аппарат, выборные земские гласные и служащие по найму – «третий элемент». Если деятельность и социокультурный состав губернаторов и гласных рассматриваются подробно, то роль третьего элемента не раскрыта полностью и отходит на дальний план в оценке земской деятельности. Тем не менее, земские служащие играли важную роль в просвещении и образовании народа.

«Третий элемент» был одной из многочисленных категорий служащих. По данным Н.М. Пирумовой, к началу XX в. на службе в земских учреждениях состояло более 26000 человек [Пирумова, 1980]. Для организации и проведения культурно-просветительских мероприятий (например, народных чтений или лекций по ветеринарии) и работы на постоянной основе в земских учреждениях (земских библиотеках, больницах и др.) Пермское земство приглашало специалистов из различных областей – врачей, агрономов, статистиков и иных служащих по найму, которые выполняли квалифицированную работу.

Параллельно с выполнением основных должностных обязанностей земские служащие вели просветительскую деятельность. Земские учителя и так называемые «внешкольники» проводили повторительно-дополнительные и воскресные курсы для взрослых, организовывали лекции и народные чтения. Деятельность была направлена на все слои населения, поэтому земства проводили просветительскую деятельность по всей губернии. Например, в Чердынском уездном земстве появились различные культурные инновации, включавшие в себя и народные чтения, и библиотеки, и создание театров и курсов при них. Появился даже личный передвижной кинематограф, функционирующий по всему уезду и за его пределами. В целом, Чердынский уезд был самым первым среди других территорий Пермской губернии, осуществившим нововведения. Например, в 1901 году при земской управе был открыт свой музей, в то время как земские музеи появились лишь в 1910-х годах [Протасова и др.,

2016]. В 1910-х годах стала развиваться музейная сеть по всей губернии, соответственно, увеличивалось и количество служащих в учреждениях.

Для анализа земских служащих в Пермской губернии и создания их коллективного портрета нами была спроектирована просопографическая база данных «Третий элемент». На данный момент введена информация по двум категориям служащим – земским врачам и сотрудникам земских музеев. Останемся на описании базы данных подробнее.

На основе журналов губернского и уездных земских собраний, докладов к ним, отчетов съездов земских служащих-врачей, номенклатурных списков и других источников была спроектирована база данных «Третий элемент». База данных содержит в себе несколько сущностей: служащие, учреждения, земства, источники, литература. Они включают в себя различные атрибуты. К примеру, таблица «Служащие» содержит следующие атрибуты: ФИО, пол, год рождения, категория, должность, специализация, годы службы, учреждение, источники, литература и т.д. В таблице «Учреждения» представлены такие атрибуты, как наименование (например, школьное бюро или отдел народного образования), отношение к определенному земству, населенный пункт и др.

Между сущностями также были настроены связи, в основном, это связи «многие ко многим», так как один служащий мог одновременно служить и в Александровской больнице, и подрабатывать в психиатрической больнице, или же обслуживать два различных участка в уездном земстве.

За время тестового составления базы данных было внесено 254 личности [Черноухов, 2020]. Из них к медицине причастны 238 человек, к «внешкольникам» – 16 человек. В процессе изучения источников и литературы были выделены категории врачей, санитарных врачей, ветеринарных врачей, ветеринарных фельдшеров, фельдшеров и акушеров. Во «внешкольниках» были задействованы библиотекари и заведующие отделами. По итоговой таблице в базе данных оказалось 240 мужчин и 14 женщин.

Таким образом, в ходе исследования можно составить портрет земского врача. Зачастую это ординатор или терапевт мужского пола, служащий в Александровской больнице, подрабатывающий в психиатрической больнице. Дальнейшее развитие базы данных способствует созданию полного образа земского работника различных категорий. С работниками – «внешкольниками» из-за недостатка информации было сложно проводить какие-либо сравнения, так как был довольно сильный разброс в выборке. Все рабочие служили в разных уездах губернии, занимали разные должности: от простого библиотекаря до заведующе-

го отделом и его заместителя. Для полноценного создания портрета внешкольника стоит увеличить количество используемых категорий и источников.

В начале исследования нами был осуществлен анализ источников, содержащих информацию о медицинских кадрах, таких как журналы заседаний, журналы Пермского губернского собрания. Затем следовала разработка структуры базы данных. Нами были определены сущности и атрибуты, которые в дальнейшем были использованы для анализа категории медицинских служащих. Далее проводился ввод данных в базу. После того информация была занесена в базу, был проведен анализ данных и формирование промежуточных отчетов. Был сделан вывод по имеющейся информации: средний возраст медицинского работника составлял 59 лет; самыми часто занимаемыми должностями были: хирург, терапевт, санитарный врач, сифилидолог, ординатор, акушер. Помимо этого, служащие работали в большинстве случаев сразу в нескольких учреждениях, так как занимали должности не на полный рабочий день.

В дальнейшем база будет пополнена ветеринарными врачами, ветеринарными фельдшерами и врачами психиатрами. Таким образом, создание базы данных для изучения различных категорий медицинских служащих является сложным процессом, который требует тщательной подготовки и выполнения ряда этапов. Однако такая база данных может стать важным инструментом для изучения земских врачей и земской медицины в целом.

Исследование проводится в рамках деятельности научно-учебной группы по изучению роли «Третьего элемента» в Пермской губернии. Результаты проведенной работы являются неполными, так как работа проектной группы продолжается. Предполагается, что при дальнейших исследованиях итоги работы могут быть изменены. Помимо этого, в дальнейшем данная база данных будет использована как основа для составления коллективного портрета служащих всех категорий третьего элемента, и, соответственно, расширится. Кроме врачей в коллективном портрете будут отражены пожарные, учителя, представители различных отделов и представители внешкольной деятельности.

Библиографический список

1. Журналы Пермского Губернского Земского Собрания. Пермь, 1870; 1872; 1886; 1890.
2. На Западном Урале. Выпуск четвертый. Пермь: Пермское книжное издательство, 1964. С. 185–191.
3. *Пирумова Н. М.* Списки земских служащих конца XIX-нач. XX вв. // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1980. С. 110–122.

4. Протасова Е. В., Шишигина Е. Г. Культурно-просветительская деятельность чердынского уездного земства Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков // Культура. Духовность. Общество. 2016. №27. С. 63–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelskaya-deyatelnost-cherdynskogo-uezdnogo-zemstva-permskoy-gubernii-na-rubezhe-xix-xx-vekov/viewer> (дата обращения: 10.03.2023).

5. Труды X-го съезда врачей и представителей земств Пермской губернии (20-29 мая 1910 года). Ч. 1: Журналы заседаний и заключения комиссий съезда. 221 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1881208/ (дата обращения: 10.03.2023)

6. Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2020. 253 с.

PROSOPOGRAPHIC DATABASE OF ZEMSTVO EMPLOYEES OF PERM PROVINCE: A COLLECTIVE PORTRAIT OF ZEMSTVO DOCTORS AND EXTRACURRICULAR WORKERS

*Belova Aleksandra M.,
Konyukhova Tatiana A.*
High School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia,
ambelova_2@edu.hse.ru
takonyukhova@edu.hse.ru

Abstract. *The Zemstvo reform of 1864 opened up opportunities for the creation of institutions at the local level concerning the life of the population. They did not have political rights, but replaced the administrative authorities in the regions of the country. Thanks to the zemstvo reform, the first institution of this type was opened in Perm province in 1870. Zemstvo officials played an important role in the enlightenment and education of the people. The Perm Zemstvo invited specialists from various fields who performed qualified educational work. To analyze the zemstvo employees in the Perm province and create their collective portrait, we designed a prosopographic database “The Third Element”, which includes various attributes. It presents information about the personalities of workers, their level of education, class, type of activity and the period of cooperation with zemstvos. At the moment, a test input of information has been carried out for two categories of employees – zemstvo doctors and employees of zemstvo museums. The search for personal information about zemstvo employees was carried out in various sources, such as address calendars of the Perm province, journals of zemstvo meetings, reports on the areas of zemstvo activity under consideration, formulary lists of doctors, etc. categories of zemstvo employees, as well as in periodicals.*

Key words: *database; zemstvo; Perm province; employees; “the third element”.*

**ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ СКВОЗЬ ИЛЛЮЗИЮ ПРОШЛОГО.
ФЕНОМЕН НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ДИСКУРСЕ
ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹**

Оборин Даниил Игоревич

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
ob-daniil@yandex.ru

***Аннотация.** Визуальные источники, особенно фото- и кинодокументы, в исторических исследованиях получают все большее внимание. Позволяя применить метод опосредованного наблюдения, они, в то же время, могут быть сфальсифицированы. До недавнего времени процесс верификации таких источников по большей части не представлял никаких проблем. Однако с появлением нейронных сетей, которые могут создавать фотографии практически неотличимыми от реальных, появляется и проблема анализа визуальных источников. В статье представлена попытка дать теоретическое определение места нейронных сетей в сфере исторических исследований, рассмотрены проблемы использования визуальных источников, способы создания фальшивых изображений с помощью некоторых генеративных сетей, проблематика их верификации и использования результатов моделирования.*

***Ключевые слова:** нейросеть; визуальный источник; историческая подлинность; фотодокументы; источниковедение; визуальный поворот.*

Визуальные источники занимают особое место в пантеоне источников исторического исследования. Являясь прямой фиксацией прошлого, если мы говорим о кино- и фотодокументах, или же попыткой отображения действительности в каком-либо образе, они остаются второстепенными и дополнительными по отношению к материальным и текстовым источникам. Однако в работах исследователей, особенно в последнее время, заметна тенденция подчеркивать перспективность визуальных источников для изучения и построения на их основе самостоятельного исследования [Кочухова, Трофимов, Воробьёва, Клинова, 2022, с. 160]. Появление таких специфических направлений для гуманитарной сферы как, например, трехмерное моделирование объектов прошлого и виртуальная реконструкция исторической среды, которые практически невозможны без использования визуальных источников, свидетельствуют об этом. Развитие в том же направлении музейной, архивной и экспозиционной деятель-

ности, в результате которой редкие, частные, труднодоступные коллекции фотографий, открыток, картин, гравюр и прочих изобразительных источников оказываются в открытом доступе [Карагодин, 2022], свидетельствует о завершении визуального поворота и о перестройке технологий исторического познания [Мазур, 2015].

Визуальный поворот – это обнаруживающееся нарушение устоявшихся отношений визуального и вербального в общественной жизни в пользу визуального [Маслов, 2019]. Зародившись приблизительно во второй половине XX века, к 80-м гг. этот подход оформляется в концепцию, главной идеей которой является попытка взглянуть на исторические события с точки зрения визуального восприятия [Колодий, Колодий, 2010]. На первый план выходит понятие «образа», происходит появление визуальных документов в историческом познании. Также отдельные авторы по-разному выделяют особый этап визуального поворота – «цифровой поворот» [Карагодин, 2022], или «третий визуальный поворот» [Склярова, 2017], суть которого, однако, заключается в появлении и распространении изучения гуманитарного знания с помощью цифровых технологий, включая технологии виртуальной реальности. Быстрое развитие Интернета как площадки, где, с одной стороны, пользователи могут бесконтрольно загружать, копировать, создавать и изменять данные, которых с каждым годом становится на 30% больше, с другой, можно обмениваться данными и тем самым развивать научные исследования, меняет и технологические возможности работы с информацией [Бородкин, 2019]. Архивы и музеи начинают оцифровывать свои коллекции, подменяя оригинальный материальный объект его копией, повсеместно создаются базы данных и историко-ориентированные тематические сайты для систематизации и обмена обеспечения доступности информации [Бородкин, 2006]. С новой силой возникает проблема верификации исторических источников. Появление инструмента, который способен за секунды создавать поддельные визуальные источники, является негативным последствием такого смещения гуманитарных наук и технологического прогресса.

Поэтому цель данной работы – проанализировать возможности некоторых генеративных нейронных сетей формировать достоверные изображения, дать оценку их потенциалу в исторических исследованиях. Соответственно, в данной работе феномен генеративных нейросетей понимается как часть визуального поворота, а именно, как инструмент создания таких визуальных источников, которые могут, во-первых, абсолютно точно имитировать реальные изображения, во-вторых, создавать устойчивый образ в сознании смотрящего.

В таком случае возникает проблема запечатления событий, которых не было в действительности.

На данный момент в связи с тем, что начало массового использования генеративных нейросетей пришлось на вторую половину 2022 г., не существует работ, посвященных проблеме созданных фальшивых фотографий в контексте гуманитарных и, особенно, исторических исследований.

Под визуальным источником в данной статье понимается не столько общее понятие, приведенное, например, В. В. Алексеевым [Алексеев, 2019], а скорее «исторический источник, в котором информация зафиксирована в качестве изображения» [Качемцева, 2022]. Согласно этому определению, а также логике исследования, примером такого источника является фотография, под которой понимается статичное изображение, полученное с помощью различных технических средств, а также источник информации либо об объекте, ею зафиксированном, либо об ее создателе.

За последние несколько месяцев значительно возросло, как и количество новостей, появившихся в результате создания фальшивых фотографий, так и их «вирусность». Так, 19 марта 2023 года появились фальшивые фотографии ареста 45 президента США Дональда Трампа. Это событие интересно в связи с тем, что через некоторое время данные фотографии получили широкое распространение и департамент полиции Нью-Йорка был вынужден сделать официальное заявление о том, что «Дональд Трамп не был взят под стражу сотрудниками правоохранительных органов, и любые изображения или сообщения об обратном являются ложными и не должны распространяться» [Fake AI Images Circulate...]. Кроме того, 22 мая 2023 г. многие американские новостные издания начали распространять утверждение о том, что фотография задымления около здания Пентагона фальшивая [Fake Image Of Explosion...]. Стоит учитывать, что в центре внимания новостей были известные личности и публичные места, что не помешало ввести в заблуждение обывателей. Важно отметить, что в обоих случаях опровержение официальных лиц и агентств лишь увеличивало количество людей, вовлеченных в ситуацию, и в сознании которых останется образ арестованного Трампа и дыма около здания Пентагона.

Такое распространение данных в свою очередь полезно нейросетям, т.к. наиболее передовые из них используют технологию машинного обучения на основе больших баз данных для построения оригинальных изображений [Pioneering research...]. В таком случае маркирование их как «искусственный интеллект» неверно, поскольку идея образа всегда принадлежит человеку. Выделяются следующие, наиболее функциональные генеративные нейронные сети:

«DALL-E 2» – это программа, созданная командой разработчиков «OpenAI», которая создает изображения на основе текстовых описаний. Используя более 10 миллиардов параметров, программа способна интерпретировать входные данные естественного языка и генерировать соответствующее изображение [Ibid.].

«Midjourney» – инструмент, который генерирует изображения по подсказкам пользователя. «Midjourney» умеет адаптировать существующие художественные стили для создания изображения с любой комбинацией вещей, которую предлагает пользователь. Инструмент отлично справляется с созданием окружения, особенно фантастических и научно-фантастических сцен. Главный недостаток этой нейросети связан с ее невероятным успехом у многих пользователей: основатель проекта Дэвид Хольц объявил, что прекращает бесплатное пользование программой в количестве 25 попыток из-за «чрезвычайного спроса и злоупотребления», которые привели к опасности создания выглядящих достоверно неуместных фотографий известных личностей [Engadget].

«Stable Diffusion» – это модель с открытым исходным кодом, доступная каждому. Инструмент имеет относительно хороший банк данных современной художественной иллюстрации и может создавать высокодетализированные работы. Однако «Stable Diffusion» нуждается в интерпретации сложного исходного задания.

На примере приведенных выше случаев можно сделать довольно вывод о том, что чем известнее место, событие, персона и больше источников информации об объекте существует, тем сложнее создать достоверную подмену. Уже на этапе сопоставления различных типов источников будет заметно различие между ними. Следовательно, на этой степени развития генеративной технологии логичнее фокусировать свое внимание на объектах, которые не входят в область хорошо отображенных в источниках. Направление, наиболее «подходящее» для фальсификации, на мой взгляд, лежит на стыке микроистории и трехмерного исторического моделирования. Микроистория как специфическая сфера научного интереса лежит в изучении жизни «маленького человека», того, кто остается за границами глобального хода времени, но иногда, конечно, может сказать свое веское слово. Появление фотографии и ее распространение дало возможность оставить в истории след тем, кто могут остаться известным в истории лишь по сохранившимся личным вещам. Как правило, визуальные источники хранились в личных архивах и частных коллекциях, что позволяет проследить контекст их создания. Однако в результате переноса материалов в виртуальную среду, их оцифровке для удобства исследования, может стать затруднительным изучение истории визуальных документов эпохи. Текстовое описание не позволяет выявить все характеристики объекта моделирования в

отличие от изобразительных и аудио-визуальных источников. Поэтому реконструкции осуществляются, как правило, с опорой на изобразительные источники [Полякова, 2019]. Особенно интересным в контексте этой работы выглядит возможность генерации фотографии не сохранившегося загородного дома для его дальнейшей реставрации в качестве трехмерной модели.

В процессе исследования был использован следующий запрос: «Черно-белая фотография двухэтажной виллы в стиле модерн из коричневого кирпича с колоннами из белого мрамора, серой черепичной крышей, гиперреалистичная, детализированная, фотореалистичная». Наиболее правдоподобный результат (рис.1) удалось достигнуть после добавления определения «черно-белый», так как результаты с цветной колоризацией напоминают скорее акварельные рисунки (рис.2). Однако монохромные фотографии также обладают рядом недостатков, в числе которых:

- хаотично выложенная черепица,
- кривые окна и ставни,
- несоблюдение пропорций,
- отсутствие отражений.

Рис. 1. Пример сгенерированного изображения по запросу

Рис. 2. Пример цветного сгенерированного изображения по запросу

В то же время, каждая вилла выполнена в одном архитектурном стиле без перекосов от этажа к этажу, с единообразием плана оконных и дверных проемов, а также декораций. Важно отметить, что в отличие от цветных результатов черно-белые фотографии при первом изучении создают образ реального объекта и впоследствии показывают свою «иллюзорность».

Главным выводом, который можно сделать после попыток создать фотореалистичные изображения, является тезис о том, что на данный момент невозможно сгенерировать такие результаты, которые можно было бы недобросовестно использовать в качестве визуальных источников для фальсификации исторических исследований. Кроме объективного отсутствия физического оригинала такого изображения, автора, контекста создания, какого-либо совпадения и корреляции с другими источниками по заданной теме и прочих атрибутов источника для его верификации, полученные изображения содержат паттерны, которые при повторном взгляде позволяют увидеть фальшь. Можно сказать, что именно это является «слабым местом» технологии машинного обучения на большом массиве данных в сравнении самостоятельной работой фальсификатора. К таким паттернам можно отнести небольшое размытие снимка, искусственный фон, упомянутые дефекты в самом здании и так далее. Хорошим примером, подтверждающим то, что даже отлично детализированные сфабрикованные фотографии через некоторое время будут определяться все быстрее, является проект «Whichfaceisreal». Целью проекта является возможность позна-

комить пользователя с простотой подделки лица человека, а также помочь распознать эти подделки с первого взгляда на основе сравнения двух случайных лиц [Which face is real]. Но и авторы этого проекта признают, что по прошествии нескольких лет определить подделку будет сложнее.

Таким образом, на данный момент, подобные изображения могут быть использованы либо для создания «новостного шума», либо для создания копий изображения с едва уловимыми отличиями от оригинала. Однако и в последнем случае должно быть создано изображение или фотография уже несуществующего объекта, интересного с позиции проведения микроисторического исследования, для реализации плана или случайного создания достоверной подделки. Все же созданные с помощью нейронных сетей фотографии и изображения, как и другие опубликованные в Интернете данные, можно также рассматривать как самостоятельные источники с точки зрения образа XXI в. [Фокин, 2014]. Изучение созданных людьми объектов и используемых приложений и инструментов может помочь в анализе того, как современники воспринимают окружающую действительность, рефлексируют о происходящих событиях, для чего создают такие уникальные фото. Подобная идея также может показывать принадлежность генеративных нейронных сетей к парадигме визуального поворота.

Учитывая феномен ускорения истории, технический прогресс будет все сильнее менять принципы, методы и технологии исторических исследований. Гуманитарная сфера научной деятельности постепенно включается в парадигму цифровизации и виртуализации общества. Это видно на примере рассмотренных в исследовании нейронных сетей, которые за несколько месяцев прошли путь от нелепых рисунков до фотореалистичных изображений.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В.* Феномен изобразительных источников / визуальных источников: к вопросу о терминологии и классификации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 90-101.

2. *Бородкин Л. И.* Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14–30.

3. *Бородкин Л. И.* Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 147–150.

4. Интернет: // Tadviser: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 05.05.2023).
5. *Карагодин А. В.* Базы визуальных источников в сети интернет: проблемы эвристики (на примере изучения истории Южного берега Крыма начала XX в.) // Историческая информатика. 2022. № 2. С. 1–17. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.2.37923. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37923 (дата обращения: 06.05.2023).
6. *Качемцева А. А.* Разработка определения понятия «графические источники» в аспекте реставрации архитектурного наследия // Приволжский научный журнал. 2022. № 3(63). С. 128–134.
7. *Колодий Н. А., Колодий В. В.* Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-povorot-i-ego-vliyanie-na-sotsialnoe-roznanie> (дата обращения: 12.05.2023).
8. *Кочухова Е. С., Трофимов А. В., Воробьёва М. В., Клинова М. А.* Реконструируя визуальные сообщения эпохи: итоги семинара «Исследовательские "оптики" визуального наследия советской повседневности» // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 1. С. 150–164. URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_150 (дата обращения: 16.04.2023).
9. *Мазур Л. Н.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.
10. *Маслов В. М.* Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39–56. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.12.31335. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31335 (дата обращения: 13.04.2023)
11. *Полякова М. А.* Изобразительные источники в исторической реконструкции утраченных усадебных музейных собраний // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. Г. Голиков. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 162–170.
12. *Склярова В. С.* Визуальные повороты и зрелищная культура: теоретические аспекты и культурные практики // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4 (52). С. 116–121.

13. Фокин А. А. «и100рия»: вызовы и перспективы профессионального исторического сообщества // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. Р. 129–146.

14. Engadget: URL:<https://www.engadget.com/midjourney-ends-free-trials-of-its-ai-image-generator-due-to-extraordinary-abuse-153853905.html> (дата обращения: 17.05.2023)

15. Fake AI Images Circulate Twitter Showing Trump’s Arrest // Altfutures. URL: <https://altfutures.com/fake-ai-images-circulate-twitter-showing-trumps-arrest/> (accessed: 01.01.2023).

16. Fake Image Of Explosion Near Pentagon Went Viral—Even Though It Never Happened // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/brianbushard/2023/05/22/fake-image-of-explosion-near-pentagon-went-viral-even-though-it-never-happened/sh=2162657549a5> (accessed: 24.05.2023).

17. Pioneering research on the path to AGI // OpenAI. URL: <https://openai.com/research/overview> (accessed: 01.01.2023)

18. Which face is real. URL: <https://www.whichfaceisreal.com/> (accessed: 13.04.2023).

LOOKING INTO THE FUTURE THROUGH THE ILLUSION OF THE PAST. THE PHENOMENON OF NEURAL NETWORKS IN THE DISCOURSE OF VISUAL TURN IN HISTORICAL RESEARCH

Oborin Daniil I.

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Alexandra Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russia
ob-daniil@yandex.ru

***Abstract.** Visual sources, especially photo and film documents, are gaining increasing attention in historical research. While they allow the application of indirect observation, they can also be falsified. Until recently, the process of verification of such sources has, for the most part, presented no problems. However, with the advent of neural networks, which can produce photographs virtually indistinguishable from real ones, the problem of analyzing such sources arises. This article attempts to provide a theoretical definition of the place of neural networks in the field of historical research, consider the problems of using visual sources, how to create fake images using some generative networks, the problems of their verification and use of modeling results.*

***Key words:** neural network; visual source; historical authenticity; photographic documents; source science; visual turn.*

ВОСПОМИНАНИЯ О ТРАГЕДИИ ХИРОСИМЫ И ПРОБЛЕМА ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Овчинникова София Алексеевна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
sofiya1866h@gmail.com

***Аннотация.** Развитие цифровых технологий привело к значительным изменениям в сфере общественной памяти. Коммеморация из обычной жизни в современном мире переносится на страницы Всемирной паутины. Несмотря на наличие исследований, посвященных влиянию новых медиа на мемориальную культуру, остается много белых пятен. В данном исследовании, во-первых, были определены возможности и ограничения работы с веб-источниками, а во-вторых, проведен анализ коммеморативных онлайн практик. На этой основе были выявлены проблемы репрезентации воспоминаний в веб-пространстве. Исследование показало, что виртуальная среда сохраняет в себе все привычные способы коммеморации, а также становится платформой для новых, благодаря функции интерактивности. Более того, онлайн-пространство помогает искоренить тишину вокруг неприятных исторических событий. Люди не просто представляют свои истории в Интернете, они делятся с другими людьми. Результаты исследования расширяют знания о возможном потенциале использования веб-источников в работе с памятью.*

***Ключевые слова:** воспоминания; виртуальное пространство; веб-ресурсы; историко-культурное наследие; коммеморация.*

В современном мире представление об общественной памяти проходит через некоторые видоизменения. Было бы ошибочно не учитывать растущую важность новых медиа в формировании современной культуры памяти. Интернет как средство сохранения памяти и дополнения к уже существующим формам увековечения событий заслуживает более пристального внимания. Цифровая эпоха открывает для человека небывалые возможности, благодаря Всемирной паутине он может непосредственно участвовать в создании и формировании исторических нарративов, а также не только сохранять память, но и вкладывать частички своей истории в общую канву. Развитие виртуального пространства стало толчком для появления новых типов репрезентации историко-культурного наследия.

Развитие цифрового пространства сказалось на всем, в том числе и способах сохранения и репрезентации историко-культурного наследия. Так происходит и с трагедией Хиросимы – коммеморация переносится из реальной жизни на страницы Веба.

Чтобы проиллюстрировать достоинства и ограничения электронных ресурсов как средства сбора, сохранения и демонстрации следов прошлого, в статье будут рассмотрены онлайн ресурсы, запечатлевающие трагедию Хиросимы (6 августа 1945 г.). Блоги, интернет-страницы, виртуальные музеи, заархивированные веб-краулером, – они являются новой волной коммеморативных практик.

Веб-архив – это особое хранилище архивированного веба, в котором реализованы возможности доступа к сохраненным материалам [Поврозник, 2020, с. 401]. Перед тем как перейти к работе с веб-ресурсами стоит обратить внимание на особенности анализа интернет-источников, их критику. В работе использованы материалы веб-архива «Wayback Machine» [Internet Archive]. Использование материалов веб-архивов в исторических исследованиях требует проведения внешней и внутренней критики в отношении цифровых источников. Источниковедческая критика связана с анализом способов сохранения источника, что относится к изучению особенностей формирования веб-архивных материалов, а также с исследованием самого источника и информации о нем.

Во-первых, к интернет-источникам стоит всегда относиться с опаской: необходима верификация данных, всегда нужно узнавать, кем ресурс был создан. Во-вторых, нужно определять, какова целевая аудитория ресурса, отсюда и вытекает понимание предназначение ресурса – только так можно интерпретировать полученную информацию. И, наконец, контекстуализация ресурса: помещение его в культурные, исторические, политические рамки. Без этого невозможно провести анализ исследуемого объекта «в отношении естественной среды его бытования, происхождения, условий и обстоятельств, в которых он создавался и функционировал» [Поврозник, 2022, с. 112]. В веб-архиве сайт находится в отрыве от контекста использования, решения определенных задач, что подразумевает необходимость реконструкции контекста существования ресурса.

В веб-архивах можно найти такие ресурсы, посвященные трагедии Хиросимы, как «Hiroshima seen: survivors picture the nuclear age [Hiroshima seen...], «Hiroshima & Nagasaki Remembered» [Hiroshima & Nagasaki Remembered], «The Hiroshima syndrome» [The Hiroshima syndrome], «Hiroshima peace memorial virtual museum» [Hiroshima Peace Memorial Museum] и некоторые блоги людей, посетивших город. Все перечисленные ресурсы запечатлевают бомбардировку

Хиросимы и ее последствия. Они несут в себе функции сохранения и передачи памяти, более того, большинство веб-сайтов позиционируются как образовательные, а также продвигающие свободное от атомной угрозы будущее.

В оффлайн среде люди могут скорбеть, почитать память трагедии, в целом, сохранять память любыми способами, будь то уроки памяти в школе, посещение музеев, мемориальных памятников или же простое предавание воспоминаниям. Виртуальная среда сохраняет в себе все те же способы коммеморации, однако она также и становится платформой для новых видов репрезентации.

Представление воспоминаний в виртуальной среде. Проблемы и возможности

Возможности Интернета по хранению и сортировке, безусловно, полезны для сохранения, организации и связывания огромных объемов данных. Веб-пространство может вместить в себя бесконечные объемы данных. Это одно из главных преимуществ онлайн пространства в целом, помимо возможности участия в наполнении и повсеместной доступности. Несмотря на безграничные, кажется, возможности веба, трагедия Хиросимы не пользуется популярностью среди людей. Эта большая часть исторического прошлого людей не представлена большим количеством онлайн-проектов. В веб-архивах можно найти лишь небольшое количество частных ресурсов, посвященных проблеме. Создается впечатление, что всю работу по сохранению памяти о событии несет Музей мира Хиросимы.

Всемирная паутина неспроста так и называется: пользуясь гиперссылками человеку предстает возможность создать целую сеть перекликающихся между собой веб-страниц. Некогда лежавшие в запасниках бесценные артефакты могут быть опубликованы в Интернете, что помогает коммеморативным практикам. Теперь каждый человек может заняться свободным поиском своего прошлого и идентичности. Благодаря интерактивности практически каждый может также оставить отпечаток в общественной памяти, поделившись изображениями и историями с миллионами других пользователей. Поскольку веб-мемориалы зависят от «совместного производства материалов, доступных в Интернете, разрозненными участниками», «AtomicBombMuseum» [AtomicBombMuseum] и «Hiroshima and Nagasaki Remembered» представляют развернутое повествование произошедших событий. «Hiroshima Archive» [Hiroshima Archive] предлагает истории людей, выживших последствия бомбардировки, «Hiroshima Seen» – фотографии. Таким образом, создается сеть взаимосвязанных ресурсов, которые помогают воссоздать картину событий.

Некоторые ресурсы также («AtomicBombMuseum») дают возможность поделиться своими мыслями. А современные реакции людей, не заставших события 1945 года, можно найти в блогах таких, как «Hiroshima Mon Amour» [Hiroshima Mon Amour] и «Jud a Hiroshima» [Jud a Hiroshima].

В результате этих культурных изменений профессиональные историки, архивисты и музейные кураторы должны приспосабливаться к меняющемуся миру: учитывать и включать различные формы народного самовыражения в «официальный» дискурс памяти [Haskins, 2007, p. 408]. Если роль обычного человека в истории уже давно признана, то возможность каждого открыто делиться со всем миром своей историей через веб-пространство еще довольно нова. Однако при этом работники институций памяти сталкиваются с вызовом своей традиционной роли хранителей общественной памяти. Чтобы оставаться актуальными, они должны соблюдать баланс между желанием учесть как можно больше различных мнений, с одной стороны, и ответственностью с другой стороны; обеспечить общую основу для этого разнообразия. Важным направлением для учреждений хранения является демонстрация экспонатов таким образом, чтобы стимулировать не только зрительский интерес, но и значимое участие – то есть меняется привычное нам предназначение этих институций. Виртуальная реальность дает возможность, в первую очередь, парципаторности, включению людей в формирование музейной идентичности, интерактивности – функциям, которые большинство реальных музеев не может предложить обывателю. Более того, очевидным фактором является тот факт, что виртуальные музеи доступны людям по всему миру, от посещения пользователя отделяет несколько кликов компьютерной мышью. Цифровая среда позволяет объединять людей, живущих за тысячи километров друг от друга, и создавать совершенно новые места, у которых нет аналогов в реальности. И это относится ко всем явлениям онлайн реальности.

Блоггинг можно рассматривать как форму увековечения памяти о себе, а стремление сохранить самые тривиальные детали своего прошлого, каким бы недавним оно ни было, является одним из проявлений современной культуры памяти [Blood, 2000]. Блоги затрагивают и проблемы памяти. Например, на страничке «My last full day in Hiroshima» [Hiroshima Mon Amour] в ленте фотографий можно заметить те, что посвящены бомбардировке города. Сам автор блога, не осознавая, участвует в процессе коммеморации, передает память другим.

Тем не менее, несмотря на разнообразие контента, коллективное авторство и интерактивность обладают потенциалом стимулирования широкого участия общественности в работе с памятью; эти функции работают в тандеме с

более широким культурным контекстом и подвержены ограничениям, специфичным для конкретной среды. Нельзя игнорировать то, что увековечение памяти сегодня происходит в обстановке быстрого устаревания и исчезновения исторического сознания, а большая часть компьютерной коммуникации служит коммерческим и развлекательным целям и что интерактивность может способствовать «нарциссической» амнезии не меньше, чем общественный обмен. Современная «демократизация прошлого» парадоксальным образом вплетена в исчезновение исторического сознания [Haskins, 2007, p.406]. Люди настолько одержимы стремлением запечатлеть все, что какая-либо систематизированность пропадает, что в свою очередь ведет к потере понимания времени.

Другой проблемой является хаотичность коммеморальных практик. Перед историками встает вопрос – на кого падает ответственность за память о прошлом? Каждый человек имеет собственное восприятие, воспоминания. Тем не менее, нельзя не брать во внимание стратегии государственной политики памяти, которые влияют на народные настроения.

В связи с тем, что статья направлена на изучение травмы, связанной с трагедией Хиросимы, необходимо проанализировать политику памяти в Японии. Дело в том, что после Второй мировой войны Япония находилась под жестким политическим контролем. Людям было запрещено всякое проявление публичных или частных практик по сохранению своей памяти. Никто не говорил о произошедшем в Хиросиме [Dower, 1995]. Вероятнее всего, это и повлияло на малое присутствие воспоминаний о прошлом в Вебе сейчас.

Таким образом, пересечение современной культуры памяти и новых медиа-технологий представляет собой смешанный набор возможностей и проблем. С одной стороны, мы имеем огромный потенциал хранения и использования воспоминаний о травматических событиях. Аудитория больше не выступает в роли потребителя линейного нарратива истории – она принимает участие в восприятии, делая выбор, как связать определенные сообщения и изображения, а также реагировать на них. Онлайн-пространство помогает искоренить тишину вокруг неприятных исторических событий. Пользователи не просто представляют свои истории в Интернете, они ими делятся с другими людьми. Однако, с другой стороны, в погоне за документированием каждого шага онлайн теряется и значение происходящего. Изменяется механизм физиологического восприятия. Одержимость людей постоянным документированием своей жизни приводит к тому, что в потоке информации теряется понимание исторического значения событий. «Скорость разрушает пространство. Чем больше

памяти мы храним, тем больше прошлое втягивается в орбиту настоящего, готовое появиться на экране» [Huysse, 1995].

Библиографический список

1. Поврозник Н. Г. Веб-архив как источник для изучения современной истории // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 401–407.

2. Поврозник Н. Г. Веб-история социума и его институтов: учебное пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2022. 156 с.

3. Blood R. Weblogs: A History and Perspective. URL: http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html (дата обращения: 22.05.2023).

4. Dower J. W. The Bombed: Hiroshimas and Nagasakis in Japanese Memory // Diplomatic History. 1995. № 19(2). P. 275–295.

5. Foot K., Barbara W., Sneider S. Web-Based Memorializing after September 11: Toward a Conceptual Framework // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. № 11. P. 72–96.

6. Gillis J. Memory and Identity: A History of a Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 1–24.

7. Haskins E. Between Archive and Participation: Public Memory in a Digital Age // Rhetoric Society Quarterly. 2007. №37(4). P. 401–422.

8. Huysse A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia // New York: Routledge, 1995. 302 p.

MEMORIES OF THE HIROSHIMA TRAGEDY AND THE PROBLEM OF THEIR REPRESENTATION IN VIRTUAL SPACE

Ovchinnikova Sofya A.

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia,

sofiya1866h@gmail.com

Abstract. The development of digital technologies has led to significant changes in the field of public memory. Commemoration from ordinary life in the modern world is transferred to the pages of the Web. Despite the existence of studies on the impact of new media on memorial culture,

there are many blank spots. In this study, firstly, the possibilities and limitations of working with web sources were identified, and, secondly, an analysis of online commemorative practices was carried out. Based on the analysis, the problems of the representation of memories in the Web were identified. The study showed that the virtual environment retains all the usual ways of commemorating, however, it also becomes a platform for new ones, due to the interactivity function. Moreover, the online space helps to erase silence around unpleasant historical events. People don't just post their stories online, they share them with other people. The results of the study expand knowledge about the possible potential of using web-sources in working with memory.

Key words: *memories; virtual environment; web-resources; historical and cultural heritage; commemoration.*

ИСТОРИЯ СССР И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

УДК 930

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ТРУДОВОГО НАРОДА»: СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 ГОДУ

Винник Алексей Андреевич

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
montewar@mail.ru

Аннотация. Вторая половина 1919 г. прошла для Пермской губернии под знаком восстановления советской власти, представленной большевиками или лояльными и подконтрольными ими «беспартийными». В статье поднимается вопрос легитимизации и конструирования образа советской власти после победы над режимом адмирала А.В. Колчака в Пермской губернии. Сделаны выводы об активной эксплуатации праздничной культуры, использовании опыта «белого» террора, активизации убеждающей пропаганды и попытках реализации социальной заботы для продвижения мобилизационного, объединительного сценария власти, включавшего в себя идею мировой революции и миф о борьбе угнетённых против угнетателей среди населения.

Ключевые слова: Гражданская война; Пермская губерния; большевики; советская власть; 1919 год; сценарии власти.

Региональную историю Гражданской войны, в частности, многие её политические аспекты сложно назвать исчерпывающе изученными. Актуальность работы заключается в необходимости более детального изучения локальных событий политической истории Гражданской войны, ранее игнорируемых или конъюнктурно освещаемых советской историографией. Это необходимо для понимания сложности и неоднозначности процессов советского государственного строительства на этапе его формирования.

Процесс установления власти большевиков¹ в Пермской губернии в целом завершился к весне 1918 г. В декабре этого же года, после поражения

© Винник А. А., 2024

¹ В рамках данной работы понятие «власть большевиков» и «советская власть» тождественны. К 1919 г. большевики практически монополизировали Советы на подконтрольной им территории. Однако в целом вопрос о «советской власти», понимании этого термина и эволюции его смыслового наполнения, даже на территории Пермской губернии, требует отдельного исследования.

3-й армии РККА, более чем на полгода большевики были вытеснены из Перми, а весной 1919 г. утратили контроль над Пермской губернией. После активных боевых действий 1918–1919 гг. на территории Пермской губернии летом 1919 г. начинается сложный процесс восстановления институтов власти и её легитимации, осложнявшийся разрухой и хаосом продолжающейся Гражданской войны.

Возвращение большевиков на Урал освещалось в историографии как восстановление советской власти [Горовой, 1950; Андреев, 1951]. В позднесоветскую эпоху язык изложения данных событий отказывается от некоторых штампов сталинской историографии, в центре внимания военная мобилизация против сил Деникина и Колчака, восстановление экономики, боевые действия на севере Пермского края [Капцугович, 1969; Гусельников 1977, с. 133–146; Андреев, Устюгов, 1986, с. 186–211].

Общими чертами многих работ советского периода являлись политически обусловленная необходимость написания исследований через призму классового подхода и хрестоматийность в изложении роли РКП(б) в событиях Гражданской войны.

В постсоветской историографии проблематика исследований существенно расширяется. Работы И. В. Нарского, Ю. Б. Шуваловой, О.С. Поршневой, и многих других авторов затрагивают множество проблем от повседневности населения в период политических потрясений до переосмысления политических практик и взаимоотношения населения и большевиков в Пермской губернии и в целом на Урале [Нарский, 2001, 2017; Шувалова, 2012; Поршнева, 2017; Обухов, 2021].

Более подробный анализ этих и многих других важных работ по ряду проблем Гражданской войны на Урале дан в историографической работе И. В. Скипиной и не требуют подробного рассмотрения [Скипина, 2003].

Отдельно следует выделить работы, посвящённые раннесоветскому празднику, который был политизирован и использовался для легитимации режима и символического обозначения пространства советской власти [von Geldern, 1993; Плаггенборг, 2000; Малышева, 2005; Рольф, 2009].

Можно сделать вывод о том, что современные исследователи касаются данного периода, однако региональная политическая история и, в частности, утверждение советского режима на территории Пермской губернии ограничено попадали в оптику исследователей.

Объектом исследования в данной статье является Гражданская война 1917–1922 гг. Предметом – политическая история Пермской губернии эпохи Гражданской войны.

Цель работы: проанализировать сценарии власти большевиков, используемые ими для конструирования новой социальной реальности в Пермской губернии в 1919 году.

Для изучения политического мифа большевиков, транслируемого в период восстановления своей власти в Пермской губернии 1919 г., я обращаюсь к идеям новой политической истории, в частности к двухтомной работе Р. Уортмана «Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии» [Уортман, 2004]. Освоение новой реальности и взаимодействия изучается через призму конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995].

Источниками работы выступают делопроизводственные документы РКП (б) и советских органов власти, сохранившиеся в фондах Государственного архива Пермского края и Пермского государственного архива социально-политической истории, эго-документы, материалы единственной губернской газеты «Красный Урал». Используемые источники в комплексе позволяют раскрыть изучаемую тему.

Классы для большевиков стали их воображаемым сообществом, таким же воображаемым сообществом стала партия, распространявшая силой и словом власть по всей стране [Фитцпатрик, 2011, с. 41–45]. При этом многие лидеры большевиков не принадлежали к тем классам, от имени которых претендовали на власть, чего нельзя сказать об уральских большевиках, многих из которых были крестьянами и рабочими, находившимися во времена империи внизу социальной иерархии.

Как и в Российской империи, о которой пишет Р. Уортман, театр власти разыгрывался для власти и для населения [Уортман, 2004]. Если в империи это был символический спектакль для придворных, легитимировавший власть связью с варягами, утраченным Римом, Византией, Европой [Там же], то большевики значительно расширили сцену для своего политического театра. Власть утверждалась на идее классовой борьбе угнетённых/угнетателей с претензией на мировую революцию, завоевание власти «рабочим классом» и справедливое будущее для бывших низов общества.

Это суждение подтверждается свидетельством В. Ф. Сивкова, вспоминавшего, как командир их отряда не дал приговоренному к расстрелу полковнику императорской армии отдать приказ о своем расстреле с формулировкой: «Не будет этого, команда перешла к нам!» [Сивков, 1968, с. 203–204].

Кроме ситуаций, вспоминаемых некоторыми большевиками в конце жизни, в которых они репрезентировали символическое получение власти, сценарии для представителей власти, в отличие от торжественных спектаклей импе-

рии, реализовывались на выборах в Советы. На III губернском съезде Советов, в ходе которого избиралась губернская власть, В. Ф. Сивков говорил о необходимости скорее завершить гражданскую войну, восстановить разрушенное хозяйство. Он подчеркивал дихотомию власти «труда» и власти «капитала», делал акцент на уже принесенных жертвах, обозначал контуры позитивного будущего, которое наступит после победы. Сивков апеллировал к жертвам революции и необходимости победы, чтобы они были не напрасны. «После чего звучит Интернационал» [Речь В. Ф. Сивкова... // ГАПК. Ф.р-17. Оп.1. Д.150. Л. 3].

Спектакль власти, наиболее полно разыгранный на III губернском съезде Советов, демонстрировал желаемое единство новой властной группы, обозначившей себя марксистскими категориями в той мере, в которой они их понимали. Стоит отметить, что выборы в уездные Советы проходили по тому же сценарию при участии представителей губернского центра.

Пермские большевики пытались популярно продвигать идеи Маркса М. И. Целищев, председатель Пермского уездного исполкома и главный редактор газеты «Красный Урал» комбинировал революционный и дореволюционный дискурс с религиозными образами. Он писал о проводимом в жизнь лозунге «диктатура пролетариата» апостола социализма Маркса и Красной Армии, несущей на своих штыках освобождение всему человечеству, свободный труд, красоту и вечную счастливую жизнь» [Целищев, 1919, с. 30–31]. Тем самым сложные идеи символически упрощались до символических форм, понятных массовому обывателю.

Из уездных центров местные власти отправляли свои доклады в губком, где они обозначали свои цели: «... сплотить в дружную семью весь пролетариат России» [Доклад в губком... // Ф. 611. Оп. 1. Д. 6. Л.6–6 об.]. Врагами «трудящейся массы» назывались: капиталисты, черносотенцы, буржуазия, и все прихвостни царя, попа и кулака. Нытвенские большевики, утверждали, что идет борьба «желтого интернационала»¹ против «III-го Красного Коммунистического» [Там же].

Существенную роль в конструировании сценария власти играл празднования памятных дат, годовщин, связанных с историей и мифологией новой власти. Праздники были особым временем и пространством, когда население вовлекалось в коллективные действия и приобщалось к дискурсу, транслируемому властью. Для включения населения в политические действия устраивались различные «недели»: Неделя Красной Победы, Партийная неделя и проч.

¹ Так обобщённо называлась социал-демократы, сторонники диалога с капиталистической (буржуазной) системой.

В 1919 г. основным праздником для «Красной» Перми стала вторая годовщина Октябрьской революции.

Во время её празднования по всей губернии, где это было возможно, за день до годовщины, 7 ноября и некоторое время после, разыгрывался «спектакль единства» единства народа и власти. В Перми были организованы колонны (участвовали взрослые и дети) от районов, предприятий общественных и политических, шли к площадям, где перед ними выступали видные большевики (В. Ф. Сивков, Е. М. Ярославский и многие другие). Стараясь выступать как опытные ораторы, в своих речах говорящие акцентировали внимание публики на терроре режима А. В. Колчака, призывали к сплочению, стойкому преодолению разрухи и терпению в переживании трудностей, предлагали мобилизацию всех сил ради справедливого будущего после победы.

Кроме того, в Перми устраивались митинги и спектакли, закрепляющие положительный образ советской власти и демонизировавший её противников. На кладбище Мотовилихи губернские власти отдавали честь павшим за революцию¹.

Уездные города, города-заводы, заводские поселения по мере возможностей организовывали праздничное пространство по примеру Перми, опираясь на ресурсы и изобретательность местных властей и активистов².

На мобилизационных праздниках (партийных неделях, неделе советской пропаганды, неделе красноармейца, субботниках и др.) большевики вовлекали население в трудовые, военные кампании и акции содействия, в рамках которых население сдавало деньги, ценности для помощи властям в решении различных ресурсных и социальных проблем, возникавших из-за продолжающейся Гражданской войны.

Во время празднования таких мероприятий пропагандистский эффект не должен был контрастировать с нуждой и разрухой. Показателен случай Мотовилихи, власти которой для поддержания пропагандистского эффекта потребовали обеспечение продовольствием по потребностям: «Принимая во внимание, что сейчас в Мотовилихе партийная неделя и в тоже время в продовольственных лавках создаются большие очереди – благодаря недостатку хлеба, может создаться неудобное положение, с одной стороны мы будем агитировать, а с другой благодаря недостатку хлеба, наша пропаганда пойдет насмарку, благодаря продовольственного затруднения, постановили: просить губернский про-

¹ Культ «павших героев» революции, популярный еще при Временном правительстве, был унаследован большевиками и активно использовался для мобилизации общества и легитимации власти, на основе памяти о героях, «наших мертвецах», погибших за идеалы революции. См. подробнее: Малышева С. Ю. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М., 2019. С. 94–97.

² Подробнее см. ряд публикаций в газете «Красный Урал» № 106, 107, 108.

довольственный комитет о немедленном удовлетворении завода Мотовилихи [нрзб.] пайком, а также просить содействия у губ исполкома и губ комитета партии» [Протокол №12... // ГАПК. Ф.р–16. Оп. 1. Д. 1. Л. 29].

Субботники также были важным мероприятием, в рамках которого под видом низовых инициатив устанавливалась трудовая повинность, но в то же время были продемонстрированы сомневающимся правильность работы за идею под руководством большевиков, которые были обязаны в них участвовать. В газете в ходе призыва к участию в субботнике делался акцент на разрухе, оставленной белыми, и пропагандировался под лозунгом «Труд спасет страну! Труд победит» [Баранов, 1919, с. 4].

В сельской местности активная деятельность ораторов, подкрепленная ораторскими способностями выступающего, а также испытанным опытом «белого» террора, была одним из эффективных способов продвижения образа советской власти как власти народа и его «подлинной защитницы».

Во второй половине 1919 г. на съездах, сходах и митингах в деревнях и селах большевики утверждали свою власть, прибегая в аргументации к убеждению авторитетом, апеллируя к опыту «белого» террора у населения, но не к спонтанному насилию красногвардейцев, ЧК¹ и вооруженных представителей власти, практиковавшемуся на этапе захвата большевиками власти в 1917–1918 гг. [Выписка из протокола собрания граждан... // (ПермГАСПИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 936. Л. 14].

Крестьян активно убеждали в необходимости объединиться и воевать до победы, восстанавливать разрушенную экономику, сдавать продовольствие, активно участвовать в трудовой мобилизации населения и удовлетворять ресурсные потребности власти. Подобные собрания представляли собой сход или митинг, устроенный организатором от большевиков, который рассказывал о «текущем моменте», постановлениях VIII съезда РКП (б), конституционном устройстве власти. После выступлений присутствующие принимали резолюцию поддержки [Доклад председателя Отдела управления... // ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 936. Л. 13]. Коллективная солидарность демонстрировала лояльность или создавала иллюзию лояльности населения.

В пропаганде нового мира партия использовала агрессивную риторику. Некоторые речевые приёмы могли быть заимствованы у московских коммунистов и распространялись агитаторами в том числе в Пермской губернии. В од-

¹ ЧК – с окрашенное название Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (в источниках и литературе краткая аббревиатура ЧК или ВЧК), действовавшей в годы Революции и Гражданской войны на территории Советской России, которая выполняла роль политической полиции советской власти. На уровне губернии действовали губернские чрезвычайные комиссии (губЧК).

ной из заметок для агитаторов была отмечена статья следующего содержания: «На деле сейчас две партии: «партия за революцию и все ее завоевания, партия за контрреволюцию, за возвращение старого режима...» [Теперь только две партии // ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4 Д. 945. Л. 6].

На фоне ухудшения экономического положения в губернии к октябрю 1919 г. советская власть столкнулась со сложностями утверждения своего образа «народной» власти. В Перми появились антибольшевистские листовки. Разного рода проблемы фиксировала губЧК. Декларируемый сценарий расходился с проживаемой действительностью. Недовольных советской властью и создаваемыми её агитаторами образами записывали в саботажники [Гражданская война в Прикамье, 2008, с. 251, с. 449–450, с. 459–460; Общество и власть..., 2008, с. 444].

Письма «во власть» свидетельствуют о схоже негативном восприятии «красных» и «белых» населением, осторожности в коммуникации с большевиками в 1919 г. [Копия письма... // ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 7. Л. 69–69 об.].

В утверждении «правильной», единственной партии, выражающей интересы «трудового народа» большевики активно использовали негативный опыт местного населения периода активных боевых действий и «белого» террора. Образы врагов, страхи населения эксплуатировались для обоснования легитимности РКП (б) и дискредитации любых альтернативных политических сил [Общество и власть..., 2008, с. 234–238].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период Гражданской войны большевики конструировали символический универсум советского «красного» Урала, частью которого была Пермская губерния. После победы над Колчаком, РКП(б) реализовала объединительный, мобилизационный сценарий власти для легитимации власти и обеспечения стабильного тыла в условиях продолжавшейся Гражданской войны. Политический миф большевиков о героической борьбе народа за свободу и перспективах мировой революции активно пропагандировался в печати и через агитаторов, реализовался в организованных политических коллективных действиях (выборах в советы, сходах, митингах с выступлениями большевистских лидеров или агитаторов, праздниках и т.д.). Продолжающаяся Гражданская война, слабость органов власти в социальной сфере и разруха в экономике подрывала конструируемый властями сценарий. При повышающейся лояльности населения Пермской губернии РКП (б) и к Советам в 1919 г. нельзя утверждать о повсеместном принятии транслируемого властью политического дискурса.

Библиографический список

1. *Андреев К. Н.* Борьба пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Молотов: Молотовгиз, 1951. 96 с.
2. *Андреев К. Н., Устюгов В. Н.* Деятельность большевиков по мобилизации сил на разгром внутренней контрреволюции и интервентов // Очерки пермской партийной организации. Пермь, 1986. С. 186–211.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
4. *Баранов В.* Труд победит // Красный Урал. 1919. 25 сентября. С. 4. URL: <http://permnewspapers.ru/gazeta/krasnyj-ural/> (дата обращения: 02.02.2023).
5. Выписка из протокола собрания граждан Полазнинской волости // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 936. Л. 14.
6. Гражданская война в Прикамье. Пермь: Стиль, 2008. 505 с.
7. *Гусельников И. В.* Восстановление Советской власти на Урале. Борьба за преодоление хозяйственной разрухи и оказание помощи фронту // История Урала. Пермь, 1977. Т. 2. с. 133–146.
8. Доклад в губком Оханского РКП(б) // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 611. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–6 об.
9. Доклад председателя Отдела управления, 1919 г. // ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 936. Л. 13.
10. Копия письма жителя г. Соликамска А.Н. Белкина в штаб Екатеринбургского укрепрайона, А.С. Печерову, направленная цензором в Пермский губком РКП(б) // ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 7. Р. 69–69 об.
11. Красный Урал. 1919, 9 ноября. URL: <http://permnewspapers.ru/gazeta/krasnyj-ural/> (дата обращения: 02.02.2023).
12. Красный Урал. 1919, 10 ноября. URL: <http://permnewspapers.ru/gazeta/krasnyj-ural/> (дата обращения: 02.02.2023).
13. Красный Урал. 1919, 11 ноября. URL: <http://permnewspapers.ru/gazeta/krasnyj-ural/> (дата обращения: 02.02.2023).
14. *Мальшева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
15. *Мальшева С. Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф, 2019. 458 с.

16. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
17. *Нарский И. В.* «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 79–100.
18. *Обухов Л. А.* Управление Пермским Прикамьем в период революции и Гражданской войны, 1917–1919 гг. // История местного управления и самоуправления в Пермском крае / под ред. И. К. Кирьянова. Пермь 2021. 224 с.
19. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край. Документы и материалы / отв. ред. д. и. н. А. Б. Суслов; Агентство по делам архивов Пермского края. Пермь: Банк культурной информации, 2008. 920 с.
20. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. Ирины Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с
21. *Поршнева О. С.* Гражданская война в России в человеческом измерении: некоторые итоги изучения // Гражданская война как феномен мировой истории: матер. науч. конф., Екатеринбург, 26 апреля 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 127–141.
22. *Поршнева О. С.* Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны // Сборник трудов конференции «Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память», СПб., (11–12 мая 2017 г.). СПб., 2017. С. 253–256.
23. Протокол № 12 заседания Мотовилихинского исполкома от 20 октября 1919 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК) Ф.р–16. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
24. Протокол заседания 3-го Пермского губернского съезда Советов в г. Перми // ГАПК. Ф.р.–17. Оп. 1. Д. 150. Л. 3.
25. *Рольф М.* Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 439 с.
26. *Скипина И. В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2003. 208 с.
27. Теперь только две партии // ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.4 Д. 945. Л. 6.
28. *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: ОТ Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.; Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. 796 с.

29. *Фитцпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.

30. *Целищев М. И.* III Интернационал и его история. Пермь: Государственная типография, 1919. 32 с.

31. *Шувалова Ю. Б.* Процессуальные нарушения в ходе проведения избирательных компаний в местные органы власти на заключительном этапе Гражданской войны (на примере Среднего Урала) // Материалы научно-практической конференции «Гражданская война на Урале» (к 90-летию окончания Гражданской войны в России) 1-2 ноября 2012 года, г. Верхотурье. Екатеринбург, 2012. С. 147–153.

32. *Geldern J. von.* Bolshevik festivals, 1917–1920. Oakland: University of California Press, 1993. 316 p.

SOVIET POWER OF WORKING PEOPLE: SCENARIOS OF POWER OF BOLSHEVIKS IN PERM GUBERNIA IN 1919

Vinnik Alexey A.
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia
montewar@mail.ru

***Abstract.** The second half of 1919 passed for the Perm province under the sign of the restoration of Soviet power, represented by the Bolsheviks or "non-party" loyal and controlled by them. The article raises the problem of legitimizing and constructing the image of Soviet power after the victory over the regime of Admiral A.V. Kolchak in Perm province, it can be concluded about the active exploitation of festive culture, the use of the experience of "white" terror and the activation of persuasive propaganda and attempts to implement social care to promote the mobilization, unification scenario of power, which included the idea of world revolution and the myth of the struggle of the oppressed against the oppressors, among the population.*

***Key words:** Civil War; Perm gubernia; Bolsheviks; Soviet power; 1919 year; scenarios of power.*

ГЕРМЕНЕВТИКА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: МЕТОД И СТИЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙ ПРОШЛОГО

Газизуллин Тимур Алмазович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
timuralgaz25@gmail.com

***Аннотация.** В статье формулируются принципы герменевтической рефлексии историка. В свете развития интеллектуальной истории актуализируется проблема репрезентации идей прошлого для современников. В результате обращения к текстам В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, П. Рикера, Р. Козеллека, Ф. Анкерсмита, К. Скиннера обосновывается целесообразность интеграции микроисторической герменевтики в инструментарий интеллектуальной истории, подчеркивается важность овладения приемами лирической историографии для формирования доверительного взаимодействия историка идей, человека прошлого и читателя-современника.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная история; герменевтика; методология истории; презентизм.*

С 1970-х гг. восприятие идей прошлого в свете длительного развития некоторых принципов становится все более проблематичным благодаря институционализации интеллектуальной истории. Происходит не только дробление больших нарративов, но и детализация историографических представлений о ценностных ориентирах персон, значимых для национальных историй.

Роль британских авторов в этом процессе существенна, однако, если бы мы в настоящей статье стали воспроизводить принципы Кембриджской школы интеллектуальной истории, то возникло бы сомнение в целесообразности предпринятых усилий. В этой связи положения европейских авторов, обращавшихся в своих работах к проблеме понимания идей прошлого, сливаются в общий теоретический материал, к которому мы будем обращаться в ходе развития наших рассуждений.

Условия функционирования интеллектуальной истории: вызов презентизма

Анализ состояния интеллектуальной истории был осуществлен Р. Уотмором, обозначившим вызов со стороны презентистов, стремящихся, в свою очередь, к практико-ориентированному использованию идей прошлого, толкованию идей через призму современных семантических значений [Уотмор, 2023, с. 57, 137].

Сама эта ситуация представляет интерес, т.к. обнаруживает перед историком определенные тенденции в развитии культуры академического субъекта. Поэтому в свете развития западноевропейской и американской исторической мысли представляется ценным выявление того, как герменевтика способствует сохранению самодостаточности идей прошлого в ходе историописания.

Достичь поставленной цели мы намерены благодаря соотнесению ценностного и дисциплинарного измерений в творчестве интеллектуального историка, определению функции пропасти между прошлым и современностью для историописания, формулированию ряда процедур, которые обеспечивают ценностное воздержание историка от тоннельного взгляда на циркулирование идей.

В ходе определения возможностей самостоятельной интеллектуальной истории мы выходим за пределы внутридисциплинарной рефлексии для того, чтобы воздержаться от соблазна сделать рассматриваемую область исследований центром исторической науки. Это важно с той целью, чтобы интерес к самому процессу исторического воображения не стал для нас неким стереотипом, предписывающим социально-политическим исследованиям черты объективисткой науки, глубоко убежденной в собственной беспристрастности. Сама идея отвлеченного созерцания историка была давно поставлена под вопрос, но при анализе логики презентистов и тех сюжетов, которые те избирают, возникает подозрение в том, что изучение социальных страт и политической динамики сильнее всего воздействует на мышление историка и требует выбрать одну из сторон исторического конфликта. Постколониальный поворот является тому ярким примером.

Мы же стремимся к защите не престижа той или иной социально-политической группировки, а тех изначальных смыслов, которые формировались и транслировались различными акторами. В этом смысле историк оказывается не судьей, не обвинителем и не адвокатом. Речь идет о принципиально ином подходе к пониманию прошлого, когда совокупность индивидуальных переживаний исследователя требует истолкования и включения в общую композицию произведения.

Историк оказывается не арбитром, включенным в сам процесс, но автором, стремящимся создать верифицируемое и убедительное повествование о свершившемся [Про, 2000, с. 302]. В этом смысле роль писателя необходима для преодоления наивной убежденности в ценности обезличенного монолога. Культуральный поворот призывает историка обратиться к самому себе, к тем поведенческим моделям, которые были присущи обществам в разное время. Понимание человека прошлого оказывается мостом к новому взгляду на тезис К. Скиннера о мотивах создателя источника [Скиннер, 2018, с. 60, 80].

Понимающая история обнаруживает свои пределы там, где начинаются сложные сюжеты, связанные с публичными дискуссиями современности [Анкерсмит, 2007, с. 332, 502]. В таких обстоятельствах историк прибегает к перлокутивным актам в ожидании благоприятного момента для возобновления диалога с читателем.

Ценности и исследовательское поле

Историзация и контекстуализация понятий, осуществлявшаяся К. Скиннером и Р. Козеллеком, определила подход историков к словоупотреблению изучаемых эпох [Скиннер, 2005, с. 145, 151; Козеллек, 2004, с. 103, 106]. Вместе с тем, акцентирование внимания на семантике справедливо лишь при изучении конкретно-исторических сюжетов. Нас же интересует то, что обеспечивает готовность историка следить за собственными процедурами.

Здесь герменевтический подход К. Скиннера открывается нам с другой стороны: выявление инаковости смыслов прошлого требует не только готовности взглянуть со стороны на современные семантические значения, но и признать культурную зависимость от той традиции понимания, которая все-таки объединяет историка и изучаемую им личность или социальную группу [Хайдеггер, 1993, с. 240].

Тем самым мы склонны говорить, что ценность наследия Кембриджской школы заключается в постулировании возможности видеть единство исторического времени, как это ни странно, учитывая внимание ее представителей к изменчивым политическим языкам. Г.-Г. Гадамер и П. Рикер указали на неизбежную зависимость исследователя от окружающих его культурных условий. Самостоятельность самого субъекта была поставлена под вопрос, одновременно с этим была актуализирована проблема рефлексии над осуществляемыми операциями [Гадамер, 1988, с. 349, 352; Рикер, 2004, с. 421, 469; Анкерсмит, 2007, с. 277]. Ценности же историка, рождающиеся в ходе социального взаимодействия, призваны стать средством понимания тех переживаний исторической

личности, на которые обратил внимание сам историк [Бохенский, 2000, с. 111; Дильтей, 2004, с. 119]. Ценности направляют и стимулируют оформление фактов из множества следов прошлого. Герменевтика же делает прозрачной эту операцию благодаря напоминанию о вовлеченности историка в современность, т.е. интерпретация должна адаптироваться к современному опыту и переводить прежние значения на современные [Гинцбург, 2000, с. 44]. Поэтому критика антикваризма в безразличии к насущным проблемам публичной сферы оказывается совершенно оторванной от академического знания, в котором сама попытка рецепции политического языка прошлого лишена смысла из-за принципиально иного содержания и условий для циркуляции идей.

Если же говорить о кажущемся безразличии интеллектуального историка, то куда более значимыми, чем внешние социальные позиции, оказывается эстетические, нравственные, т.е. индивидуальные мировоззренческие, а не публичные приоритеты.

Может показаться, что историзация собственных предпочтений служит своего рода оправданием предвзятости историка, тогда как истинный смысл подобной саморефлексии заключается во включении ценностей в сам процесс исследования. Это вовсе не означает наличие права на осуждение или восхваление кого-либо в прошлом, но позволяет взглянуть на труды предшественников как на продукт их индивидуальных устремлений, в том числе понять их через себя. В интеллектуальной истории расщепляются комплексы концептов и выявляются источники их возникновения. Тем самым наш тезис о ценностях в данном случае обращен к тем случаям, когда авторы сразу же переходят к анализу идей прошлого. Выведение на поверхность мировоззренческих установок лишь облегчит верификацию исследования, т.к. создание локальных сюжетов находится в постоянном контакте с «большими историями». Самодостаточность «раздробленного» прошлого справедливо ставится под сомнение [Копосов, 2005, с. 142, 143]. Вместе с тем интерес к локальному обеспечивает появление новых исследовательских лакун. Совокупность же интерпретаций историков может усваиваться в атмосфере академического доверия, когда участники дискуссии не отбрасывают то, что дорого им, но с опорой на ценности достигают необходимой интеллектуальной культуры.

Герменевтика и историописание

Антикваризм интеллектуальной истории не может быть сведен к некому принципу. Это особое отношение к прошлому, когда историк воздерживается от апеллирования к современности, стремится преодолеть временные барьеры,

чтобы при опоре на смыслы эпохи корректно понять источник [Атнашев, Велижнев, 2021, с. 13; Демин, 2015, с. 50]. Если внутри исследования еще возможно следовать историографическому канону антикваризма, то при взаимодействии с человеком прошлого и читателем историк может расценить свою роль в качестве посреднической. Вместе с тем отказ от возвышения над кем-либо из них двоих предполагает доверие к обоим [Лукашевич, 2021, с. 12]. Тем самым герменевтическое историописание осуществляется благодаря вознесению над собой, а не теми, с кем историк взаимодействует. История идей не всегда позволяет проникнуть в жизненный мир личности, но сохраняется необходимость в доступности изложения. Указанное предполагает прежде всего адаптацию стиля к тому литературному формату повествования, который активно развивался в микроистории [Гинцбург, 1996, с. 226; Про, 2000, с. 244].

Образ пропасти между опытом прошлого и современности может дополнить тезис И. Хонта о том, что телеологический взгляд на развитие идей свидетельствует об ангажированности историка [Уотмор, 2023, с. 117]. Вовлеченность в современность и интерес к ранним вариациям институтов, окружающих нас и определяющих существование норм, неизбежно влекут за собой ретроспективный взгляд в прошлое. Для этого нам приходится «бурить скважину» в пластах времени, чтобы увидеть множественность и прерывистость развития [Уотмор, 2023, с. 105-106]. Историк в ходе доверительного диалога с читателем таким способом дает двум личностям, стоящим по разные стороны пропасти, увидеть друг друга. В этом заключается позитивная роль интеллектуальной истории для истории социальной и политической. Более того, за счет обращения к ценностям историк лишь уточняет саму модель пропасти, ибо происходит сравнение разных этапов в складывании традиции понимания.

В результате образуется два уровня: процедуры самого историка и вспомогательные действия по адаптации смыслов прошлого к современному пониманию.

Интеллектуальная история по мере выхода из отвлеченной концептуализации ощущает потребность в слиянии с историей частной жизни и исследовательскими областями, обращенными к человеку. В настоящий момент сохраняется доминирование политической проблематики. Нам же представляется, что именно в ходе культурального поворота произойдет расширение предмета изучения, что потребует усвоить приемы лирической историографии и уделять больше внимания носителям идей, чем самому изменению семантических значений [Нарский, 2012].

Процедуры саморефлексии

Включение смыслов прошлого в интерпретационные модели предполагает инструментализацию выявленных сведений для построения внутренне непротиворечивой версии. «Интеллектуальный» историк не может полностью отказаться от роли посредника, но сама его жизнь укоренена в современности. Последняя не может пониматься социологически через призму предписываемых статусов, т.к. первоочередным здесь является жизненный мир. Собственный опыт становится достоянием исторического времени, автор уравнивается в правах с предметом изучения [Анкерсмит, 2007, с. 277; Лукашевич, 2021, с. 6]. Вместе с тем он не может осуждать своих героев, ведь каким бы сильным не было воздействие контекста на творческий процесс, желание добраться до ранних вариаций идей гарантирует историку зону автономии. В ней реально формулировать ответы на исследовательские вопросы. Внутри исследовательской лаборатории идеи могут сиять перед взором историка, и назначение его – показать современникам пестроту жизни предшествующих поколений.

Автономность «интеллектуального» историка оказывается искушением, которое ограничивает доступ к достижениям посредством отвлеченного строгого стиля. Здесь находит свою актуальность вопрос о языке.

Культурная общность дает историку литературное наследие, которым следовало бы воспользоваться для упрочения преемственности [Хайдеггер, 2018, с. 18]. Сам историк оказывается в потоке традиции. Так каркас повествования в виде совокупности процедур обрастает необходимыми метафорическими образами. Рождается историческое полотно, сшитое из множества локальных сюжетов.

Наши попытки подражать В. О. Ключевскому, Т. Карлейлю окажутся лишь невинным баловством, тогда как следовало бы находить стиль своего времени. Так запускается процесс постоянного переосмысления семантических значений, соотнесения их с социально-политическим контекстом. Это трудно назвать переписыванием. Скорее речь идет о непрерывном самопознании сообщества, в котором интеллектуальный историк оказывается в роли сказителя и исследователя одновременно.

Воображаемое прошлое может оставаться неструктурированным лишь у слушателя. Историк же призван в ходе своих изысканий достичь ясности. Точность и яркость слова, к которому он прибегнет, обеспечит дальнейшее творчество в зоне автономии. Укоры презентизма представляют в наши дни реальную угрозу для честных и выверенных оценок идей прошлого, т.к. за внешней стороной критики в любви к древности скрывается стремление воспользоваться академическим знанием для продвижения собственных публичных интересов [Атнашев, Велижев, 2021, с. 13]. В социально-политической историографии

дискуссии также зависят от пристрастий авторов, однако интеллектуальная история дает изначальный материал, благодаря которому удастся искать ответы при анализе. Можно согласиться с утверждением, что историки разных поколений видят эпохи по-своему, однако это не мешает стремлению к очищению идеи от временных влияний. За «чистую» идею цепляется мышление при попытке понять свершившееся. Она же удерживает нас от вольного предписывания актерам мотивов, которые лишь в современности кажутся очевидными.

Формулирование ответа

Историк может рассматривать себя в качестве автора, участника историографической дискуссии и рефлексизирующего субъекта. Действия, которые им осуществляются в современности, им же осмысляются, но не ради всеобщей историзации, о которой предостерегал Ф. Анкерсмит, а с целью обрести фундамент, на который можно опереться при вознесении над собственным опытом. Так обеспечивается равенство историка, человека прошлого и современника. Широко распространенная дуальная модель «историк-прошлое» не учитывает функционирования исторического знания. Воображаемый читатель неизбежно присутствует в ходе историописания. В этом смысле настойчивые напоминания актикваризма об изменчивости идей и восприятий свидетельствуют не о релятивизации исторического развития, а о преходящем характере наших оценок.

Герменевтика проблематизирует вовлеченность мышления историка в символично-дискурсивное поле современности. К тому же наследие В. Дильтея и М. Хайдеггера позволяет говорить о том, что собственный опыт является существенным подспорьем при осмыслении мотивов человека прошлого [Соболева, 2014, с. 80,]. Однако отказ от «объективного» взгляда в том смысле, в котором он бытовал ранее, не означает права на вольное толкование идей. Мы говорим об очеловечивании историка [Хайдеггер, 2007, с. 176]. То, что предпринято было в микроисторической герменевтике, вполне возможно осуществить и в интеллектуальной истории.

Выделение внутри исследовательской лаборатории двух частей, позволяющих знакомиться с материалом и при этом сообщать о полученных результатах за пределами академического знания, оказывается одним из возможных решений проблемы изолированности интеллектуальной истории, хотя в настоящий момент осуществляются попытки сочетать социальные науки с современной историей идей и понятий [Уотмор, 2023, с. 58]. Последняя не может себе позволить вольное толкование идей. Именно поэтому ее институционализация требует создания защитных механизмов, избавляющих от давления агрессивных публичных дискурсов.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Атнашев Т. М., Велижев М. Б. Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. 2021. Т. 171. № 5. С. 11–21.
3. Бохенский Ю. М. Современная европейская философия. М.: Научный мир, 2000. 256 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
6. Гинцбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. М., 1996. С. 207–235.
7. Демин И. В. Семиотический подход к истории: между антикваризмом и презентизмом // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 48–55.
8. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем / под ред. В. А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004. 418 с.
9. Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5(44). С. 97–130.
10. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
11. Лукашевич А. А. Принцип двойной историзации в источниковедении // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 5–18.
12. Нарский И. В. Антропологизация авторства: приглашение к «лирической историографии» // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/3/antropologizacziya-avtorstva-priglasenie-k-liricheskoj-istoriografii.html> (дата обращения: 30.05.2023).
13. Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.
14. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

15. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–122.
16. *Скиннер К.* Язык и политические изменения // Логос. № 3 (48). 2005. С. 143–152.
17. *Соболева М. Е.* Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. 151 с.
18. *Уотмор Р.* Что такое интеллектуальная история? / пер. с англ. Н. Эдельмана; послесл. Т. Атнашева и М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 200 с.
19. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с
20. *Хайдеггер М.* Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
21. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Сагедтдинова. М.: Академический проект, 2007. 351 с.

HERMENEUTICS IN INTELLECTUAL HISTORY: METHOD AND STYLE OF INTERPRETATION OF HISTORICAL IDEAS

Gazizullin Timur A.
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia
timuralgaz25@gmail.com

***Abstract.** The article formulates the principles of hermeneutical reflection of the historian. In the light of the development of intellectual history, the problem of representing the ideas of the past for contemporaries is actualized. The author refers to the texts of V. Dilthey, M. Heidegger, G. Gadamer, P. Riker, R. Kozellek, F. Ankersmith, K. Skinner. As a result, the expediency of integrating microhistoric hermeneutics into the method of intellectual history, the importance of mastering the techniques of lyrical historiography for the formation of a trusting interaction of the historian of ideas, a person of the past and a contemporary reader is emphasized.*

***Key words:** Intellectual history; hermeneutics; methodology of history; presentism.*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ АРХИВОВ
В РЕКОНСТРУКЦИИ БОЕВОГО ПУТИ СОЛДАТА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ ПОЛИТРАБОТНИКА
КРАСНОЙ АРМИИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛЕКОМЦЕВА)**

Цыганов Олег Игоревич

Глазовский государственный педагогический институт

имени В. Г. Короленко

427621, Россия, Глазов, ул. Первомайская, 25

tsyganov.oleg2018@yandex.ru

***Аннотация.** В 1920-е гг. шло формирование молодёжи активистского типа, которая ярко показала себя сначала в общественной деятельности в мирное время, а потом – в ходе Великой Отечественной войны. Среди таких людей – глазовчанин Николай Михайлович Лекомцев. Его имя, как ученика школы № 1 г. Глазова, значится на мемориальной стеле Детско-юношеского центра: подполковник Николай Михайлович пропал без вести на Ленинградском фронте в июле 1943 года. Несмотря на узость источниковой базы по периоду службы в Красной Армии, удалось в хронологической последовательности реконструировать военные страницы биографии Н.М. Лекомцева. В ходе запросов на сайтах и форумах поисковых отрядов России удалось установить тот факт, что подполковник Лекомцев погиб в ходе Мгинской операции в районе Малодубровского болота под Ленинградом. Несмотря на многочисленные обращения, неизвестно, как погиб политрук и где он похоронен.*

***Ключевые слова:** комсомолец; политработник; военные конфликты 1930–1940 гг., оборона Ленинграда; Мгинская операция.*

80 лет назад, в январе 1943 года, в результате советской операции «Искра» произошёл первый прорыв блокады Ленинграда. Среди защитников города на Неве был житель города Глазов, заместитель командира по политической части (замполит, или политрук) Красной Армии Николай Михайлович Лекомцев, пропавший без вести на Ленинградском фронте в июле 1943 года. В результате анализа разных источников, раскрывающих биографию Н. М. Лекомцева, можно реконструировать образ незаурядного человека с активной жизненной позицией, для которого был характерен высокий уровень инициативности, самостоятельности действий, высокое чувство долга. Открытие неординарной судьбы одного из героев Великой Отечественной войны – это эффек-

тивное средство патриотического воспитания. В этом стоит рассматривать актуальность выбранной темы.

Целью же данного исследования стала историческая реконструкция военной биографии Н. М. Лекомцева с использованием данных сайтов «ОБД «Мемориал» [Обобщённый банк данных «Мемориал»] и «Память народа» [Сайт «Память народа»] с опорой на эго-источники

Научная новизна исследования – введение в оборот неопубликованных исторических источников, раскрывающих неизвестные страницы жизни Н. М. Лекомцева. Познакомиться с материалами можно в социальной сети ВКонтакте, группа «Народный Музей истории детского движения УР» (<https://vk.com/publikmiddu>).

В ходе работы решалась проблема возможности использования электронных архивов в восстановлении боевого пути солдата с учётом имеющихся дополнительных источников (личные письма политрука, письма его родственников).

Наиболее ранняя информация о Н. М. Лекомцеве появляется в книге краеведа удмуртской пионерии Т. П. Костицыной «Родина, Родина, ты – это мы!», где автор кратко характеризует Николая Лекомцева как создателя первой в Глазове детской организации «Заря коммунизма» и первого пионерского отряда в городе [Костицына, 1980]. Более подробно глазовский период биографии Н. Лекомцева рассматривается этим автором в статье «Колька-коммунист» [Костицына, 1991]. Под этим же названием публикуется материал в книге Т. П. Костицыной «Я твой, революция!» [Там же, с. 87–96], но информация подана в более публицистичной форме с добавлением художественного вымысла.

Авторы учебного пособия «История города Глазова. Вехи XX века» в главе, посвящённой глазовскому комсомолу, также дали лишь небольшую информацию о Н.М. Лекомцеве как создателе организации «Заря коммунизма» и уездной комсомольской организации, привели небольшой отрывок из его фронтового письма и отметили, что он пропал без вести в 1943 году на Ленинградском фронте [Сафонова и др., 2003, с. 25–27].

Интересна, но не всегда достоверная информация, размещена в информационных ресурсах сети Интернет. Кроме анализа опубликованных материалов в рамках данного исследования было изучено около 100 письменных, 15 изобразительных источников, находящихся в Архивном управлении администрации г. Глазов, в Народном Музее истории детского движения Удмуртии (МИДДУ). Документы МИДДУ были переведены в электронный вид и дополнили виртуальный каталог музея.

Таким образом, **источниковую базу** исследования составили:

1) неопубликованные письменные источники:

– материалы Архивного управления администрации г. Глазова («Личный фонд Костицыной Т. П. – ветерана народного образования Удмуртии, учителя истории, автора 3-х книг по детскому краеведческому движению в Удмуртии»: фонд 513, опись 1, дела № 87, 123); рабочая тетрадь Т. П. Костицыной с воспоминаниями, копиями писем, личных документов, набросками стихов Лекомцева Н. М.; письма от Лисковец Л.Б., Лекомцевых Н. Н. и С. Н., Рагозы Т. Н. о комсомольце 1920-х годов Н.М. Лекомцеве;

– материалы Народного Музея истории детского движения Удмуртии МБОУ ДО «ДЮЦ» (раздел «Истоки», папка 3(2), основной и научно-вспомогательный фонды: источники личного происхождения (письма, удостоверения, справки, автобиография, выписки из протокола, делегатские билеты, тетрадный лист с записью стихов);

2) опубликованные письменные источники:

– документы на Интернет-сайтах («Обобщённый банк данных «Мемориал» [Обобщённый банк данных «Мемориал»] и «Память народа» [Сайт «Память народа»]): учётные карточки из картотеки политработников ЦА МО, донесения о потерях, приказ об исключении из списков, сведения о награждении и т.п.;

– периодическая печать;

– изобразительные источники: материалы Народного Музея истории детского движения Удмуртии МБОУ ДО «ДЮЦ» (раздел «Истоки», папка 3(2): портреты Н. М. Лекомцева, групповые фотографии комсомольцев);

– эпистолярные источники: электронная переписка автора исследования с внуком Николая Михайловича – Михаилом Александровичем Калугиным, проживающим в Калининграде.

Неопубликованные письменные источники позволили достаточно подробно раскрыть глазовский период жизни Николая Лекомцева: документы дополняют и уточняют друг друга, хотя в письмах родственников иногда встречается противоречивая информация, прослеживаются ошибки, основанные на незнании биографии Н. М. Лекомцева. Наибольшую ценность имеют источники личного происхождения (автобиография, Личный листок и т.п.), так как содержат официальную информацию о Лекомцеве. Надо отметить, что все личные документы до передачи в музей бережно хранились в семье Лекомцевых, несмотря на частые переезды, связанные в дальнейшем с профессиональной военной деятельностью Николая Михайловича.

Информация на Интернет-сайтах с опубликованием архивных документов даёт возможность определить некоторые подробности военной карьеры Н. М. Лекомцева и последнее место службы, подтвердить время гибели подполковника.

Биография Н. М. Лекомцева представлена и в изобразительных источниках. Именно фотографии дают возможность зрительно увидеть образ Н. Лекомцева, его окружения. Кроме этого фотографии подтверждают факты награждения Николая Михайловича правительственными орденами и медалями за его участие в предвоенных конфликтах.

Надо отметить, что были определённые трудности в работе с источниками. Так, например, многие эго-документы находятся в ветхом состоянии, трудночитаемы из-за неразборчивого почерка Т. П. Костицыной. В письмах родственников встречается противоречивая информация. Материалы из научно-вспомогательного фонда Народного Музея истории детского движения Удмуртии находятся в ветхом состоянии, что также делает их трудночитаемыми. Подобные проблемы были и в работе с электронными архивами: выложенные на поисковых сайтах копии документов не всегда можно разобрать, некоторые содержат фактические ошибки. Так, например, на сайте ОБД «Мемориал» в донесении о потерях значится неправильная информация о месте рождения Лекомцева, а в приказе об исключении из списков – неправильная дата рождения.

В исследовании использовались **следующие методы:**

- расшифровка трудночитаемых письменных источников;
- перевод письменных источников в электронный вид;
- анализ источников;
- сравнение общих и частных сведений;
- построение информации в хронологической последовательности;
- обобщение полученных результатов.

Николай Михайлович Лекомцев родился 14 октября 1908 года в с. Люк Глазовского уезда Вятской губернии в русской семье служащих Михаила Амвросиевича и Клавдии Осиповны, став четвёртым ребёнком [Удостоверение личности... ОФ № 2323; Листок личный... ОФ № 2336]. Михаил Амвросиевич и его сестра Юлия Амвросиевна до 1917 г. принимали участие в революционной деятельности [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 1, 5, 9; письмо Н. Н. Лекомцевой об отце. 1986 год. ОФ № 2322]. Эти события происходили на глазах детей, что в дальнейшем повлияло на их жизненную позицию.

В 1917 г. семья переехала из Люка в г. Глазов, жила на средства старших детей: дочери Агнии (Нюры) и сына Константина [Листок личный...

ОФ № 2336]. Агния Михайловна была женой председателя городского совета Якова Кузьмича Орлова [*Костицына*, 1991], преподавала историю в старших классах, с 1919 г. состояла в партии большевиков [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 2]. Старшая сестра Нюра и её муж станут для Николая ещё одним примером для подражания.

В 1918–1921 гг. Николай учился в III группе школы № 1 второй ступени [Листок личный... ОФ № 2336], но, как вспоминал в письмах к родным сам Николай, «до выпускного класса не дошёл» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 12, 17]. Главная причина пропуска занятий, а потом и ухода из школы – активное участие в общественной работе. Это была характерная черта 1920-х гг.: молодые люди участвовали в построении нового общества, но им часто не хватало образования.

Уже в «глазовский период» у Николая появился интерес к военному делу. В 1919 году в 11 лет Коля вступил в часть особого назначения [*Костицына*, 1980, с. 17]. Тогда он ещё не был комсомольцем, но для него сделали исключение благодаря поддержке Я. К. Орлова. Исключение было сделано и при выдаче оружия: длинная винтовка бойцов ЧОНа оказалась не по плечу, поэтому Николая вооружили карабином [*Сафонова* и др., 2003, с. 25]. Про маленького чиновца даже сочинили небольшую речёвку: «Коля – маленький союзник, с карабином на плече!» [*Костицына*, 1991].

В 1920 г., несмотря на юный возраст (всего 12 лет), Колю Лекомцева приняли в ряды комсомола [Листок личный... ОФ № 2336]. Он активно участвовал в комсомольской жизни, о чем свидетельствуют многочисленные справки, удостоверения, направления. Так, в 1920 г. Николай внес вклад в создании первой в Глазове детско-молодёжной организации «Заря коммунизма». За свою деятельность в организации он получил прозвище – «Колька-коммунист» [*Костицына*, 1991].

В 1921 г. Николай Лекомцев как один из активистов уездного комитета РКСМ был избран делегатом I областной комсомольской конференции Удмуртии, которая состоялась в Глазове и результатом работы которой было решение по созданию комсомола Удмуртии. Среди делегатов этого съезда – Лекомцев был единственным жителем Глазова [Листок личный... ОФ № 2336].

В декабре 1923 г. именно Н. Лекомцеву Бюро Глазовского укома РКСМ поручило организацию первого пионерского отряда в городе, который был создан при железнодорожной школе [Выписка из протокола № 10... ОФ № 2328]. Под руководством Лекомцева в первой половине 1920-х гг. в Глазове работал комсомольский клуб и, как явление новой жизни, – антирелигиозный кружок для беспартийных [Письмо инструктивное... ОФ № 2324].

В 1926 г. Бюро Глазовского уездного комитета ВЛКСМ рекомендовало 17-летнего Николая для вступления в ВКП(б) [Выписка из протокола № 6... НВФ № 1096], хотя по Уставу в партию принимали с 18 лет.

В этом же году Николай Лекомцев успешно прошёл допризывную подготовку в качестве взводного политрука Глазовского учебного сборного пункта, за что получил благодарность Президиума Глазовского уездного исполкома [Удостоверение № 33/9... ОФ № 2327].

В конце 1920-х годов, так и не завершив обучение в школе и имея только начальное образование, Николай Лекомцев переехал в Пермь, работал на заводе [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 4], отсюда в 1930 г. был призван в ряды Красной Армии, с которой связал свою дальнейшую жизнь [Письмо Н. Н. Лекомцевой об отце. 1986 г. ОФ № 2322]. Так, комсомольская жизнь, общественная работа стали своеобразной подготовкой к важному делу политического просвещения и воспитания бойцов Красной Армии в 1930–1943 гг.

Таким образом, глазовский период биографии Николая Лекомцева является важным этапом формирования его активной жизненной позиции. Лекомцев являлся незаурядным комсомольским лидером, для которого был характерен высокий уровень инициативности, самостоятельности действий. Став продолжателем революционных идей своего отца и тёти, Николай в молодом возрасте добился признания и доверия со стороны окружающих его людей.

Увлечение военным делом в подростковом возрасте после призывной службы в армии переросло в профессиональное занятие Николая Михайловича Лекомцева. По данным воинского удостоверения Лекомцева и картотеки политработников ЦАМО видно, что уже 1 февраля 1932 года он был назначен помощником командира батареи по политической части 57-ого Уральского артиллерийского полка (политруком), находился на этом посту до января 1933 г., после чего являлся начальником полкового клуба [Удостоверение личности... ОФ № 2323].

В 1937 г. политрука перевели служить в 57 стрелковую дивизию Забайкальского военного округа [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 14], где он работал в редакции газеты «На боевом посту» (сначала – секретарем, а с апреля 1939 г. – редактором). Уже в мае 1938 г. по приказу командования Лекомцев получил повышение – стал старшим политруком. Именно в этой должности Николай Михайлович принимал участие в локальных военных конфликтах с японскими милитаристами на озере Хасан и на реке Халхин-Гол [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 2–4]. В конце 1939 г. Лекомцев стал участником боевых действий на полуострове Ханко в период советско-финской войны [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 16]. За умелое

руководство войсками, мужество и героизм, проявленные в боевых действиях, Николай Михайлович Лекомцев был награждён орденом Красной Звезды и орденом Боевого Красного Знамени, повышен в звании и стал батальонным комиссаром [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 17; Рапорт начальнику полиотдела...ОФ № 2325].

Как свидетельствуют письма Н. М. Лекомцева семье, в 1940 г., после окончания советско-финской войны, он вернулся на службу в свой военный округ, продолжив работу редактора газеты. Находясь вдали от дома, Николай Михайлович постоянно заботился о своей семье. Например, перевёл жене Ксении Сергеевне Димовой свой денежный аттестат, с июля 1940 г. каждый месяц семья получала по 900 рублей [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 19]. Письма с места своей службы старался писать подробные и трогательные. Жену называл придуманным именем Сима, предлагал приехать к нему, при этом шутил: «вещей много не бери, но большую сковородку с растительным маслом (если оно есть) захвати обязательно» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 19]. Сковородка нужна была для приготовления рыбы, которую Лекомцев в большом количестве ловил в свободное от службы время.

При изучении переписки родственников Николая Михайловича и его документов, было выяснено, что в 1940 г. Николай Лекомцев подал начальнику политотдела 57-й стрелковой дивизии рапорт о его направлении на учёбу в Высшую Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, так как за 10 лет службы в Красной Армии он обучался лишь один раз в 1933 г. [Рапорт начальнику полиотдела...ОФ № 2325]. Рапорт был удовлетворён, и в ноябре 1940 г. в Москве после успешной сдачи зачётов батальонный комиссар «был зачислен слушателем курсов переподготовки газетных работников» ВПУ имени В. И. Ленина» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 21], а его семья чуть позже переехала из Глазова в подмосковный город Звенигород.

Важным событием в жизни Н.М. Лекомцева стало его участие в первом майском параде на Красной площади в 1941 г. и правительственном приёме в Большом Кремлёвском дворце [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 23].

Обучаться Н. М. Лекомцев смог лишь до начала Великой Отечественной войны, в июне 1941 г. он был призван на фронт; семья в конце лета снова переехала в город Глазов [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 6].

Анализируя письма с фронта [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 25] и информацию Справочника полевых почтовых станций РККА [Справочник полевых почтовых станций РККА], было выяснено, что летом 1941 г. батальонный комиссар Н. М. Лекомцев служил при штабе 23 армии под Ленинградом и занимался вы-

пуском газеты «Знамя Победы». В боевых столкновениях он также участвовал, в письме к жене писал: «всё обошлось благополучно» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 25].

Весной 1942 г. Лекомцев получил новое назначение – в 72 стрелковую дивизию, и с июля стал принимать участие в боевых действиях. Как писал Николай Михайлович в письмах жене, «я воюю с немцами в тех же местах, где начинал брат Игорь» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 27]. Письма домой он писал редко, так как «много работы, ответственность большая и ей богу всё личное – семья, жена, дети как-то отодвинулось на задний план» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 27], но перевел семье свой аттестат на 1000 рублей и старался поддержать семью: «Была у нас хорошая жизнь – будет и лучше. Надо только одно – победить фашиста...мы не даём поднять ему головы, заставляем ползать на брюхе... Под октябрьские праздники люди моего хозяйства поработали крепко. Более 600 гитлеровцев остались гнить в болотах под Ленинградом...» [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 27].

В октябре 1942 г. должность политруков в Красной Армии была упразднена [Указ об упразднении...] и Лекомцев прошёл переаттестацию, получив звание подполковника [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 29].

18 мая 1943 г. Лекомцев написал своё последнее письмо семье, в котором сообщил о предстоящей «командировке» и о новом адресе: полевая почта 41407-Б [Ф. 513. Оп. 1. Д. 123. Л. 31]. По Справочнику было определено, что Лекомцев был переведён в 30 гвардейский стрелковый корпус, являлся заместителем командира по политчасти 191 Гвардейского стрелкового полка, который в июле-августе 1943 г. принимал участие в Мгинской операции [Мгинская наступательная операция]. Затем родственники Лекомцева получили извещение о том, что Николай Михайлович пропал без вести под Ленинградом 31 июля 1943 г. После войны Ксения Сергеевна пыталась через военные ведомства найти информацию, но безрезультатно [Ф. 513. Оп. 1. Д. 87. Л. 7].

Где точно и как погиб подполковник, где он похоронен – не известно, но в ходе поисковой работы благодаря сайтам российского поискового движения были найдены небольшие уточняющие сведения.

Одним из методов поиска была и публикация запросов о Лекомцеве на сайтах и форумах поисковиков России. Иван Анатольевич Лебедев написал, что Н. М. Лекомцев «пропал без вести в бою в районе Малодубровского болота» [Лекомцев Н. М.].

Кратко военные страницы биографии политработника Красной Армии Н. М. Лекомцева обобщены в хронологической таблице. Не удалось устано-

вить, как погиб подполковник в ходе Мгинской операции, но было определено его место гибели – в бою в районе Малодубровского болота под Ленинградом.

Используя информацию электронных архивов и эго-документов, удалось в хронологической последовательности реконструировать участие Н. М. Лекомцева в обороне Ленинграда.

Даты	Деятельность
1932–1933 гг.	помощник командира батареи по политической части 57 Уральского артиллерийского полка
1934–1936 гг.	начальник клуба
1937–1940 гг.	секретарь и редактор газеты «На боевом посту» 57 СД Забайкальского военного округа
1938 год	участие в военном конфликте на озере Хасан
1939 год	участие в военном конфликте на реке Халхин-Гол
1939–1940 гг.	участие в советско-финской войне (п-ов Ханко)
1940–1941 гг.	обучение в ВПУ имени В.И. Ленина
1941–1943 гг.	участие в обороне Ленинграда (Ленинградский фронт): 1941 год – 23 армия (редактор газеты «Знамя Победы») 1942 год – 72 СД 1943 год – 30 Гв. СК (64 Гв. СД, 191 Гв. СП)
31 июля 1943 г.	гибель в бою (пропал без вести) в районе Малодубровского болота (Ленинградская область)

Список источников

1. Автобиография члена ВЛКСМ Лекомцева Николая. 1927 год. ВАО, г. Глазов // Музей истории детского движения Удмуртии (далее – МИДДУ). НВФ №1097.

2. Выписка из протокола № 10 заседания Бюро Глазовского укома РЛКСМ от 20.12.1923 г. об организации отряда юных пионеров в Глазове. 1923 год. ВАО, г. Глазов // МИДДУ. ОФ № 2328.

3. Выписка из протокола № 6 заседания Бюро Глазовского укома ВЛКСМ от 11 февраля 1926 года о рекомендации Лекомцева Николая по вступлению в ряды ВКП (б). 1926 год. ВАО, г. Глазов // МИДДУ. Научно-вспомогательный фонд (НВФ) № 1096.

4. *Костицына Т. П.* Колька-коммунист // Удмуртская правда. 1991. № 63, 19 апреля. № 64., 23 апреля. С. 3.

5. Листок личный Всероссийской переписи-переучёта активных работников РКСМ Н. М. Лекомцева, руководителя антирелигиозного кружка при Глазовском укове РКСМ. 1924 год. ВАО, г. Глазов // МИДДУ. ОФ № 2336.

6. Письма от Лисковец Л. Б., Лекомцевых Н. Н. и С. Н., Рагозы Т. Н. о комсомольце 1920-х гг. Н. М. Лекомцеве // Архивное управление администрации МО «Город Глазов». Ф. 513. Оп. 1. Д. 123.

7. Письмо инструктивное укома комсомола Н. Лекомцеву, руководителю антирелигиозного кружка при Глазовской горорганизации. 1923 год. ВАО, г. Глазов // МИДДУ. ОФ № 2324.

8. Письмо Н. Н. Лекомцевой об отце. 1986 г. УССР, г. Львов // Народный Музей истории детского движения Удмуртии (МИДДУ). Основной фонд (ОФ). Инв. № 2322.

9. Рабочая тетрадь Т. П. Костицыной с воспоминаниями вожатых, копиями писем, личных документов, набросками стихов активного комсомольца 1920-х годов Лекомцева Н. М. // Архивное Управление Администрации МО «Город Глазов». Ф. 513. Оп. 1. Д. 87.

10. Рапорт начальнику политотдела 57-й Краснознамённой стрелковой дивизии батальонного комиссара Н. М. Лекомцева о направлении на учёбу в Высшую Военно-политическую Академию имени В. И. Ленина. 18 февраля 1940 год. Иркутская область // МИДДУ. ОФ № 2325.

11. Удостоверение № 33/9 Глазовского уездного военного комиссариата ВАО Н. Лекомцеву о проведении допризподготовки и об объявлении и благодарности Президиума Глазовского уисполкома за проведённую работу. 1925 год. ВАО, г. Глазов // МИДДУ. ОФ № 2327.

12. Удостоверение личности Н. М. Лекомцева. 1932 год. РСФСР, г. Пермь // МИДДУ. ОФ № 2323.

Библиографический список

1. *Костицына Т. П.* Родина, Родина, ты – это мы! Ижевск: Удмуртия, 1980. 272 с., ил.

2. *Костицына Т. П.* Я твой, революция! Ижевск: Удмуртия, 1991. 272 с., ил.

3. Лекомцев Николай Михайлович // Сайт «Форум Поисковых Движений». URL: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=64188.0> (дата обращения: 04.11.2019).

4. Мгинская наступательная операция // Сайт «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/ops/mginskaya-nastupatelnaaya-operatsiya/> (дата обращения: 23.06.2019).

5. Сайт «Обобщённый банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/search.htm?f=Лекомцев&n=Николай&s=Михайлович%20&y=&r=> (дата обращения: 13.01.2020).

6. Сайт «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/?adv_search=y&last_name=Лекомцев&first_name=Николай&middle_name=Михайлович (дата обращения: 03.11.2019).

7. Сафонова Т. В. История города Глазова. Вехи XX века: учеб. пособие / Т. В. Сафонова, М. В. Ившина, Н. В. Лукина. Глазов, 2003. 516 с., ил.

8. Справочник полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 гг. // СОЛДАТ.ru. URL: <http://www.soldat.ru/pps.html> (дата обращения: 17.06.2019).

9. Указ об упразднении института военных комиссаров в Красной Армии // Мой Web. URL: <https://mywebs.su/blog/history/32478/> (дата обращения: 04.11.2019).

THE USE OF ELECTRONIC ARCHIVES IN THE RECONSTRUCTION OF THE SOLDIER'S COMBAT PATH (ON THE EXAMPLE OF THE MILITARY BIOGRAPHY OF THE POLITICAL WORKER OF THE RED ARMY NIKOLAI MIKHAILOVICH LEKOMTSEV)

Tsyganov Oleg I.

Glazovsky State Pedagogical Institute

named after V. G. Korolenko

25, Pervomayskaya str., Glazov, 427621, Russia

tsyganov.oleg2018@yandex.ru

***Abstract.** In the 1920s, there was a formation of youth of the activist type, which clearly showed itself first in public activities in peacetime, and then – during the Great Patriotic War. Among such people is Glazov resident Nikolai Mikhailovich Lekomtsev. His name, as a student of school No. 1 in Glazov, appears on the memorial stele of the Children's and Youth Center: Lieutenant Colonel Nikolai Mikhailovich went missing on the Leningrad Front in July 1943. Despite the narrowness of the source base for the period of service in the Red Army, it was possible to reconstruct the military pages of the biography of N. M. Lekomtsev in chronological order. In the course of inquiries on the websites and forums of the search teams of Russia, it was possible to establish that Lieutenant Colonel Lekomtsev died during the Mginisky operation in the area of the Malodubrovsky swamp near Leningrad. Unfortunately, despite numerous requests, it is not known how the political commissar died and where he is buried.*

***Key words:** komsomol member; political worker; military conflicts of 1930–1940; defense of Leningrad; Mginisky operation.*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 008(1-6)

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК АКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЯХ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Бекленищева Мария Владимировна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
bekmv88@yandex.ru

Аннотация. В краеведческих музеях 5 городов Свердловской области в течение полутора лет последовательно проводилась работа по ревитализации исторической памяти об участии в побратимских связях. Музеями организованы выставки по указанной тематике, проведены круглые столы с участниками побратимских связей. Опыт встреч можно оценить как успешный. Музеи вышли за рамки постоянной экспозиции, охватывающей период лишь до середины XX века и стали формировать событийную повестку по востребованному направлению развития города в период после окончания Великой Отечественной войны. Участники побратимских связей дополнили фонды музеев экспонатами из личных коллекций, что повлияло на дальнейшее изучение и популяризацию темы. Вместе с тем, работа по актуализации исторической памяти об участии в движении породненных городов совпала с началом Россией специальной военной операции. Современные политические события оказали влияние на восприятие истории, что выразилось в отказе от участия в мероприятиях части информантов.

Ключевые слова: музеи малых городов; побратимские связи; породненные города; групповая дискуссия; информанты.

Введение (Introduction)

Музей выступает традиционным (хотя и не основным) средством сохранения, отражения и формирования исторической памяти [Ростовцев, Сидорчук, 2014]. Вместе с тем в настоящее время наблюдается следующая тенденция: в постоянных экспозициях краеведческих музеев малых городов отражена история до 1945 г. Период после Победы в Великой Отечественной войне (продол-

© Бекленищева М. В., 2024

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти».

жительностью 78 лет) в экспозиции не представлен. Исключение составляет часть истории, связанная с памятью о погибших в Афганистане и Чечне.

Между тем, послевоенный период был насыщен событиями: массовое строительство жилья и развитие инфраструктуры, успехи в науке и технике, спорте и культуре. Материалы о развитии города после победы в Великой Отечественной войне, выдающихся достижениях спортсменов, ученых, общественных деятелей и др. уроженцев муниципального образования аккумулируются в местных краеведческих музеях. Таким образом существует некое противоречие между материалами, отложившимися в фондах музеев, и осуществляемой ими просветительской и научной деятельностью.

Как отмечает О. В. Шабурова, «Целый ряд значимых массовых практик жизни советских людей до сих пор предстает в виде таких "ловушек видимости" – очевидных и одновременно не замечаемых» [Шабурова, 2021, с. 11]. Одной из таких ловушек видимости являются побратимские связи – явление, зародившееся в годы Великой Отечественной войны и игравшее значительную роль в развитии международного сотрудничества в послевоенное время. Побратимские связи устанавливались между двумя городами разных стран с целью межкультурного диалога на неформальном уровне. С одной стороны, десятки тысяч человек принимали в них участие. С другой стороны, тема в общественном сознании до начала 2020-х годов не воспринималась как историческая.

Целью данной статьи является анализ опыта взаимодействия автора исследования с краеведческими музеями малых городов, в фондах которых отложились материалы по участию горожан в движении породненных городов в 1970–1980-е гг. Основу исследования составили деятельность краеведческих музеев пяти городов Свердловской области, поддерживавших побратимские связи с городами Западночешской области Чехословакии в позднесоветский период.

Научная новизна заключается в осмыслении опыта взаимодействия автора исследования с музеями малых городов по актуализации исторической памяти о побратимских связях. Определены ключевые форматы деятельности музеев в данном направлении. Этот опыт может быть растиражирован в работе с другими темами, отражающими социально-экономическое развитие города в послевоенный период.

Актуальность темы определяется тем, что Memory studies – одно из наиболее интенсивно развивающихся междисциплинарных научных направлений.

Методология и источники (Methodology and sources).

Теоретико-методологическим основанием исследования является теория коллективной памяти. Классическими трудами по проблемам исторической памяти являются работы М. Хальбвакса [*Хальбвакс*, 2005], П. Нора [*Нора*, 2005], Я. Ассманна [*Ассман*, 2004], П. Рикера [*Рикер*, 2004] и других.

В соответствии с типовой классификацией исторических источников Л.Н. Пушкарева, в настоящей работе использованы письменные, вещественные, устные источники и фотодокументы [*Пушкарев*, 1975].

Вещественные источники, к примеру, значки, вымпелы, наклейки, статуэтки, медали, пионерские галстуки, грамоты, печатные издания с дарственными надписями, и др. сувениры и памятные подарки, отложившиеся в фондах музеев, стали опорой для применения метода групповых дискуссий, который, согласно классификации И. С. Огоновской, можно отнести к общественно-созидательной коммеморации [*Огоновская*, 2021]. В 2022–2023 гг. на площадках краеведческих музеев 5 городов Свердловской области (Богданович, Заречный, Карпинск, Первоуральск, Сысерть) проходили встречи со свидетелями исторических событий, мнение которых изучалось методом групповой дискуссии. Участниками встреч стали бывшие партийные и комсомольские деятели, пионеры, рабочие, специалисты предприятий – участники приемов чехословацких делегаций и/или поездок в Чехословакию. Аудитория собиралась на территории родного города в музейном пространстве. Участникам предлагалась тема/проблема для обсуждения, сопряжённая с историей международной дружбы малого города.

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

Мероприятия в музеях-участниках исследования проходили последовательно, с интервалом в 1–2 месяца. Тема получила отклик у сотрудников краеведческих музеев. К мероприятию музеи в инициативном порядке организовывали временную выставку, посвященную побратимским связям города.

Первое мероприятие прошло на площадке Богдановичского краеведческого музея. Оно стало единственным, проведенным до начала Россией специальной военной операции (СВО). Участники встречи активно высказывали заинтересованность в восстановлении побратимских связей с городом Рокицаны – побратимом Богдановича в 1970–1980-е годы.

Последующие встречи проводились после начала СВО. Современное состояние международных отношений оказало влияние на восприятие темы побратимских связей с городами Чехословакии в советский период. Так, напри-

мер, летом 2022 г. в одном из городов планировалась встреча с участниками. Для приглашения на мероприятие использовался мессенджер. Респондент подтвердил свое участие и прислал фотографии из поездки в Чехословакию, а спустя несколько дней прислал следующее сообщение: «Скажите пожалуйста для чего эта встреча? Какова цель? Для чего это надо вам. Мне непонятно. У нас очень напряженная обстановка и в том числе с Чехией? Я не хочу быть пешкой в чужой игре. Это мб вообще подстава.» [Л.И.П., 2022]. То есть хронологическая близость исторических событий привела к политизации рассматриваемой темы. Вместе с тем стоит отметить, что такие моменты были единичны. Как справедливо отмечено на официальном сайте Карпинского краеведческого музея, где проходила встреча в 2023 г., «Возможно, в свете последних политических событий, подобная выставка вызовет у кого-то удивление. Но музеи должны быть вне политики, ведь они являются храмами, хранящими историю. А дружба с Чехословакией – это одна из страниц летописи нашего города» [Выставка..., 2023].

Во всех городах в рамках встреч с участниками побратимских связей речь заходила о потребности города и горожан в возобновлении участия в движении породненных городов, востребованности практик общения, наработанных в советское время. Вместе с тем после начала СВО говорилось исключительно о транслировании накопленного опыта на отношения с зарубежными городами-побратимами в рамках текущей внешнеполитической конъюнктуры.

Ряд встреч освещался в местных СМИ, несколько дискуссионных групп прошло в формате «круглого стола» без участия СМИ. Отказ от приглашения средств массовой информации в ряде случаев (не во всех) также был обусловлен влиянием политического фактора.

В ходе мероприятий велась аудио- и/или видеофиксация, таким образом был получен материал для дальнейшей работы над темой, в том числе и в музейном пространстве.

В целом стоит отметить доброжелательную атмосферу в ходе встреч участников побратимских связей. Метод групповой дискуссии с одной стороны позволял участникам «оживить» в памяти некоторые события, но с другой стороны создавал естественное ограничение по времени. Не все информанты, пришедшие на встречу, имели возможность высказать все, что хотели бы. Эта проблема была частично решена обменом контактами и договоренностями о дополнительных индивидуальных встречах.

Музейное пространство выступало актором актуализации исторической памяти о побратимских связях, что способствовало пополнению фондов: ре-

спонденты, приходя на встречу, приносили с собой сувениры, фотографии, газетные вырезки, свои воспоминания, книги с дарственными надписями и передавали их в дар музеям. Это в свою очередь послужило основой для дальнейшего изучения, сохранения и развития темы побратимских связей городов в 1970–1980-е гг. Рядом музеев запланированы новые выставки, встречи с участниками, разработка экскурсий по данной тематике.

Заключение (Conclusion)

Анализ опыта взаимодействия с краеведческими музеями малых городов, участвовавших в движении породненных городов в 1970–1980-е годы, показал, что тема оказалась весьма востребованной, но не свободной от политического влияния, обусловленного современными событиями. Комплексный подход к теме – организация временной выставки, а вокруг нее некой событийной программы – позволили музеям стать центром притяжения общественности, пополнить свои фонды, а также сформировать задел на будущее в экспозиционной и научной деятельности. Такая работа по актуализации исторической памяти о побратимских связях дает импульс противодействию фальсификации истории.

Библиографический список

1. *Ассман Я.* 90 Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Выставка Города – побратимы: Карпинск – Соколов // Карпинский краеведческий музей. URL: <https://karpinsk-museum.ru/vystavka-goroda-pobratimyu-karpinsk-sokolov/> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Л.И.П. // Архив автора, 2022.
4. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 18.01.2024)
5. *Огоновская И. С.* Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 237–241.
6. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

7. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

8. Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.

9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 18.01.2024).

10. Шабурова О. Советский мир в открытке. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 328 с.

MUSEUM SPACE AS AN ACTOR OF ACTUALIZATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF TWINNING TIES ON THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE SVERDLOVSK REGION

Beklenishcheva Mariia V.

Ural Federal University

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia

bekmv88@yandex.ru

***Abstract.** In the local history museums of 5 cities of the Sverdlovsk region, work has been consistently carried out for a year and a half to revitalize the historical memory of participation in twinning ties. Museums have organized exhibitions on these topics, held round tables with participants of twinning relations. The experience of meetings can be assessed as successful. Museums have gone beyond the permanent exhibition, covering the period only up to the middle of the twentieth century and began to form an event agenda for the sought-after direction of the city's development in the period after the end of the Great Patriotic War. The participants of the twinning relations replenished the museum funds with exhibits from personal collections, which influenced the further study and popularization of the topic. At the same time, the work on updating the historical memory of participation in the movement of related cities coincided with the beginning of a special military operation. Modern political events have influenced the perception of history, which was expressed in the refusal of some informants to participate in events.*

***Key words:** museums of small towns; twinning ties; sister cities; group discussion; informants.*

**КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
В ФИЛЬМЕ А. БАЛАБАНОВА «ГРУЗ 200»¹**

Коваль Никита Ильич

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
nikov20043@mail.ru

***Аннотация.** Вопрос представлений о советском государстве в культуре на данный момент очень актуален. СССР – неотъемлемая часть нашей истории и культурная интерпретация значения Советского государства имеет непосредственное влияние на конструирование культурной памяти, и последующего развития страны. Статья призвана исследовать и представить образ Советского государства, показанный современником того времени через психоэмоциональную рефлексию при помощи художественных средств выразительности в фильме. В статье были рассмотрены высказывания режиссёра об идее фильма «Груз 200», дискурс критиков вокруг его фундаментального посыла и образов, связь фильма с первоисточником (романом) и её значение для произведения. На основе анализа всех вышеперечисленных аспектов сделан вывод о значении и образах Советского государства, представленных в фильме. Результаты исследования характеризую неординарный взгляд режиссёра на значение Советского государства и его влияние на тенденции конструирования культурной памяти, с которыми его взгляды сильно разнятся.*

***Ключевые слова:** А. Балабанов; «Груз 200»; культурная память; образ государства; интерпретация.*

Репрезентация советского государства в культуре приобрела особое значение после его развала. В различных произведениях образ СССР предстаёт по-разному. В романе В. Пелевина «Омон Ра» Советский союз показан как напыщенный и дешёвый силуэт, во всем своем великолепии существующий только в сознании советских людей [Fanfanews, 2019]. В этой волне постсоветских культурных аллегорий на государство особо следует отметить фильм А. Балабанова «Груз 200» (2007), который после выхода вызвал огромное количество споров, не утихающих по сей день. Зрители дискутируют, является ли фильм истинным отражением нашей реальности или просто «чернухой», взявшей за основу психические отклонения автора [Закрытый показ, 2008]. Спорят и о том, гениален

или, наоборот, откровенно бездарен фильм. Мнения о картине в обществе прямо-таки полярны друг другу [Там же]. Дзни называют фильм шедевром, а другие, напротив, – самой неудавшейся картиной автора [Там же].

Фильм обладает огромным полем для самых разных интерпретаций и трактовок, каждый зритель может сформировать свое мнение. Фильм показывает и образ советского государства, и государства как явления. Паутина знаковых образов составляет картину этого фильма. Нельзя с точностью сказать о том, что автор сам вложил в фильм как посыл, а что просто является домыслами критиков. Однако мы не можем не обратить внимания на некоторые, пусть и очень скудные, высказывания режиссёра о своём фильме.

Так, в интервью газете «Новое время» в 2007 г. Алексей Октябрьнович высказался о возникновении идеи фильма: «Замысел возник где-то в середине 90-х, я десять лет его вынашивал. С 1983 года я пять с половиной лет работал ассистентом режиссера научно-популярного кино на Свердловской киностудии и поэтому много ездил по стране — по Сибири, Дальнему Востоку. И видел, как простые люди живут. Жили они очень плохо» [Гусятинский, 2007]. ЧПосле Балабанов отметил: «Я передаю свой опыт. [...] Страшное было время – из-за безнаказанности, которая прикрывалась законом. А по телевизору только хорошее показывали, и фильмы снимали смешные» [Там же]. Фильм на первый взгляд показывает страшную жизнь советской провинции и в картине чётко угадывается посыл, озвученный режиссёром – ужас, происходящий на экране, удивительно контрастирует с весёлой и жизнерадостной музыкой, играющей на фоне. Однако исчерпывается ли символическое значение фильма только лишь вышеозначенным? В том же интервью режиссёр признался: «...мое кино более витиеватое, более сложное и открытое — в нём каждый может найти всё, что он хочет найти» [Там же]. Автор фильма говорит о том, что не будет разъяснять все послы и мотивы своего фильма. Так, ещё в 2002 г. Балабанов говорил: «Я снимаю фильмы, а как их воспримут – это уже не ко мне. Сами разбирайтесь, кто есть кто. Я не хочу объяснять свои фильмы. Я их делаю» [Нечаева, 2002]. В таком случае, поле для интерпретаций Балабановских фильмов практически не имеет границ. Отмечая нежелание режиссёра подробно говорить про послы и идеи фильма, обратимся к восприятию критиков. Многие знаковые образы картины читаются очень легко, для осознания других требуется время. Но все они соответствуют концепции и несут в себе мысль.

Необходимо отметить, что фильм «Груз 200» посвящен не только Советскому государству, а государству в целом, о российской действительности, имеющей место в любое время. Писатель и критик Д. Быков в своей рецензии

отмечает: «Правда, сегодняшняя Россия отличается от изображенной хотя бы тем, что город Ленинск наверняка переименован, трубы не дымят, лозунги "Слава КПСС" заменены чем-нибудь единокорским, а попса стала значительно менее мелодична» [Быков, 2007]. Об общем послы, критикующем государство, говорит и фраза «Груз 200», в самой картине написанная большими белыми буквами на окрашенной в красный цвет карте страны. Режиссёр как будто бы говорит нам о том, что государство есть разлагающийся труп. Это замечено и Быковым: «В принципе и с месседжем проблем нет, он легко считывается благодаря говорящему названию: вся застойная Россия — сплошной разлагающийся груз 200» [Там же].

О том при интерпретации фильма критики и зрители обратили внимание на образ государства, кинокритик Наталья Сирипля говорит следующее: «Подсознательный ужас перед государством как "оборотнем в погонах", использующим в собственных, непостижимых целях безграничное право творить насилие, просыпается в душе у нашего человека мгновенно. Этот подспудный страх и заставляет (в зависимости от формы рационализации представлений о родном государстве) либо истово защищаться: "Все неправда, так не было (сейчас — другое дело!)", — либо восклицать: "Да, так было всегда!" "Груз-200" — кино о судьбах России!"» [Сирипля, 2007].

Образы фильма очень сложны и запутанны. Ключевой персонаж истории — капитан Журов — не имеет собственной арки развития и какой-либо истории. Режиссёр намеренно ничего не рассказывает о герое и его биографии, чтобы заострить внимание на милиционере именно как на образе власти, безнаказанно творящей различные зверства, на образе маньяка, прикрывающегося своим положением и, наконец, на образе самого государства, как идее. В своём кинообзоре Наталья Сирипля сказала об этих образах: «Получается, что девушка Ангелина [Анжелика — *Н. К.*] (Агния Кузнецова) — это страна, которую насилует в извращенной форме импотентная, жестокая власть. Ее папа, секретарь райкома, — власть прежняя, не способная правильно воспитать и спасти свое дитя. Ее мертвый жених — герой-афганец, тело которого маньяк Журов (Алексей Полужан), извлекая из цинкового гроба, швыряет к ней на кровать, — опочившая в бозе идея имперского патриотизма. Колоритный алкаш (Александр Баширов), который трахает ее на глазах у Журова в соседстве мертвого жениха, а потом оказывается жмуриком № 2 на этой кровати, — обреченное воплощение уголовного анархизма. Бывший зэк, поклонник Кампанеллы, продававший бухло из-под полы и расстрелянный по приговору суда за убийство, которого не совершал (Алексей Серебряков), — олицетворение утопических народных мечтаний.

Гнусный фарцовщик Валера (Леонид Бичевин), спьяну забывший девушку в нехорошем доме, – нарождающийся капитализм. Профессор научного атеизма (Леонид Громов) – трусливая, гнилая интеллигенция. А жена убитого утописта Антонина (Наталья Акимова), отомстившая за мужа, пристрелив Журова, но даже не подумав при этом освободить замученную голую девушку, так и оставив ее сходить с ума в комнате с тремя трупами, – стихия “русского бунта, бессмысленного и беспощадного”» [Сиривля, 2007]. Фильм так и пестрит образами, самыми разными и очень многогранными.

В публичном обсуждении фильм также привлек внимание критиков и зрителей. «Груз 200» был предметом обсуждения на передаче «Закрытый показ» с ведущим Александром Гордоном [Закрытый показ, 2008]. Обзор дискуссии в контексте текущего исследования поможет взглянуть на фильм глазами разных людей. Важно отметить, что на передаче присутствовали и давали свои комментарии люди, участвовавшие в создании фильма, в том числе и режиссёр. К обсуждению были допущены как профессиональные критики, актёры, режиссёры, журналисты, так и обычные зрители, не имеющие никакого отношения к кинематографу. Спорящие были условно разделены на два лагеря: те, кому картина определённо понравилась и те, кто считал ее очень неудачной работой режиссера.

В новостном очерке Первого канала был охарактеризован ход дискуссии на передаче: «Те, кто горячо поддержали фильм, увидели в нем метафору, живую боль, реализм, произведение искусства. Яростные противники утверждали, что картина опасна и никакого отношения к искусству не имеет, что это "дурдом, шизофрения, патология и мерзкий подлог фактов". Кроме того, фильм не заставляет думать, ничему не учит, а, напротив, будит самые низменные чувства (С. Савицкая). Бурные споры сосредоточились вокруг недавней советской эпохи (1984 год)» [Фильм А.Балабанова обсудили..., 2008].

Со стороны критиков, поддержавших фильм, особо следует отметить Андрея Смирнова – классика советского кинематографа, режиссёра таких известных фильмов как «Белорусский вокзал», «Осень», «Верой и правдой» и др. Известный режиссёр на передаче более всех одобрил снятую Балабановым картину, он сформулировал свою позицию наиболее чётко. «Этот мир, сам по себе, построенный на экране, абсолютно убедителен, ярок, он несёт собой образ определённого общества. [...] И только вторым следует ставить вопрос о том, в какой мере этот образ реален и что он отражает: Советский Союз 1984 года, а может быть и нашу сегодняшнюю жизнь?» [Закрытый показ, 2008] Со стороны людей, которым фильм не понравился, в первую очередь следует назвать

Светлану Савицкую, первую в мире женщину-космонавта, вышедшую в открытый космос. Сама она признаётся, что не является профессионалом в этой сфере и подходит к критике фильма как любитель с чрезвычайно широким опытом просмотра различных картин. Свою позицию она озвучивает следующим образом: «Вот то, что показано в фильме, даже сам сюжет, даже в деталях, я знаю профессионалы могут показать, сколько было неверного, но не могло и в принципе быть вот такого» [Там же]. Савицкая так же называет происходящее на экране «дурдомом» и «шизофренией», отмечая в своих высказываниях русофобию тех, кому фильм понравился. По поводу столь явственно и кардинально отличающихся позиций касательно фильма Андрей Смирнов сказал: «Все не перестаю удивляться: вот мы с госпожой Савицкой вроде бы жили в одной стране, а оказывается нет. Она жила в одной, я жил в другой, я свою жизнь прожил в той стране, которую показал Балабанов на экране. А та страна, в которой прожила свою жизнь госпожа Савицкая, существует только в головах коммунистов» [Там же]. Анализ телевизионной публичной дискуссии в очередной раз показал неоднородность фильма и его глубину в представлении семиотических образов.

С этой дискуссией удивительно чётко перекликаются образы из фильма. Образ интеллигентного Артема Казакова находит свое отражение в высказываниях ненавистницы фильма Балабанова Светланы Савицкой.

На основании всех вышеописанных рецензий и обсуждений фильма можно сделать вывод о том, что картина очень неординарна и сложна для интерпретаций и понимания.

Следует обратить внимание на то, что фильм основан на произведении американского писателя Уильяма Фолкнера. Необходимо проанализировать источник истории для установления большей ясности о задумке фильма.

Режиссер Балабанов не говорил о сюжетном первоисточнике своей картины, но просто невозможно не заметить персонажей и события, которыми он вдохновился, романа «Святылище» американского писателя Уильяма Фолкнера, впервые опубликованного в 1931 г. Например, в романе описана дочь судьи Темпл Дрейк, в фильме – дочь секретаря райкома партии Анжелика Набоева; в романе – бандит Лупоглазый, в фильме – милиционер Журов; в романе – самогонщик Алексей Белов, в фильме – бутлегер Ли Гудвин и т. д. И в фильме, и в романе по сюжету девушка оказывается в доме самогонщика (бутлегера) по вине своего безответственного ухажера, и далее сюжеты насилия в некоторыми отличиями совпадают. Таких сюжетных сходств у фильма и романа много. Режиссер, когда его спрашивали о задумке «Груза 200», непременно говорил о том,

что идея родилась в середине 1990-х годов, когда он работал ассистентом режиссера и много путешествовал по стране, но роман «Святылище» не упоминал.

Доктор филологических наук А. В. Флоря в 2019 г. писал следующее: «Можно вполне уверенно утверждать, что Балабанов использовал сюжетную основу романа. Во-первых, сам этот метод ему не чужд: в своем раннем фильме «Счастливые дни» он перенес на позднесоветскую почву сюжеты рассказов С. Беккета и использовал название одной из его пьес. Во-вторых, до определенного момента сюжетные ходы фильма и романа Фолкнера сходятся в деталях» [Флоря, 2019, с. 1072].

В своих комментариях о фильме Алексей Октябринович ни разу не упоминал сюжетный первоисточник – роман Фолкнера. По этому поводу Н. Сиривлия писала: «Фолкнер не упомянут скорее всего потому, что режиссеру было важно "прикрыть" космополитически-литературный характер фабулы, дабы успешнее выдать ее за “ужасы родного совка”» [Сиривлия, 2007]. А. В. Флоря по данному вопросу отмечает: «То, что у Фолкнера только сказано, у Балабанова превращается в действия, которые, впрочем, как было отмечено, следует истолковывать символически» [Флоря, 2019, с. 1072]. Подробнее о различиях в характерах персонажей А. В. Флоря пишет: «Проститутка Руби у Фолкнера сама себя называет работой самогонщика Гудвина. Она бросила свою жизнь ему под ноги, вызволила его из тюрьмы, терпит унижения и побои и презирует Темпл за неспособность растоптать себя ради любви. После ареста Гудвина по ложному обвинению Руби становится гонимой жертвой ханжеского общества. У Балабанова Антонина не похожа на рабу. Это загадочная гордая и суровая женщина, обожающая самогонщика Алексея Белова. После его ареста по ложному обвинению (в убийстве вьетнамца Суньки, пытавшегося защитить Анжелику от Журова) она, повинаясь его желанию, не делает попыток его спасти, зато убивает Журова – виновника гибели Алексея. Таким образом, героини Фолкнера и Балабанова диаметрально противоположны» [Там же].

Исходя из всего вышеописанного, можно сделать вывод о том, что Балабанов взял сюжетную первооснову романа, так как счёл её достаточно шокирующей для описания того, что оказало влияние на него в позднесоветской эпохе. В сюжет Балабанов умело вплёл факты из собственной жизни, советскую действительность времён К. У. Черненко и свой основной посыл. По этому поводу сам Балабанов отмечает: «Для меня главное, чтобы люди в кино пошли и почувствовали тот ужас, который чувствовал я. Если бы я не ездил тогда по стране, я «Груз 200» не снял бы. Если человек в то время жил, он что-то из него вынес. Опыт — сын ошибок трудных, как сказал Пушкин, и он был прав. Кому-

то стыдно за то, кем он тогда стал. А кто-то считает, что то время было самым хорошим» [Гусятинский, 2007].

На основе анализа самого фильма постараемся проследить становление образа государства в картине.

Поскольку государство и государственная власть понятия достаточно многогранные и различные в определённых отрезках времени, сложно использовать один образ. Именно поэтому в фильме государство представлено тремя образами. Первым образом государства, преследующим зрителей на протяжении всей картины, является государство-фон, представленное контрастной музыкой, работающим телевизором, поведением отдельных персонажей. Музыка в фильме имеет большое значение и сопровождает реальность, в которой жил среднестатистический советский гражданин в фильме: плохие события скрыты от глаз среднестатистического гражданина за весёлыми песнями, фильмами, передачами и пропагандой. А. В. Флоря писал по данному вопросу: «То есть мажорные хиты идут контрапунктом к мрачным, отвратительным и страшным картинам реальности, и этот принцип в “Грузе 200” – главный. Он очень эффектно проявляется в тех случаях, когда песни сопровождают сюжет, как бы его иллюстрируя. Например, в шлягере А. Морозова рисуется идиллическая картина:

В краю магнолий плещет море.

Сидят мальчишки на заборе и т.д. (здесь и далее тексты песен цитируются по памяти) – а на экране показывают дискотеку в чудовищно обшарпанном провинциальном клубе вдали от моря и безо всякого намека на магнолии. (В фильмах тех лет – “Влюблен по собственному желанию”, “Вас ожидает гражданка Никанорова” и др. – безо всякой лакировки показывали простые невзрачные сельские клубы, но они не производили такого жуткого впечатления). Песня “Увезу тебя я в тундру” служит комментарием к похищению Журовым Анжелики, а другой советский шлягер 1970-х гг. – “Вологда” в исполнении “Песняров”:

Что б ни случилось, я к милой приду

В Вологду-гду-гду-гду, в Вологду-гду.

Сам я за ответом приду –

сопровождает сцену изнасилования Анжелики алкашом в присутствии Журова» [Флоря, 2019].

То есть в первом образе государство – неодушевлённый фон, искусственно созданный кем-то свыше. Жертвой государства-фона можно назвать заведующего кафедрой научного атеизма Артёма Казакова. Кажется, что он подозре-

вает о будущих изменениях, знает о происходящих ужасах, но слишком труслив, чтобы что-либо предпринять и покинуть мир своих идеологических фантазий. Он не приемлет других точек зрения и очень жестко отстаивает свою позицию, боясь потерять уверенность в ней. Это явственно видно из спора Казакова с Алексеем, торгующим самогоном. Сам Балабанов указывает нам на инфантильность и нежелание принимать реальность Артёма следующим образом: практически каждый раз, когда герой появляется в кадре, на фоне играет песня ВИА Ариэль «В краю магнолий...», начинающаяся словами: «*Не зная горя, горя, горя...*». Второй «жертвой» государства-фона является мать Журова, в фильме олицетворяющая на первый взгляд, такое сложное и многогранное понятие, как народ. Она до фанатизма увлечена телевизионными передачами и за просмотром заседаний государственных органов и развлекательных передач не замечает то, что ее сын делает в соседней комнате.

Номинальная власть – это второй образ государства, представленный секретарем райкома партии Набоевым и выглядящий до безобразия жалким и беспомощным. Герой олицетворяет так называемую «прежнюю элиту», которая под натиском назревающих перемен уступает место другой, силовой грани государства – милиционеру-маньяку капитану Журову. Именно образ государства в лице Журова кажется самым жутким и действенным. Первоначально Журов появляется в доме самогонщика безмолвно и пугающе, не являясь другом Алексею или Антонине. По сюжету фильма самогонщика и милиционера связывает что-то еще не известное зрителю ещё со времен первого тюремного заключения Белова. В картине нет информации, но можно предположить, что милиционер способствовал освобождению самогонщика, так как Белов признает свои обязательства перед Журовым и соглашается взять вину за убийство вьетнамца Суньки на себя. За это преступление Белов оказывается приговорённым к расстрелу. Государство в образе Журова – дьявол. Заключив с ним условный договор и получив что-то в начале (освобождение, более мягкие условия в тюрьме – неизвестно) самогонщик вынужден умереть в конце, взяв на себя вину за преступление Журова и исполнив условия заключенного «контракта».

В доме самогонщика маньяк находит девушку, которую впоследствии будет называть своей женой. Девушку заперла в бане Антонина, на первый взгляд для того, чтобы спасти, но скорее из-за ревности к Алексею. Журов находит и впоследствии похищает её. В бане происходит первая сцена надругательства над Анжеликой с применением бутылки из-под самогона: можно видеть аллереорию – страна страдает от пьянства. Девушка надеется на помощь своего отца-секретаря райкома партии и молодого человека-бойца оперативно-разве-

довательного подразделения «Каскад», проходящего службу в Афганистане, но никто не помогает. Журов увозит девушку в квартиру и там происходят ключевые для понимания всей концепции фильма сцены.

Постоянно в этой локации присутствуют три ключевых персонажа – Анжелика, символизирующая страну, попавшую в плен к жестокому и ненормальному государству; мать Журова, символизирующая непросыхающий от пьянства народ, который безразличен ко всему происходящему и реальности предпочитающий телевизионные передачи – выдуманную, фикциональную «реальность»; капитан Журов, символизирующий государство, из-за психических отклонений не способный любить и мучающий объект своей привязанности – Анжелику. Все, на чью помощь рассчитывала студентка, оказываются во власти Журова. Поклонник Анжелики мёртв, сцена встречи его тела Журовым тоже очень символична: сначала из самолёта выносят гробы с мёртвыми солдатами, а потом в этот же самолёт забегает рота живых солдат – будущий груз 200. Отец Анжелики считает Журова единственным шансом на спасение пропавшей дочери, просит у милиционера помощи. То есть старая власть в лице Набоева слаба и беспомощна, империализм (жених) мёртв, страна подчинена новой власти, жестокой и беспощадной.

Капитан милиции вовлекает в личные отношения с девушкой недавно задержанного алкаша – «воплощение уголовного анархизма», как было подмечено Н. Сиривли [Сиривли, 2007]. После Журов убивает его жалуется матери: «Мам, он ей не понравился. А я так хотел...» [«Груз 200 (фильм в HD)», 2019]. Представления о любви у Журова ненормальны, но в определённый момент времени он понимает, что его любовь к Анжелике не взаимна. Своей матери он говорит: «Она не любит меня, мама, до меня у неё жених был», на что та отвечает: «Правильно, любой бабе мужик нужен, а ты... эх» [Там же]. Народ в образе матери не обращает внимание на всё то, что делает государство в образе Журова, но иногда выражает неодобрение.

В целом, отношение матери Журова к милиционеру описывает отношение народа к государству. Например, подойдя к кровати Анжелики мать Журова говорит: «Ты, маленькая, мужа то не обижай, у него работа трудная» [Там же]. Т.е. народ считает работу государства тяжелой, но выказывает уважения и иногда презирает его, упуская из сферы внимания преступные перформансы. Пытаясь получить взаимность от Анжелики, Журов со словами «Жених приехал» привозит труп её молодого человека, а затем садится перед девушкой и зачитывает письма, надеясь на ее осознание ситуации или положительную реакцию. Восприятие Журовым реальности определено ненормальна, а любовь его жестока. История в квартире заканчивается тем, что Журова убивает жена са-

могонщика (как было отмечено Н. Сиривей – воплощение русского бунта) [Сиривей, 2007], мстящая за мужа. Героиня оставляет Анжелику (страну) умирать в мучениях в комнате с тремя трупами.

Журов мёртв, фон скоро истаёт, а прежняя власть уже никогда не обретёт своих позиций. Но что же придёт на смену? Балабанов даёт ответ на этот вопрос в фильме: на финальных кадрах зритель видит, как фарцовщик Валера (образ нарождающегося капитализма) предлагает сыну коммуниста Артёма Казакова схему заработка. Это и есть воплощение нового государства, впоследствии новые люди станут руководить страной, на их стороне будет сила и власть. На первый взгляд они сильно отличаются от государства в образе милиционера Журова, но так ли велико это различие? Сам Балабанов говорит по данному вопросу: «Между бандитским беспределом 90-х и милицейским беспределом того времени можно поставить знак равенства. Тогда человека могли забрать и сделать с ним что угодно — в клетку посадить, избить, что со мной проделывали не раз. А в 90-е то же самое делали бандиты, купившие милицию. Те, кто в 90-е были бандитами, сейчас цивилизовались и стали благосостоятельными бизнесменами и политиками» [Гусятинский, 2007]. Можно предположить, что для режиссера государство как институция циклично, оно может изменять формы, но суть остается прежней.

Таким образом, Советское государство и государство представлены в фильме в нескольких ипостасях: как образ сумасшедшего маньяка-убийцы, мучающего объект своей любви; образ безмолвного фона, погружающего народ в фикциональный транс; а также образ ситуативной слабости и беспомощности в критических ситуациях. Так же художественная картина «Груз 200» представляет нам цикличность такого образа государства, меняющего формы, но фундаментально остающегося неизменным. Такое восприятие автора фильма отличается от образа государства в культурной памяти народа, где оно представлено иначе.

Библиографический список

1. *Быков Д.* Груз-2007 // Огонек. 2007. 8 апреля. С. 4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2298679> (дата обращения: 20.04.2023).
2. «Груз 200 (фильм в HD)» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5ZUqRK41guI> (дата обращения: 20.04.2023).
3. *Гусятинский Е.* Алексей Балабанов «Кино – это энергия, ты её всё время отдаёшь, с каждым фильмом» // Новое время» 2007. 18 июня. URL: <https://kinoart.ru/interviews/kino-eto-energiya-ty-ee-vse-vremya-otdaesh-s-kazhdym-filmom> (дата обращения: 20.04.2023).

4. «Закрытый показ». «Груз 200» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZFfqXRZRicI> (дата обращения:).

5. Нечаева Н. Алексей Балабанов о Войне, Уродах и Людях. Журнал «Итоги». 2002. 22 апреля. URL: https://cinema.rin.ru/cgi-bin/main.pl?action=article_view&id=290 (дата обращения: 20.04.2023).

6. Первый канал. Фильм А.Балабанова обсудили в программе Гордона. 2008. 21 апреля. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2008-04-21/194264-film_a_balabanova_obsudili_v_programme_gordona (дата обращения: 20.04.2023).

7. Сирипля Н. Без бога в душе, без царя в голове... // Новый мир. 2007. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2007/9/kinoobozrenie-natali-sirivli-35.html (дата обращения: 20.04.2023).

8. Флоря А. В. Интертекстуальные элементы в поэтике фильма А. Балабанова «Груз 200» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. № 6 (29). С. 1071–1080.

CULTURAL INTERPRETATION OF THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE STATE THROUGH SEMIOTIC IMAGES IN A. BALABANOV'S FILM “CARGO 200”

Koval Nikita I.
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia
nikov20043@mail.ru

***Abstract.** The question of ideas about the Soviet state in culture is very relevant at the moment. The USSR is an integral part of our history and the cultural interpretation of the meaning of the Soviet state has a direct impact on the construction of cultural memory, and, accordingly, the subsequent development of the country. The article aims to explore and present the image of the Soviet state, shown by a contemporary of that time through psycho-emotional reflection with the help of artistic means of expression in the film. The article considered: the director's statements regarding the idea of the film, the critics' discourse around its fundamental message and images, the direct connection of the film with the original source (novel) and its significance for the work. Based on the analysis of all the above aspects, a conclusion is made about the meaning and images of the Soviet state presented in the film. The results of the study show the director's extraordinary view of the significance of the Soviet state and its influence on the construction of cultural memory, with which he differs greatly.*

***Key words:** A. Balabanov; “Cargo 200”; cultural memory; image of the state; interpretation.*

Научное издание

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

**Проблематика, методология, исследовательские техники
современного социогуманитарного знания**

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, 14–15 апреля 2023 г.)

Ответственные за выпуск:
А. Р. Ехлакова, Д. А. Ренев
Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *А. Р. Ехлакова*

Объем данных 4,01 Мб
Подписано к использованию 23.05.2024

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15